

ВОКРУГ **СВЕТА**

10 1960
ОКТЯБРЬ

ОНИ ШТУРМУЮТ НЕДРА ПЛАНЕТЫ!

Мы ехали по курским степям среди моря поспевших хлебов. И вдруг перед нами возле самой дороги разверзлась пропасть... Раньше такое бывало только в эпоху геологических катаклизмов: проваливались в морскую пучину архипелаги, сдвигались горы, и глубокие каньоны оставались на месте высочайших хребтов.

Мы стояли у края Лебединского карьера и с трудом верили, что вот такие удивительные явления — колоссальные разрывы недр земли — стали сейчас заурядным делом человеческих рук. В наше необыкновенное время процесс созидания принял поистине планетарные масштабы. 20 — 30 лет назад люди могли брать у природы только то, что лежало рядом — неглубоко и неподалеку: мы слизывали железорудные сливки с гор Магнитной и Благодать, тянули руку к подземным богатствам лишь сквозь узкие щели шахт. Ныне в сокровищницу Курской магнитной аномалии как бы настезь распахнуты двери: пласты известняка, глины, песка, которыми природа ревниво прикрывала руду, снесены и расчищены. Впервые солнечные лучи упали на обнаженное рыжевато-коричневое тело руды.

Днем и ночью не утихают работы на Лебединском карьере: взрывы раскалывают рудные утесы, экскаваторы подбирают глыбы ковшами, и долгожданная богатая курская руда широким потоком идет по живой конвейерной ленте машин.

Ветер стремительных перемен дул ветхие домики бывшего села Лебеди — от него осталась только полуразвалившаяся церквушка, которую воспринимаешь как диковинный анахронизм среди самосвалов, экскаваторов, электровозов и высоких новых домов рабочего городка.

Кто эти люди, смело ворвавшиеся в недра планеты? Свыше двух тысяч комсомольцев трудятся на Лебединском карьере. Они здесь всюду: за рычагами в кабинах экскаваторов, за баранками мощных самосвалов, у насосов, которые днем и ночью откачивают воды из недр земли, не давая им прорваться в котлован. Недаром карьер объявлен ударной комсомольской стройкой. Здесь работают люди самых разных профессий, даже морские капитаны. Об одном из них мы расскажем в нашем очерке.

Путешествие

ПО СТРОЙКАМ СЕМИЛЕТКИ

1960

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10
ОКТАБРЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В этом номере:

ВСТРЕЧА С СУХОПУТНЫМ КАПИТАНОМ
ОТКРЫТИЕ В ЯКОВЛЕВЕ
ЗАПОВЕДНИК РЯДОМ С КАРЬЕРОМ
АКВАЛАНГИСТЫ – ИХТИОЛОГАМ
ЛЕДЯНАЯ ПРОВКА ЕНИСЕЯ
МОЛОДАЯ АФРИКА
**ВРОНСКИЙ: А ВСЕ-ТАКИ
ЭТО МЕТЕОРИТ!**

«ПОД НЕБОМ ДРЕВНИХ ПУСТЫНЬ» —
ПРЕДЫСТОРИЯ ФИЛЬМА

БЕССМЕРТИЕ ПОГРАНИЧНИКА

«Там течет Голубой Нил» —
окончание путевых очерков Н. Драчинского
ТРАГЕДИЯ В ТИХОМ ОКЕАНЕ
НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

РЕПОРТАЖИ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ. ТУРЦИИ, ИСПАНИИ. ГИБРАЛТАРА

Фото Г. Голубева

Иван Сергеевич Кулинич (вы видите его на верхнем снимке) — один из тех богатырей, кто создал своими руками этот колоссальный каньон. Точнее, не руками, а фрезой мощного землесосного снаряда № 507, начальником которого он работает.

Десять лет назад он окончил Ростовское мореходное училище, мечтая на учебной скамье о дальних плаваниях, о штормах и приключениях. Но на великих реках нашей Родины как раз в те годы начиналось строительство громадных гидростанций. И по призыву комсомола Иван Кулинич встал на вахту в рубке не океанского судна, а землесоса.

Хотя на первый взгляд землесосный снаряд вовсе не предназначен для дальних плаваний, Кулиничу и его товарищам пришлось совершить на нем не близкий рейс. Когда закончилось строительство Куйбышевской станции, целая флотилия земснарядов отправилась в трудный переход по Азовскому и Черному морям к месту новой работы — на Днепр. Море встретило неласково отважную флотилию. Налетевший шторм разметал земснаряды, один из них получил пробоину и стал тонуть. Услышав по радио сигнал бедствия, Кулинич повел свое «судно» на выручку товарищам. Их удалось спасти буквально в последний момент, когда над пенистыми водяными

**КУРСКАЯ
МАГНИТНАЯ**

холмами торчала уже одна стальная штанга, за которую цеплялись обессилевшие люди...

Но остальные земснаряды успешно завершили этот невиданный переход и встали в забой Кременчугской гидростанции. А потом Кулинич со своим неразлучным 507-м перекочевал в курские степные края.

На его глазах сказочно менялся пейзаж. Сначала в степь пришли гидромониторы и мощными струями воды начали размывать верхний слой земли. Потом выемку осушили, и за работу взялись экскаваторы. Они вгрызались в твердые как гранит древние известняки.

Рядом с экскаваторами встал в забой и земснаряд № 507. Многим казалось невероятным, чтобы землесос смог работать на таком тяжелом грунте. Но Кулинич верил в своих багеров, механиков, рабочих.

И смелый опыт удался. Землесосы помогли экскаваторам быстрее пробиться сквозь толщу известняков. Ниже уже залегают пески — отличный грунт для землесосов. И тогда котлован снова неузнаваемо изменился. Он превратился в озеро, по которому плавали лодки и носились катера.

А теперь на месте озера глубокий каньон, на дне которого гремят взрывы, и экскаваторы вываливают в кузова самосвалов такие глыбы руды, что под тяжестью их автомашины приседают на своих исполинских, в рост человека, колесах.

А Иван Кулинич снова стоит на мостике своего землесоса в соседнем карьере. Это озерцо, как видите, еще не велико. Но приключения бывают и здесь. В одну из летних ночей тут произошел случай, заста-

вивший Кулиничу и его товарищей немапо поволноваться.

Обрывистые берега карьера поднялись тогда уже метров на двадцать. Фреза землесоса все время подтачивала их снизу. И берега то и дело рушились в воду, поднимая волну и снопы брызг. В одну из ночей произошел такой сильный обвал, что взметнувшейся волной вырвало боковую площадку у землесоса № 507. Вырвало вместе с изрядным куском стальной обшивки. В пробоину хлынула вода. Землесос стал тонуть.

Кулинич не растерялся. Он приказал до отказа опустить раму, которая держит в воде фрезу со всасывающей трубой. Землесос оперся на нее, словно на костыль. Тем временем к борту подогнали понтоны и выровняли опасный крен. Багер Василий Кузнецов и машинист Дмитрий Переверзев по очереди ныряли в мутную воду и буквально на ощупь заткнули пробоину войлочным пластырем...

Наутро земснаряд уже продолжал работу.

Днем и ночью гонит он по трубам пульпу — воду, смешанную с песком. Скоро карьер углубится до заветной руды, станет таким же глубоким каньоном, и тогда сюда придут самосвалы и электровозы. А Иван Кулинич со своим экипажем перекочует на новое место.

Мы узнали, что природа в курских краях приготовила немало сюрпризов. Тут несколько любопытнейших аномалий. Одни прячутся под землей, другие находятся прямо на ее поверхности. Мы так и поведем дальнейший рассказ об этих аномалиях — двумя параллельными курсами.

ДВУХЭТАЖНАЯ АНОМАЛИЯ

Шо пути из Курска в Белгород, у самого шоссе, стоит небольшое селение Яковлево. Селение как селение, не на всякой карте его найдешь. Но геологи непременно наносят его на все карты и схемы Курской магнитной аномалии. Для них Яковлево означает очень много. Здесь как бы началось заново открытие Курской аномалии, хотя изучают ее уже без малого две сотни лет...

Вся загвоздка в том, что изучать КМА не так-то легко. Железная руда прячется здесь на глубинах от шестидесяти метров до километра, а то и больше. А сверху — никаких признаков: зеленеют поля, цветут душистые степные травы, заливаются над ними в небесной вышине жаворонки. Бродить тут с традиционным молоточком, как многие привыкли представлять себе геолога, совершенно бесполезно.

Присутствие богатейших залежей железа в земле выдал ученым компас. И в дальнейшем магнитная разведка служила для геологов основным методом разведки рудных богатств Курской аномалии. Там, где приборы отмечали наибольшее отклонение силы земного магнетизма от нормы, там, считали, и прячется

руда. Там и закладывали разведочные буровые скважины.

Пользуясь таким методом, нашли геологи Лебединское месторождение, Михайловское и другие. С каждым вновь найденным месторождением представлением о богатствах КМА менялось. Но открытие, сделанное в Яковлеве, вызвало настоящую сенсацию в научном мире.

Как порой бывает, открытие это началось вроде бы со случайности. Железной руды здесь никто особенно не искал. Аномалия в окрестностях Яковлева была слабая, ее даже на карты не наносили — бесперспективный район. Искали здесь каменный уголь. Но в 1953 году на глубине свыше полукилометра бур неожиданно вошел в рудное тело. И это была настоящая, богатая железом руда.

Вот тут геологи и задумались: не прячется ли за этой случайностью закономерность? Почему богатое месторождение отличной руды не порождает сильной магнитной аномалии и так долго оставалось из-за этого скрытым от геологов? Случайно ли это?

Нет, вовсе не случайно. Это показали дальнейшие исследования в районе Яковлева.

Стало прежде всего ясно, что сильные аномалии создают залежи не богатых руд, а более бедных железистых кварцитов. Именно на кварциты наткнулись разведочные скважины в местах наибольших аномалий. А залежи богатых руд прятались в недрах земли, не подавая о себе магнитных сигналов. Из-за этого и создавалось ошибочное представление, будто залежи Курской аномалии состоят из железистых кварцитов.

Открытие в Яковлеве подсказало геологам новый метод разведки, прямо противоположный прежнему: искать руду не в местах сильных аномалий, а, наоборот, там, где магнитные отклонения слабее.

И тут возникли новые трудности. Слабые аномалии гораздо труднее обнаружить, чем сильные. Для этого нужны особо чуткие приборы.

КУРСКАЯ БОТАНИЧЕСКАЯ

Хотя было еще утро и наш «газик» шел с обычной крейсерской скоростью 80 километров в час, белое пламя летнего зноя уже прихватывало лицо, руки, блестело на лбах бусинками пота. Угарный запах нагретого асфальта властвовал в тягучем, загустевшем от жары воздухе, и мы почувствовали большое облегчение, когда свернули, наконец, у Селиховых Дворов на проселочную дорогу к Центральному черноземному заповеднику.

В одном из белых домиков, уютно спрятавшихся в тени дубов и кустарников, нас встретил заведующий научной частью заповедника Виталий Николаевич Голубев. Нам повезло: Виталий Николаевич как раз собирался в степь и согласился взять нас с собой на заповедные земли.

...Мы остановились у живой изгороди из кустов желтой акации, перепрыгнули через канаву — границу, отделявшую дорогу от заповедной земли, и... застыли от изумления.

Перед нами простиралось безбрежное море трав. Куда ни взглянешь — всюду голубые, пунцовые,

кремовые венчики, корзинки, мутовки, зеленые колосья, осыпанные желтой пылью. Вот налетел порыв ветра, качнул тонкие стебли, и цветы словно стали мерцать — угасать и вновь вспыхивать мгновенной радугой.

С низким гудением проносились мимо мохнатые шмели, жужжали над цветами пчелы, откуда-то издалека доносились свист сусликов, трели невидимых жаворонков — живые голоса степи сливались в единую, полную праздничного ликования песню, которая тихо плыла над дымящейся солнечным светом равниной.

Стрелецкая степь — ботанический «остров сокровищ» — сохранилась от древних среднерусских степей, которые катились могучими зелеными коврами от ТУЛЫ через Курск, Бел-

юрод, Харьков — города-часовые, охранявшие русские земли от набегов кочевников.

В курской пригородной слободе с давних времен жили государевы служилые люди — стрельцы. Они владели степью, не пахали ее, берегли для сенокосов. Это помогло сохранить много ценных видов растений. В Стрелецкой степи насчитывается свыше 650 «жителей» холодного северного пояса и засушливых причерноморских равнин. Поэтому и назвали эти места Курской ботанической аномалией.

Полвека назад молодой ученый Василий Васильевич Алехин открыл для науки, обследовал и описал Стрелецкую степь. В 1935 году веками не паханные земли были объявлены государственным заповедником.

Лесостепь ставит перед наукой много интересных вопросов. Как складываются взаимоотношения между двумя извечными соперниками — лесом и степью? Лесоведам необходимо знать, с каким типом растительности вступит в борьбу только что посаженный лес, какие древес-

Но в арсенале современной геофизической разведки есть немало и других способов заглянуть в недра земли. На помощь магнитной разведке пришла гравиметрия. Она позволяет находить рудные залежи по малейшим отклонениям в силе земного тяготения.

Однако природа не любит давать геологам легкие задачи. Вот вариометры как будто подсказывают, что в этом месте таится железная руда. Закладывают буровую скважину. Метр за метром врезается бур в толщу земли. Проходит месяц за месяцем, а никаких признаков руды не приносят колонки грунта, поднятые из скважины на поверхность.

Где же руда? А ее тут никогда и не было. Природа обманула геологов. Вариометры нащупали вовсе не руду, а совсем другие горные породы — ультраосновные или типа базальтов: они дают такие же отклонения силы тяжести, как и железные руды.

Но геолог, как следователь, может сличить показания одного прибора с другими. В землю закладываются легкие заряды взрывчатки. Включают ток, и сквозь толщу земли от места взрыва разбегаются во все стороны сейсмические волны. Их ловят чуткие сейсмографы и рисуют на длинных бумажных лентах как бы рентгеновский снимок подземных недр. Такое миниатюрное землетрясение помогает разведчикам надежно отличить железную руду от других пород. Руда отличается повышенной пористостью. В ней сейсмические волны гаснут и затухают. На сейсмограмме тогда получается в этом месте провал, и геолог уверенно говорит:

— Здесь рудное тело.

Вот так, проверяя самих себя то одним методом разведки, то другим, начали геологи «прощупывать» под землей Яковлевское месторождение. Оно оказа-

лось громадным. Руды в нем запрятано в несколько раз больше, чем во всем Криворожском бассейне! И при этом руда отличнейшая, она содержит свыше 60 процентов чистого железа.

Пользуясь теми же методами, геологи открыли еще ряд богатейших месторождений: Гостищевское, Хохловско-Игумновское и другие. Разведочные взрывы геофизиков гремят уже южнее Белгорода, и кто знает, куда уведут геологов все раздвигающиеся границы Курской магнитной аномалии, казалось бы давным-давно открытой и обследованной?

Об этих интереснейших поисках нам рассказывает главный геолог Белгородской железорудной экспедиции Семен Иванович Чайкин. Он много побродил за свою жизнь по стране и много повидал. Разговор о геологических проблемах он может вести часами и с неугасающим увлечением. Эта увлеченность и сделала его пролагателем новых дорог в науке. И труд его недаром отмечен высшими наградами: за исследования в Атысу, в Казахстане, Семен Иванович удостоен Сталинской премии, а за Яковлевское месторождение — Ленинской премии.

Но беседовать на эту тему Чайкин не хочет. Он снова подходит к карте и настойчиво водит указкой по голубым и розовым полоскам, которыми обозначены скрытые под нашими ногами пласты руды.

— Это дело прошлое, — говорит он. — Яковлевское месторождение открыто, досконально обследовано, его пора разрабатывать. Решение об этом принято, проект составлен. Руда здесь залегает на глубинах свыше пятисот метров, ее придется брать шахтами. А со строительством их дело затягивается. Мешает водобоязнь...

— Что мешают?

— Водобоязнь, — усмехнувшись, повторяет Семен

ные породы окажутся наиболее жизнестойкими в этой борьбе. Важно выяснить также состав и свойства черноземов, их происхождение и зависимость от растительного покрова.

В заповеднике трудится дружная семья ученых: ботаники, лесоводы; зоолог, микробиолог, почвовед. Они изучают объективные законы природы, чтобы потом можно было использовать их в сельскохозяйственной практике. Кроме того, заповедник служит замечательной научной базой для многих университетов и научно-исследовательских вузов страны.

СТРЕЛЕЦКАЯ СТЕПЬ... НЕ СТЕПЬ

Мы двигались по степи друг за другом, погрузившись по пояс в цветущие травы. Шедший впереди Виталий Николаевич вдруг остановился у высокого пышного кустика.

— Обратите внимание на это растение. Вы знаете обыкновенную желтую люцерну, ценную кормовую культуру, которая высаживается на полях в южных районах страны. Но

у люцерны есть и недостатки. Стебель расплывается по земле — ее трудно косить.

Кроме того, люцерна очень чувствительна к морозу. У этой найденной здесь формы стебель прямостоячий, и она не вымерзает даже в самые суровые холода. Это один из наших «выдвиженцев» на колхозные поля.

Ученым удалось найти в живом ботаническом музее Стрелецкой степи новые быстрорастущие формы вики, которые могут быть использованы в качестве раннего корма, замечательный вид засухоустойчивого мышиного горошка, разновидность эспарцета донского с ранним дружным цветением и плодоношением и много других ценных кормовых культур. Этими «выдвиженцами» пополняют сейчас колхозы и совхозы травостой малопродуктивных пастбищ, выбитых скотом лугов и долин.

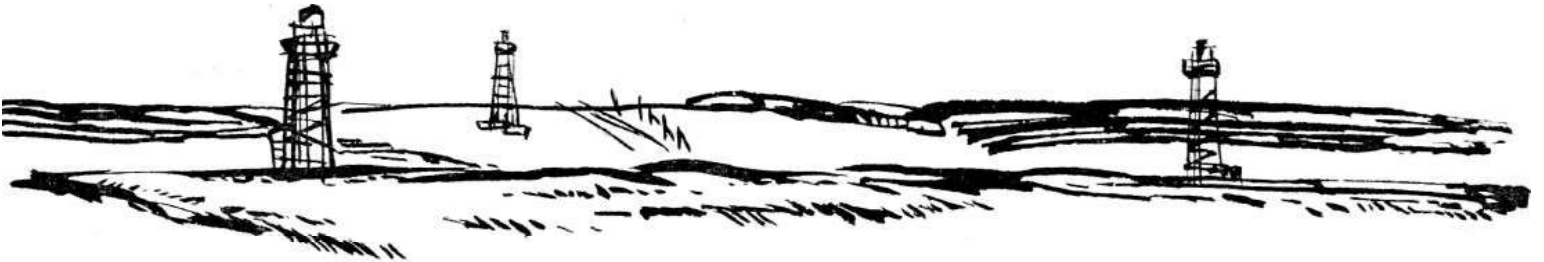
Составляя «перепись населения» в Стрелецкой степи, ботаники обнаружили удивительные вещи. Оказывается, луговых трав здесь гораздо больше, чем степных. Сами степные

растения не имеют, как обычно, периода покоя, частичного прекращения активной жизнедеятельности. Значит, не прав был В. В. Алехин, заповедные земли не степь, а скорее — остепненный луг.

Это открытие не чисто теоретического характера. Пока заповедник считали степью, для Курской области рекомендовали засухоустойчивые, менее продуктивные травы. Сейчас для травосеяния отбирают более «аппетитные» луговые растения, дающие к тому же гораздо больше растительной массы.

СОКРОВИЩНИЦА СТЕПИ

Приближается полдень. Степь затихла в дремотном оцепенении неподвижного воздуха. Пчелы собрали взятки и улетели, реже слышалось посвистывание дроздов, умолкли жаворонки. Золотистые созвездия жолобородника сомкнулись, как створки раковины, спрятав от солнца маленькие, похожие на жемчужины венчики цветов.

Иванович, — странный термин, больше подходящий вроде бы к медицине.

Дело, оказывается, в том, что пласты земли, прикрывающие Яковлевское месторождение, богаты водой. Она может помешать строителям шахт. Однако у наших строителей накоплен немалый опыт борьбы с подземной водой и есть необходимая для этого техника. Да и сам «черт», оказывается, не так страшен, как его малюют некоторые геологи-проектировщики. Вокруг Яковлева было заложено несколько опытных скважин для понижения уровня подземных вод. И хотя на скважинах стоят старенькие и малосильные насосы, за несколько месяцев уровень воды опустился местами на добрых двести метров. И снижение это ощущается на расстоянии в двадцать километров — в районе уже соседнего, Гостищевского месторождения.

— Так что термин я применил правильный, — заключает Семен Иванович. — Получается действительно какая-то водобоязнь без особых оснований. А миллиарды тонн руды спят под землей. И вы только посмотрите, как выгодно ее поскорее разрабатывать.

Указка снова начала летать по карте, на сей раз по географической.

— Отличные пути сообщения, рядом такие крупные города, как Белгород, Курск, Харьков. Рядом — страны народной демократии, растущей социалистической промышленности которых нужно все больше и больше руды. Поляки нуждаются часть руды закупать у шведов, а до Яковлева ведь гораздо ближе.

Кривой Рог развивался в течение сотни лет, а тут можно за какое-нибудь десятилетие догнать его и

давать по пятьдесят миллионов тонн богатой руды в год. Пусть поскорее разрабатывают, а мы в долгу не останемся. Пойдем дальше, на юг, вот сюда, на восток: я уверен, тут прячется еще немало месторождений, которые и Яковлевскому не уступят.

Указка снова перескакивает на голубовато-розовую геологическую карту и замирает возле кружочка, которым обозначен город Губкин и Лебединский карьер возле него.

— А здесь, в старом районе, где добыча ведется уже давно, разве не стоит поискать руду заново, пользуясь новыми методами, о которых я вам рассказывал? Не по сильным аномалиям, а по слабым. Такие слабые аномалии уже нащупаны к северу от Губкина. Надо их как следует проверить. В 1927 году мы считали, что железистых кварцитов в Курской магнитной аномалии около двухсот пятидесяти миллиардов тонн. А теперь уверены, что эту цифру надо увеличить по крайней мере раз в сорок. Богатых же руд разведано уже двадцать пять миллиардов тонн — и эта цифра не окончательная. Она еще будет меняться, расти, и кто скажет, до каких астрономических величин?

За окном — золотистые, недавно убранные поля пшеницы. Поют жаворонки. Пронесется по шоссе машины.

У самой дороги стоит буровая вышка. Каждый день из ее ствола поднимают на поверхность земли пробы породы. Эти черные тяжелые кусочки ложатся в ряд на столе главного геолога. Бур врзался в тело планеты уже на километр с лишним. А цвет и тяжесть кернов все не меняются. Все руда, руда, руда! Неисчерпаемы богатства таящиеся под этими тихими полями!

**КУРСКАЯ
МАГНИТНАЯ**

Мы подошли к глубокой траншее, спустились по земляным ступенькам на ее дно.

— Вот она, наша сокровищница, — сказал Виталий Николаевич, показывая на высокую стену чернозема. — Природа создавала ее веками из отмиравших корней и стеблей растений на огромных пространствах среднерусской полосы. Нигде в мире нет такого богатства. И чтобы обильные урожаи были неиссякаемы, это богатство надо беречь. На пахотных землях чернозема теряют отдельные свои качества. Какие именно? И как их восстановить? Для этого надо, очевидно, сравнить их с первозданным образцом. Стрелецкая степь и представляет собой замечательный природный эталон, по которому проверяются нарушения и изменения в почвах колхозных и совхозных полей.

Большие работы проведены по установлению режима влажности черноземов. Многолетние наблюдения показывают, что летние осадки, как правило, не промачивают в степи почву. Они увлажняют лишь тонкий поверхностный слой. Следовательно, растения в основном пользуются запасами влаги, сохранными степью с зимы. Отсюда ясно, какое большое значение для урожая имеет снегозадержание на наших полях.

Полутораметровые стены чернозема были сплошь пронизаны корнями растений. На первый взгляд здесь все казалось спутанным, перемешанным: корни одних растений проридались через другие, сплетались с третьими, подлезали под четвертые, чтобы попасть в крепкие объятия пятых. Можно было подумать, что идет отчаянная борьба и вот-вот услышишь дружное пыхтение борцов.

Однако, приглядевшись повнимательнее, мы увидели, что в этой сутолоке существует свой порядок. Корневые плети растений располагались на различных глубинах, имели свою питательную зону. В самом верхнем слое виднелись тоненькие мышинные хвостики корешков вероники, незабудки, крупки. Рядом — короткие ветвистые корневища степных васильков, глубже всех уходили в почву бурые шнуры зопника с шаровидными утолщениями.

Между прочим, такой же порядок мы заметили и на поверхности: растения росли ярусами, каждое занимало свой «этаж». На самом верхнем жили злаки: перистый ковыль, овсец, костры. Ниже шло пестрое разнотравье — синий шалфей, золотой крестовник, румянка; еще ниже — сизые ирисы, нежные незабудки, полустелющаяся фиолетовая вика, а у самой земли на мягком изумрудном бархате мха-туидиума лежали цветы васильков. Таким образом, до 80 видов растений ухитрились разместиться на одном квадратном метре земли.

— Конечно, между растениями идет и борьба. Взгляните-ка сюда.

Виталий Николаевич показал на пучок коричневых корешков клевера горного. Рядом с ним тянулось корневище вейника наземного. Его ответвления уходили вглубь, ныряли под корни соседа, окружали его со всех сторон.

— У вейника наземного очень воинственный характер, — продолжал Виталий Николаевич. — Он лишает своего собрата питательных соков и постепенно вытесняет его. Поэтому дружба между этими двумя видами недолговечна. Когда мы подбираем состав травосмесей, мы всегда смотрим, устойчиво ли их сообщество.

А теперь пойдете в лес. Я вижу, вы уже давно с тоской поглядываете на тенистые кусты.

ЛЕС АТАКУЕТ

Петрин лес лежал рядом, в низине. Издали он казался плотиной, сдерживающей буйное половодье пестрого разнотравья.

Лес и степь — давние соперники. Когда-то в прошлом шумные дубовые леса бежали от самого Курска до древнего Обоянья. Позднее из-за усиленных вырубок широкие лесные пространства съезжались до размеров небольших дубрав. Народ дал им поэтические звучные названия: «Дедов Веселый», «Соловьиный», «Петрин лес». Но лес не сложил оружие, сейчас он активно атакует степь, отвоевывает потерянную в прошлом территорию. Причем происходит это весьма любопытно.

Не доходя до леса, мы увидели среди цветной мозаики трав одинокие распластанные кусты. Словно бойцы, занимающие новый рубеж, они припали к земле, приготовившись сделать решающий бросок вперед. Это был колючий терн.

Если желудь упадет на поляну, он наверняка погибнет: ему не пробить толстую дернину из степных трав. Вот здесь и приходят ему на помощь кусты теона или степной вишни: они

подготавливают плацдарм для наступления. Эти растения имеют корни в виде мощных горизонтальных плетей, доходящих до двух метров в длину. Они легко проходят под дерниной и дают вертикальные побеги. Быстрорастущие кусты заглушают траву, и вот на этом завоеванном пространстве под защитой терна начинает расти молодая дубок. Лес как бы делает шаг вперед, постепенно захватывая один участок степи за другим.

Чуть поодаль от леса мы заметили широкую полосу молодых дубов. Это был опытный участок полезащитного лесоразведения. Здесь росли дубки — переселенцы из 60 районов страны. Наблюдая за их ростом, ученые устанавливают, какие виды дубов наиболее жизнестойкие и быстрорастущие, какие образцы следует рекомендовать для тех или иных растительных зон страны.

В заповеднике испытан так называемый загущенно-гнездовой метод посадки, когда на одном квадратном метре высаживается сразу до 60 желудей. Испытания дали блестящие результаты. Дружная поросль дубков гораздо успешнее борется с сорняками, чем одинокие деревья.

Однако не только растения-конкуренты мешают дубовым посадкам. Страшным врагом их является майский жук — хрущ, который поедает корни и уничтожает до пятидесяти процентов молодого леса. И защита от майского жука была найдена. В заповеднике как-то заметили, что дубовые посадки не повреждаются жуком, если рядом с ними растет конопля. Она отпугивает прожорливых личинок в течение нескольких лет. Этот способ защиты успешно испытывается сейчас во многих колхозах Курской области.

Можно было без конца слушать рассказ Виталия Николаевича о поисках, находках, открытиях ученых, работающих над проблемами лесостепи. Но уже было поздно. Багрянец вечера тихо опускался на степь. Пелена ночи незаметно затягивала равнину. Травы готовились ко сну. Устало поникли усаые злаки, стали дремотно смыкаться венчики цветов. Откуда-то доносились еще призывные крики перепелов и скрипучая песня дергача.

Сумерки спустились неожиданно быстро. Мы взглянули последний раз на степь и вдруг увидели среди темных трав тусклое мерцание. Это раскрылись белые цветы душистой ночной смолевки. Они светились во мраке, словно крохотные фонарики, стерегущие сон Стрелецкой степи.

Материалы подготовлены бригадой экспедиции: Г. ГОЛУБЕВЫМ, А. ГУСЕВЫМ, Ю. ПОЛКОВНИКОВЫМ

КАСЬЯНОВ ОВРИНГ

Рисунки Б. Десницкого

Над ущельем стоял афганец — ветер, дующий с южных пустынь. Было очень жарко. Казалось, что раскаленная солнцем пыль, оседая, выжжет все живое вокруг. Старший лейтенант Морозов, начальник заставы, спешил и попел лошадей в поводу. Я последовал его примеру.

«Будь осторожен! — предупреждала высеченная на камне надпись. — Касьянов овринг».

— Пойдем верхней тропой, — сказал Морозов. — Она безопасней.

— Кстати, почему этот овринг называется Касьяновым? — спросил я. — Странное название для здешних мест...

— Служил у нас парень, Касьянов была его фамилия...

На «крыше мира» разгулялась непогода. За воротник гимнастерки Касьянову падает несколько дождевых капель. Бр-р! Холодные, словно лягушата. Сержант зябко ежится и набрасывает на голову капюшон. Скоро Волчья тропа, самый опасный участок пути... Он прислоняется к чинаре на минуту, самое большое на две — передохнуть и подождать отставшего товарища. Смотрит на святающийся циферблат часов. До смены наряда остается пять часов и двенадцать минут...

Отправляя его в наряд, старший лейтенант Морозов строгим глуховатым голосом сказал:

¹ О в р и н г — участок горной тропы, который проходит по искусственным висячим карнизам, устроенным на неприступных склонах.

— Последний раз за время службы заступае, Касьянов, на вахту мира по охране государственной границы.

Да, последний раз. Три года — как один день. Быстро бежит время.

Под утро, когда чуть забрезжит рассвет, он вернется на заставу, доложит, как обычно, старшему лейтенанту, что нарушения границы не обнаружено (последнего лазутчика здесь задержали одиннадцать лет назад), и сдаст старшине автомат.

Зашуршали камни. Из темноты вынырнул Кравчук. Служить на границе он прибыл недавно, и горы еще не привыкли к нему: угощали ночью садинами и шишками. Ходил он вперевалку, будто за плугом, говорил по-южному певуче, с тем особым лукавым добродушием, которое свойственно многим украинцам.

— В такую ночь только черти не спят, — проворчал он. — Неужто ворог через Пяндж переплыть сможет?

— Враг есть враг, — шепотом ответил Касьянов.

— А как же, — охотно согласился Кравчук, — его в двери ожидаешь, а он в окно.

Втайне Касьянов сожалел, что за три года службы не было случая отличиться, что ни разу не встретился он с врагом лицом к лицу, не зажал его мертвой хваткой своих тяжелых мускулистых рук. Что скажут те же односельчане, когда он вернется...

Они шагали по неровной мокрой тропе. Шли молча, налегая грудью на упругий ветер.

— Сейчас Волчья тропа. Не поскользнься, — предупредил Кравчука Касьянов. — Пойдешь верхней тропой, она безопаснее; я нижней, там немного... ползком надо.

Возле овринга тропа делилась надвое. Одна, узенькая, двоим не разойтись, виляла в густом кустарнике, прыгала с камня на камень, ломалась на крутых поворотах, тоненькой змейкой опоясывала отвесные стены скал, карабкалась на их гребни и осторожно, зигзагами спускалась вниз к самому Пянджу. Другая, пошире, была перекинута через гору коромыслом. Идти второй тропой было и легче и безопаснее. У кишлака тропы сплетались.

Кравчук продвигался медленно, цепляясь за выступы скал, опасаясь, как бы невзначай не разбить голову о камни. Касьянов бесшумно юркнул в кусты и пошел по узенькой тропке, которую пограничники называли «акробатическим канатом», пошел уверенно и легко.

Идти ночью по тропе в полшага шириной, зная, что рядом двухсотметровая пропасть, — занятие не из приятных. Особенно глубокой осенью или зимой, когда тропа по-

крывается слоем льда, а неистовый ветер швыряет в глаза слепящую, перемешанную с песком снежную пыль. Неверное движение, одна малейшая ошибка — и стремительный полет на выступающие из воды каменные клыки. Касьянов не был трусом, но когда ему приходилось идти Волчьей тропой, у него не раз замирало сердце. А когда «акробатический канат» оставался позади, оно радостно стучало, словно и правда после выполнения циркового номера.

Но он верил, что все обойдется и на этот раз. Во что бы то ни стало он пройдет и сейчас этот путь, будь тот даже в десять раз длиннее и опаснее. На протяжении трех лет Касьянов выходил победителем из этого безмолвного поединка с горами.

В самом крутом и узком месте пришлось ползти яшерницей. Окоченевшие пальцы отказывались сжимать автомат. Хотелось закурить, хотя бы раз-другой затянуться горьким махорочным дымом. И вдруг, точно почув беду, защемило сердце. Касьянов знал: в такие минуты, когда тобой овладевает беспричинная тревога, нельзя отдаваться нестройному течению мыслей. Если страх победит — считай, пропал! Горы не терпят трусов и наказывают их. Каждый твой шаг может оказаться последним. Нужно собрать всю волю, все мужество и решительным ударом отсечь разматывающийся клубок страха.

Внизу, скрытый туманом, гулко и протяжно клокотал Пяндж. Касьянов долго не мог привыкнуть к этой реке. Пяндж, словно необъезженный конь, дик и своенравен. Он пенится на подводных скалах, разбивается о каменные лбы, поднимает игривые фейерверки брызг и, споря с ущельем, бешено несется на простор долин, ворочая тонкие глыбы. Могучая, суровая и красивая река. Она, как человек, сильно и жадно любит свободу. И горы, страшась ее дикой ярости, разжимают свои тиски, расступаются.

Увесистый обломок скалы, чиркнув рядом с головой и выбив сноп ярких искр, полетел вниз, а через несколько секунд раздался, как вздох, далекий глухой всплеск. Касьянов вздрогнул и насторожился. Зашуршали, осыпаясь, камешки. На верхней площадке, куда, поворачивая, избегала тропа, по-видимому, кто-то был.

Своему здесь в это время делать нечего. Касьянов сжал автомат.

Может быть, ветер? Эта мысль немного рассеяла его подозрения.

Но тут он снова услышал шум падающего камня, уже ближе к спуску с площадки. Кто-то, торопясь, шел ему навстречу. Напрягая слух и всматриваясь в светлеющую муть тумана, Касьянов

попытился к выступу скалы, который был от него в пяти-шести метрах и мог послужить удобным укрытием. Возможно, рассуждал он, это таджик, житель одного из местных кишлаков. Но почему он пошел не верхней, безопасной тропой, а избрал извилистый и крутой овринг? Зачем ему понадобилось в полутьме карабкаться по этим скалам и рисковать жизнью? И куда этот человек пойдет в такую рань?

Только сейчас Касьянов заметил, что небо над головой посерело. Близился рассвет. Неужели чужой? Тумак, оседая, стал нехотя отступать, цепляясь за кусты, росшие на почти отвесных стенах скал. Как из дыма, сначала неясно, огромным комом, потом рельефнее вырисовывалась фигура человека. За спиной незнакомца горбился рюкзак, в правой руке он держал толстую палку. Всем своим обликом он напоминал альпиниста или геолога. Высокий, стройный и, видно, физически сильный, он уверенно шел по узкому

карнизу овринга. Незнакомец приблизился уже настолько, что Касьянов видел его лицо, совсем молодое, бронзово-смуглое и красивое.

— Стой! Кто идет? Пропуск!

От неожиданности незнакомец выронил палку, и она упала в пропасть, а сам он как-то откинулся, точно его сильно толкнули в грудь.

— Свои, — ища глазами пограничника, выдал он. И вдруг засмеялся:

— Вот дьявол! Как напугал!

Из-за укрытия Касьянов видел, как беспокойно с камня на камень перебегали глаза «геолога».левой рукой он вытер капельки пота на лбу и, все еще смеясь, исподлобья, настороженно смотрел на выступ скалы.

— Пропуск, — повторил Касьянов.

— Геолог я, заблудился. Такая ночь! Ни зги не видно.

И выругался длинно, грязно, проклиная погоду и местные дороги.

Что-то — Касьянов еще сам не знал что — в голосе «геолога» было неискренним, словно взятым напрокат. Это «что-то», нервный, срывающийся смех и бегающий взгляд «геолога» убеждали Касьянова, что перед ним не свой.

— Кругом! — скомандовал сержант и поднялся из-за укрытия.

С верхней площадки, из-за спины «геолога», хлестнуло несколько резких pistolетных выстрелов. Стреляли, видимо, из неудобного положения, и пули провизжали над головой Касьянова. Одна из них все же обожгла левую щеку.

Воспользовавшись тем, что пограничник низко пригнулся, «геолог» бросился на него, намереваясь выбить оружие. Но Касьянов почти в упор полоснул его короткой сухой очередью. Нарушитель подломился, судорожно схватил руками воздух и, потеряв равновесие, сорвался в пропасть.

Был еще второй, стрелявший из pistolета. Он следовал на некотором расстоянии за первым. Они рассчитывали, что наряд отправится верхней тропой, и столкновение было для них неожиданным. Надо найти второго!

Спустя несколько секунд рядовой Кравчук увидел, как над горами расцвел оранжевый букет ракеты. Это означало, что старший наряда ведет бой и зовет на помощь. Об этом Кравчук немедленно сообщил по телефону на заставу.

Вверху туман рассеялся. Остатки его упали в ущелье и пушистыми ключьями плыли над Пянджем. Обнажились скалы, и стала видна часть Волчьей тропы. Чтобы отрезать нарушителям отступление (Кравчуку казалось, что Касьянов завязал перестрелку с группой противника), рядовой побежал вперед. Если он не опередит врага и не займет выгодной позиции, которая запирала бы нижнюю тропу, враг ускользнет...

Треск автоматных очередей заставлял Кравчука напрягать последние силы. К своему удивлению, он бежал не спотыкаясь, ветки кустарника все время обдавали его росыным дождем. Добежав до моста, перекинутого через широкий кипящий поток, он, чуть не заплавав от досады, остановился. Мост был разрушен обвалом: обычное в непогоду явление. Переправиться через поток без веревки нельзя. Возвращаться назад и идти на помощь Касьянову нижней тропой бесполезно. На это уйдет больше часа.

Оставалось одно — взобраться повыше и попытаться найти место, с которого можно было бы простреливать трону.

Взобравшись на скалу, Кравчук, к своей радости, увидел того, с кем вел поединок Касьянов. В пятистах метрах ниже, на площадке, возвышающейся на восемь-девять метров над нижней тро-

пой, распластавшись, лежал нарушитель. Он отстреливался.

Кравчук прицелился. Но нарушитель, видимо для того, чтобы перезарядить пистолет, отполз ближе к скале. Пули взгрызли гранит на том месте, где он лежал секунду назад. Заметив, что площадка простреливается сверху, он, прячась за камни, стал отползать. Выстрелы прекратились. Первым умолк Касьянов. «Кончились патроны, — подумал Кравчук. — Нарушитель уйдет!»

И тут Касьянов неожиданно появился на площадке, выбежав из-за укрытия. Хлопнул выстрел.

Касьянов упал, а стрелявший, отшвырнув в сторону пистолет и взмахивая руками, стал спускаться с площадки на тропу. Сержант вскочил на ноги и бросился к нарушителю. Тот успел метнуть в сержанта камень, но промахнулся. Касьянов в два прыжка настиг противника. Повернувшись, тот ловко ударил сержанта в челюсть.

Упав, Касьянов почувствовал резкую боль в левой руке. Попробовал согнуть ее в локте — перед глазами пошли желтые круги. Понял, что ранен. Кусая губы, подполз к кромке площадки. Нарушитель, сбежав на тропу, торопливо шагал. «Сейчас мостики на овринге уничтожит, — мелькнуло в сознании сержанта, — и уйдет».

В жизни человека бывают критические минуты, когда он, видя опасность, казалось бы, не в состоянии предотвратить надвигающегося несчастья. Но мысль, как вспышка молнии, в сотую долю секунды осеняет его.

Тропа делала зигзаг, и нарушитель должен был пройти под самой площадкой. Улучив момент, Касьянов с высоты восьми метров прыгнул на него и тяжестью своего тела сбил врага под обрыв.

Поиски продолжались целый день. Но безуспешно. На вторые сутки в тридцати километрах от заставы, вниз по течению реки, нашли два изуродованных, разбитых о клыки Пянджа тела. Касьянова опознали по форме.

* * *

И полетела над Пянджем легенда о мужестве солдата, погибшего в схватке с врагом во время своего последнего за три года службы наряда. Ее услышишь во всех соседних с заставой кишлаках.

Придет время, исчезнут границы. На месте наших застав люди разных стран — сопредельных сторон, как принято говорить у пограничников, построят дворцы Дружбы. Многие изменятся, и многие изменят люди. Но останется Пянджское ущелье и, как память о славных делах пограничников, скромное название «Касьянов овринг». Название, которого нет ни на одной географической карте.

ПЕРНАТЫЕ РЫБОЛОВЫ

(Записки натуралиста)

ОПЕРАЦИЯ „КОТЕЛ”

Как-то раз охотился я на Каспии у острова Пучуженок. Здесь в густых зарослях всегда водятся утки, гуси и другая пернатая дичь. Неожиданно я заметил около двадцати пеликанов. Широко распластав на воде крылья, они плыли к острову правильным полумесяцем. Недалеко от берега птицы сомкнули фланги, и из воды вдруг стала выпрыгивать серебристая рыба. Кефаль! Тут я понял замысел пеликанов. Кефаль — пугливая рыба. Она стремглав бросается прочь, если заметит вблизи себя тень. Пеликаны загнали рыбу в своеобразный теневой «котел». Пытаясь вырваться из него, кефаль попадала прямо в клювы рыболовов.

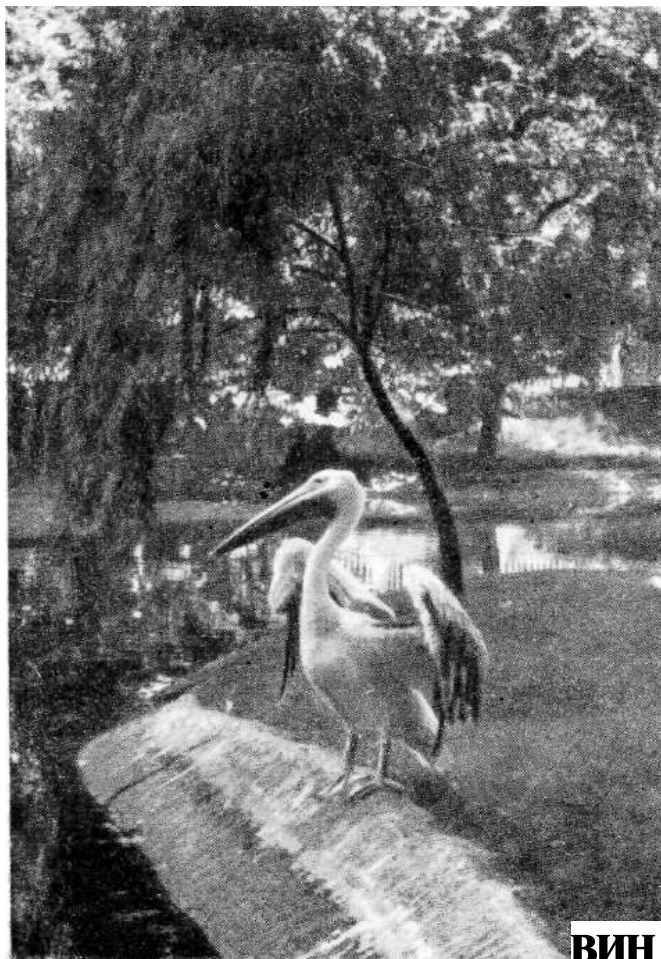
ОПЕРАЦИЯ „ДРУЖБА”

Бакланы — замечательные пловцы. Они хорошо ныряют и, стремительно передвигаясь под водой, легко настигают рыбу. Насытившись, бакланы охотно помогают менее подвижным и ловким пеликанам. Однажды я наблюдал, как стая бакланов гнала рыбу к выстроившейся у берега шеренге пеликанов. Когда шеренги сошлись, вода вокруг птиц буквально закипела. Однако сами бакланы уже не охотились, рыбной ловлей занимались только пеликаны.

После того как птицы насытились, мокрые загонщики забрались им на спину: посушиться и отдохнуть. Вот как помогают друг другу пернатые охотники!

Т. ПОЛОНСКИЙ

г. Краснодарск

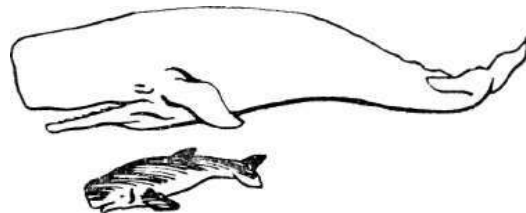
ВИН

Читатель нашего журнала товарищ Богданов К. А. из Калуги просит рассказать о карликовом кашалоте. Выполняем его просьбу.

И. АКМУШКИН

КАРЛИКОВЫЙ КАШАЛОТ

Давно уже люди находили в море или на берегу в полосе прибоя серые, с неприятным землистым запахом куски «морского воска» — амбры. На вид это вещество довольно невзрачно, но добавление его даже в незначительном количестве ко всякого рода парфюмерии имело неожиданный эффект. Запах духов, притираний, ароматических бальзамов становился благодаря амбре чрезвычайно стойким. Платок, смоченный такими духами, годами сохраняет запах. Самые невероятные

предположения о природе этого странного вещества делали натуралисты.

Но раньше всех до сути дела добрались японские рыбаки. Они установили, что амбра образуется в кишечнике карликового кашалота.

В 1838 году знаменитому французскому натуралисту Бленвиллю попали в руки несколько карликовых кашалотов, обнаруженных на французском побережье Атлантического океана. Они неосторожно подплыли во время отлива слишком близко к берегу и «сели на мель». Бленвиль сделал первое научное описание этого животного.

Он отметил, что карликовый кашалот окрашен в черный цвет с белой «отделкой» на брюхе, горле и нижней челюсти. Он представляет собой миниатюрную копию большого кашалота: обычная длина его всего 4 метра. Следовательно, карликовый кашалот меньше новорожденных детенышей своего большого собрата.

На «лбу» у младшего брата, как и у большого кашалота, расположены наполненные особым жиром и скрепленные сухожилиями спермацетовые мешки. Это своего рода гидравлический амортизатор, смягчающий давление воды на головной мозг во время путешествий кита за пищей в глубины океана. Там, на глубине нескольких сот метров, кашалот охотится за кальмарами и осьминогами. Добычу он хватает зубами, которые растут у него лишь в нижней челюсти.

Обитают карликовые кашалоты в тропических водах трех океанов: Индийского, Тихого и Атлантического. Но нередко они заплывают довольно далеко на север и юг. Их находили у берегов Японии, Калифорнии, Голландии, Тасмании. Но это были мертвые кашалоты — «севшие на мель». Еще ни один натуралист не видел в море живого кашалота.

Вот, собственно говоря, и все сведения об этих животных. Как видите, наши знания о карликовых кашалотах не намного обогатились за 120 лет, прошедших со времени их открытия.

Современная наука считает, что амбра действительно образуется в кишечнике кашалотов (не только карликовых) в результате сложных химических превращений роговых клювов кальмаров и осьминогов, которыми эти киты питаются.

В 1957—1958 годах экспедиция советских киноработников совершила путешествие от столицы Казахстана Алма-Аты до китайского города Ланьчжоу. Автомобильный караван двигался через пустыни, оазисы и горы Центральной Азии. Совместно с кинематографистами Китая был снят большой цветной фильм «Под небом древних пустынь».

О том, что видели и встречали кинопутешественники на своем пути, режиссер-постановщик фильма Владимир Шнейдеров написал книгу. Мы печатаем несколько глав из нее в сокращенном варианте.

ИЗУМРУД

ВИНОГРАДНАЯ ДОЛИНА

Солнце еще не выглянуло из-за вершин, а мы уже в пути. Сегодня в сельскохозяйственном кооперативе «Ляюань», что значит «Сад радости», начинается сбор винограда, и мы не хотим опоздать.

На горе стоят белые домики с яйцеобразными заостренными куполами — могильники-мазары. Из ущелья бежит река. Вокруг белеют пучками ваты плантации хлопка. Голые, без единой травинки, красные горы Хояньшань открывают вход в ущелье, забитое буйной зеленью садов и виноградников.

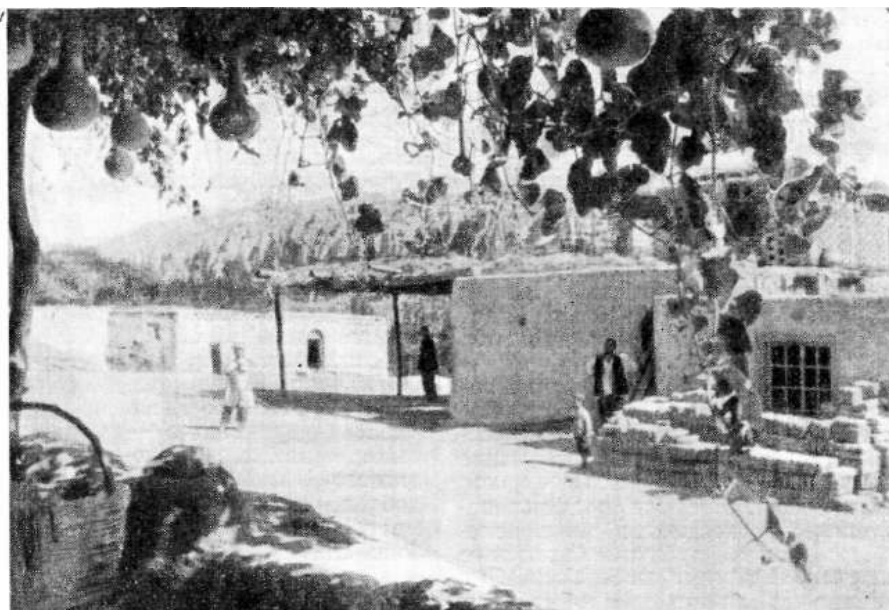
В садах тонут крыши домов и огражденные дувалами дворы.

Над зеленью возвышаются квадратные башни из сырого желто-серого кирпича. Кирпичи сложены так, что между ними остаются просветы, и ветер свободно продувает башни насквозь. Это сушильни для знаменитого турфанского винограда. Рассказывают, в свое время этот виноград поставлялся во дворец на стол самого императора.

Собранный виноград привозят в башни и подвешивают гроздьями на шестах от потолка до пола. Сухой горячий воздух, приносимый из раскаленной пустыни, продувает ажурные башни, впитывая всю влагу из винограда и превращая его в отличный изюм.

Всякий другой изюм, проявленный на солнце или в жарких печах, не может обладать такими качествами, как этот — высушенный пустыней. Он сохраняет блеск, вкус и аромат свежих ягод.

Издали Виноградная долина с торчащими башнями напоминает старые города в горах Южной Аравии. Но вблизи она представляет обычное среднеазиатское селение с важно шествующими по узким улочкам старцами-аксака-

Тени деревьев спасают от зноя.

ТУРФАНА

ВЛАДИМИР ШНЕЙДЕРОВ

Пустыня высушила изюм.

лами в белых, под цвет бороды, аккуратно намотанных чалмах; с широкими арбами на высоких, утыканных гвоздями колесах; с нагруженными выше ушей ишаками и стайками шумливых ребятишек.

Но мусульманская патриархальность здесь только внешняя. Вопреки старым традициям нас встречает не древний аксакал, а средних лет женщина по имени Эйсин-хан. Беседуя с нами, она то и дело прерывает разговор, чтобы отдать распоряжение, подписать документ и приложить к нему печать кооператива.

Виноградную долину населяют более пяти тысяч уйгуров, ханьцев и дунган.

Они ведут наступление на пустыню, отвоевывая у нее новые массивы, превращая их в хлопковые плантации и виноградники.

Оставив машины под тенистым навесом около правления, мы следуем за Эйсин-хан по узким переулкам. Кроны деревьев, смыкаясь над головой, образуют тенистые зеленые коридоры.

За пределами селения склоны гор разделаны террасами. На их ступенях раскинулись сады. Здесь растут инжир, персики, гранаты, груши и абрикосы.

Тишину долины нарушают звонкие голоса. Это поют сборщицы винограда. Девушки — со множеством мелких косичек, замужние женщины — с парой толстых кос за плечами. Все они в ярких национальных костюмах: алые, зеленые и синие рубахи, бархатные жилеты, вышитые тюбетейки. Они знали, что мы приедем на съемку, и, наверное, специально принарядились.

Вооруженные ножницами сборщицы срезают спелые гроздья. Идет уборка поздних сортов. Через несколько дней все лозы будут подрезаны, уложены на землю и засыпаны песком, чтобы они могли перезимовать под этим теплым «одеялом».

Мы переходим с плантации на плантацию, и везде нас потчуют виноградом: очень сладким «байцзягань», кисловатым «хасаха» и мелким «сосо». «Байцзягань» похож на лучшие сорта крымских «дамских пальчиков» — сочный, крупный, покрытый матовой нежной кожурой.

Юноши и бородатые мужчины, взяв у сборщиц наполненные корзины, идут легкой танцующей походкой, перенося их на коромыслах к дороге. Оттуда караваны ишаков увозят виноград в ажурные башни-сушильни.

...Грохот нескольких барабанов и пронзительный звук трубы, похожей на флейту с раструбом, возвещают, что рабочий день закончен. Радужные хозяева угощают нас виноградом и чаем в тени зеленой веранды, с крыши которой свешиваются огромные бутылочные тыквы.

Беседа идет о том, как крестьянам было трудно прежде, когда американцы завалили китайский рынок своим низкосортным дешевым изюмом. Виноград гнил, осыпаясь на землю. Крестьяне голодали. Их изюм никто не покупал. А сейчас они живут в полном достатке, планируют расширение посадок, мечтают о сооружении в Виноградской долине театра, асфальтированной дороги и своей гидроэлектростанции.

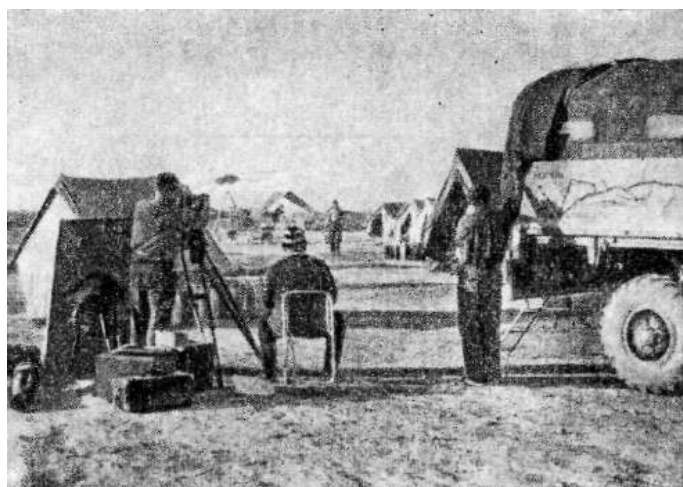
Со склонов Хояншаня хорошо видно соленое озеро Боджанте. Оно находится в самой низменной части Турфанской впадины. Путь к озеру лежит через оазисы и бахчи.

Плантации хлопка и бахчи орошаются здесь только кяризной, подземной водой. Светлым неиссякающим потоком бежит она из зева пещеры. Это и есть «пасть дракона» — выход канала, проходящего под землей добрых десять километров от предгорий Тянь-Шаня.

Когда мы приехали на бахчи, сбор урожая был в полном разгаре. На земле возвышались горы продолговатых желтых дынь, прикрытые соломой на случай ночных заморозков. Выстроившись длинной цепочкой, крестьяне передавали друг другу тяжелые плоды и грузили их на арбы. Дыни были настолько велики, что ишак мог увезти в каждой из своих «бортовых» вьючных корзин лишь по паре. Турфанские дыни, как и виноград, известны на весь Китай.

Арбузы оказались нам неправдоподобными. Весы засвидетельствовали это «неправдоподобие»: арбузы тянули по сорок килограммов!

Вереницы повозок движутся к Турфану. Они везут кипы белого снежного хлопка, горы спелых арбузов и дынь. Поедем и мы в Турфан.

Внимание! Идет съемка.

Рабочий день окончен.

Янтарная россыпь дынь.

ШУМИТ БАЗАР

Бэй-лу — Северная трасса Великого шелкового пути — проходила прежде прямо через Турфан. Одна ее ветвь направлялась в Кашгарию, другая вела в Урумчи. Теперь новое шоссе пролегло севернее, ближе к горам, а город остался в стороне. Однако все едущее и идущее по дороге: машины, верблюды, ишаки — непременно сворачивает в Турфан.

Старый Турфан выглядит длинной желтой полосой своих глинобитных стен из-за пыльной зелени высоких пирамидальных тополей. Это бывшая резиденция амбана — губернатора — и его войска. Теперь цитадель пустует, крепостные ворота распахнуты настежь, а сложные защитные сооружения — лабиринты стен, рвы и башни — постепенно разрушаются.

Ворота старой крепости выходят на широкую площадь нового города. Ветер треплет на высоких шестах выкрашенную ядовито-зеленой краской сухую тыкву, похожую на пузатую бутылку с длинным горлом, и красную ленту, прикрепленную к доске с изображением расписного чайника. Это «позывные» мест, где можно отдохнуть, выпить чаю, закусить. Сюда на площадь и сворачивают верблюды и автомобильные караваны, следующие через Турфан.

От площади тянется на запад длинная и единственная улица нового города — главная базарная магистраль Турфана. Она почти сплошь состоит из кустарных мастерских, складов, магазинов, лавок, харчевен, ларьков и чайных. Затем улица расширяется, образуя вторую площадь. На ней стоит украшенный загнутыми кверху затейливыми кровлями буддийский храм — убежище полудиких голубей, и рядом — уйгурская мечеть с четырьмя игрушечными минаретами и сводчатыми входами.

Между храмами до поздней ночи гудит многокрасочный азиатский базар, где невозмутимо сосуществуют электрические фонари и старинные масляные копилки, вычеканенные из гулкой меди древние уйгурские длинногорлые сосуды и украшенная пышными розами современная эмалированная посуда.

На востоке, за Старым городом, улица замыкается развалинами дворца бывшего властителя Турфана и его усыпальницей — величественной мечетью с высоким минаретом, Башней Сулеймана. Об этой башне сложено много легенд.

Город очень похож на старую Хиву, Самарканд или Бухару: те же слепые стены домов, плоские

крыши, высокие глинобитные заборы-дувалы с глухими калитками. Как и в древних городах Средней Азии, по обочинам дороги тянутся арыки. О том, что мы в XX веке, сигнализирует ящик репродуктора-громкоговорителя, передающего последние известия.

Базарная улица полна народу. Натужными гудками пробивают себе путь автомобили, груженные товарами, привезенными с востока. Раздвигая грудью толпу, мягко ступают важные, презрительно поглядывающие на людей верблюды. Едут на ишаках правверные аксакалы в белых чалмах. Медленно едут величественные старухи в белоснежных, покрывающих голову и плечи матерчатых капюшонах. Из круглых вырезом выглядывают их сморщенные лица, окрашенные солнцем в цвет бронзы.

Спелые дыни, вспоротые широкими, похожими на секиры ножами, испускают одуряющий аромат. Торговцы с затейливо выбритыми бородами громко расхваливают свои товары, продавая их по твердым ценам преискуранта. Крестьянин-хлопкороб, могучий гигант в суконном черном халате, выбирает цветистый хотанский ковер. Это подлинное произведение искусства, разукрашенное вишневого цвета гранатами и нежно-розовыми цветками лотоса, среди которых задумчиво стоит на одной огненно-красной ноге аист.

Мимо базара проезжает свадьба: невеста — юная крестьянка с малиновым румянцем на щеках и вплетенными в волосы цветами; жених — в новом пиджаке и желтых ботинках на толстой подошве; бесчисленное количество родственников различных возрастов. Все едут в одной арбе, погружающей огромные, обитые гвоздями колеса в пушистую лессовую пыль.

Прилавки и широкие столы тесно заставлены эмалированными ведрами, чайниками и тазами — от игрушечных до огромных.

Старик примеряет китайскую шубу — тулуп с белой кожей; пионеры покупают школьные тетради и карандаши; домашняя хозяйка выбирает из мохнатой желто-зеленой горы длинный кожан китайской капусты.

Жизнь базара необычайно многоголоса. Из мечети доносится призыв муэдзина и тут же тонет в звуках веселой уйгурской песни, передаваемой по радио. У развешанных ковров примостился со своим походным мангалом шашлычник.

— Шашлык!.. Иах!.. Яхши шашлык!

Шашлык действительно хорош. Нанизанные на металлические прутки куски свежей баранины

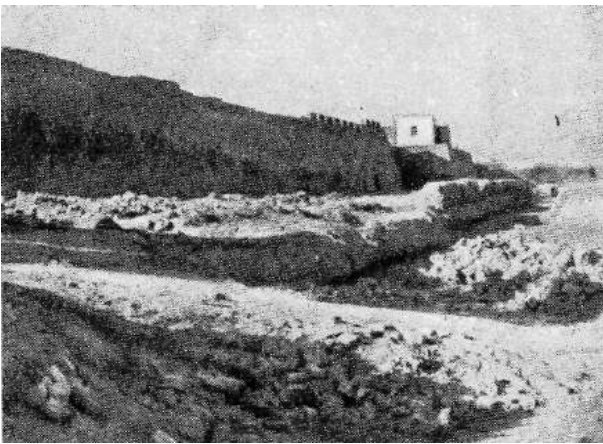
Неправдоподобные арбузы.

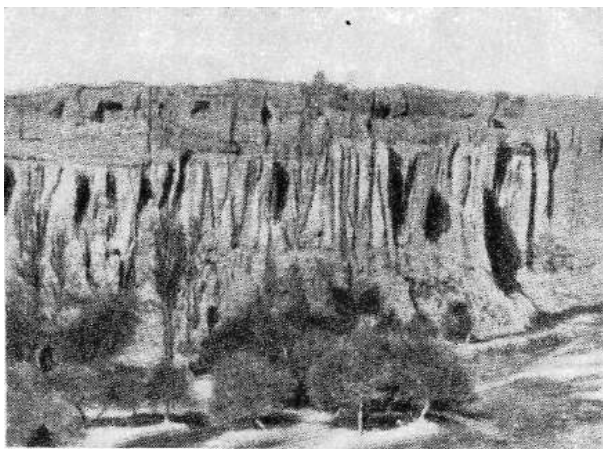
Какой ковер лучше?

— Яхши шашлык!

Старый Турфан.

Мертвый город.

истекают салом. Размахивая веером, шашлычник продолжает истошно кричать:

— Шашлык! Яхши шашлык!

Его бойко раскупают и едят, присев на землю или на застланную ковром скамью. В тени у мангала стоит мотоцикл, поблескивая никелем.

Какое удачное сочетание старого и нового: мотоцикл в древнем Турфане!

— Снимем?

— Давайте!

Оператор достает камеру. Но шашлычник не ждет. Товар продан, железные палочки собраны. Хозяин закрывает свой мангал крышкой, надевает его на плечо, садится на мотоцикл и с ужасающим треском, неожиданным для такой маленькой машины, укатывает по пыльной улице. Оператор досадует:

— Моторизованный шашлычник!..

Ревятишки, обступив человека с крючковатым носом, похожего на разбойника с картины Вереща-

гина, покупают книжки с картинками. Сквозь толпу пробирается дервиш — странствующий мусульманский монах в островерхом колпаке. Иногда он останавливается, подпрыгивает на месте и что-то выкрикивает. У него злые глаза, длинные, разбросанные по плечам сальные волосы. Внешность не из приятных. Может быть, это юродивый, пришедший сюда из Ирана? Но на монаха никто не обращает внимания, и он пробирается дальше.

Зато мы в самом центре внимания. Стоит только достать камеру, как вокруг нас смыкаются тесным кольцом люди, вполне доброжелательные, но невозможно любопытные. И нет никаких сил уговорить их дать нам возможность работать.

Приходится хитрить. Следующим утром на базарную площадь въезжает наша машина. Она останавливается, и шофер, запев кабину, удаляется. Никто из находящихся на базаре и не подозревает, что в темноте душистой закупоренной кабины спрятана камера и обливающийся потом оператор. Часами дежурит он у камеры, подлавливая живые сцены и картины уличной жизни.

АЗИАТСКАЯ ПОМПЕЯ

Миновав базар и проехав через весь город, мы движемся вдоль невысоких, метров в 250—300, гор. Сворачиваем в ущелье и, так как никаких признаков дороги не обнаруживается, едем вверх по течению реки — прямо по покрытому галькой дну.

По обе стороны автомобиля, как из поливальной машины, распускаются веера сверкающих брызг. В них, словно на крыльях жар-птицы, вспыхивают переливающиеся радуги.

Радуги сразу же исчезают, как только мы попадаем в чрево узкого каньона, темного и мрачного. Но скоро снова вырываемся на залитый солнцем простор широкой долины. Два глубоких русла сухих рек охватывают земляной остров, похожий на корпус огромного корабля. Вершины высоких пирамидальных тополей едва достигают его «палубы». Острием ножа выступает нос «судна», отвесный, как стена, и с бортов он тоже неприступен. Так, наверное, выглядело горное плато, описанное Конан Дойлом в романе «Затерянный мир».

На ровной как стол поверхности плато можно различить руины большого города. Проводник утверждает, что это и есть развалины древней столицы уйгурского государства — города Яр-Хото.

Взобравшись на склоны ущелья, мы пытаемся разглядеть город сверху. Найти пути подхода к нему невозможно. Применить ска-

лолазную технику тоже не удается: крюки в рыхлом лессе и песке не держатся.

Мы отчаялись попасть на остров, когда появился проводник, а с ним — чернобородый мужчина, который представился нам как хранитель этих мест. Он уселся в нашу машину и предложил ехать во двор окруженного невысоким дувалом хлопкоочистительного заводика. Заводик этот прилепился, как гнездо ласточки, у подножия острова.

Машина завернула за дувал и уткнулась в отвесную стену. И только тогда мы заметили, что в стене вырублен круто поднимающийся вверх узкий коридор. Наша машина втиснулась в него с трудом. Чиркая бортами по стенкам коридора, она медленно взбиралась вверх, окутанная облаком пыли, чихая и откашливаясь.

Выбравшись из щели, мы остановились на небольшой площадке. Перед нами лежала азиатская Помпея...

Мы оказались в мертвом городе Яр-Хото.

Он умер тысячу, а может быть, и более тысячи лет назад. Что стало причиной его смерти, неизвестно. Быть может, враги, опустошив его, увели за собой всех уцелевших жителей? А может быть, исчезла вода из рек, окружавших остров, и люди сами ушли, чтобы не погибнуть от жажды? Никто этого пока не знает.

Мы стоим под сводами огромного храма. Упавшие с потолка глыбы образовали подобие древнего жертвенного стола. Он обрызган еще теплой кровью растерзанного дикого голубя: войдя в храм, мы спугнули огромную хищную птицу. Взлетев с шумом вверх, она исчезла в широком проломе. Лучи солнца освещают храм. На стенах его сохранились едва заметные следы цветной росписи. Через арку главного входа открывается вид на вырубленную в толще земли прямую неширокую улицу, постепенно поднимающуюся вверх. Она выводит на просторную лестницу второго храма.

Крутые ступени лестниц ведут в боковые улицы, к остаткам домов и к мельнице, где можно найти обломки каменных жерновов и осколки глиняных сосудов для зерна, похожих на древнегреческие амфоры.

Печет солнце. Тихо. Мы бродим по лабиринту мертвых улиц, взбираемся на башни, снимаем еще никем и никогда не запечатленные на пленку кадры.

Почему был покинут людьми этот город, неизвестно. Но к началу X века он уже опустел, и столица Уйгурского княжества была перенесена на восток от современного Турфана.

(Окончание следует)

Начиная разговор об этом уголке Испании, следует оговориться, что мы подразумеваем под словом «незнакомая».

Испания — страна многолика, пестрая. В ней много удивительно своеобразных областей, не похожих друг на друга ни природой, ни архитектурой городов и сел, ни бытом, ни даже складом характера людей.

Испанию посещает довольно много туристов, но они в основном бывают на юго-западном побережье страны. А северо-западный угол Пиренейского полуострова, где нахо-

о Галисии с описания белых портовых городов Виго или Ла-Корунья, но на них лежит отпечаток облика больших испанских городов, и не они определяют характер этой исторической области. Если вы хотите узнать, понять и полюбить Галисию, то остановитесь где-нибудь в рыбацком поселке: в Коркубоне, Камаринье или в Ла-Гуэрдии. Повсюду — у пристани, в бухтах, в открытом море — качаются рыбацкие лодки; свежий морской ветер играет в бесконечно длинных сетях; на высоких деревянных сооружениях висят пойманные каракатицы; доносится

запах горелого масла, который соперничает с запахами смолы, гниющих водорослей и соленого воздуха.

Мы приехали в один из таких поселков и застали там праздник.

Кто неделями бывает в море, кто изо дня в день соскабливает с крутых утесов птичий помет или извлекает из сырых расщелин отчаянно сопротивляющихся каракатиц, тот, конечно, имеет право на короткое, но бурное веселье.

Удары колокола и треск ракет возвещают о начале праздника. Под звуки волынки и духовых инстру-

Незнакомая Испания

В. КАРЛЭ

дилось древнее королевство Галисия, мало известен не только в других странах, но, как это ни странно, даже в самой Испании. Именно здесь — незнакомая Испания, незнакомая в действительном значении этого слова.

...Близится к финишу утомительное многодневное плавание. Взоры пассажиров полны трепетного ожидания. И как-то сразу, вдруг над бирюзовой плоскостью морских волн начинают вырисовываться очертания гор в нежной дымке пастельных тонов. И вот уже видны изрезанные ущельями высокие гранитные скалы, суровостью своей природы напоминающие Скандинавию. Округлые вершины с сосновыми лесами, чередующиеся с угрюмой пустотой степей; голые шхерные острова; изрезанный бухтами, увенчанный дюнами песчаный берег в белой пене неутомимого прибоя.

Можно было начать наш рассказ

Берег Галисии напоминает суровый пейзаж Скандинавии.

Рыбачка обменивает свой небогатый улов на бобы и муку.

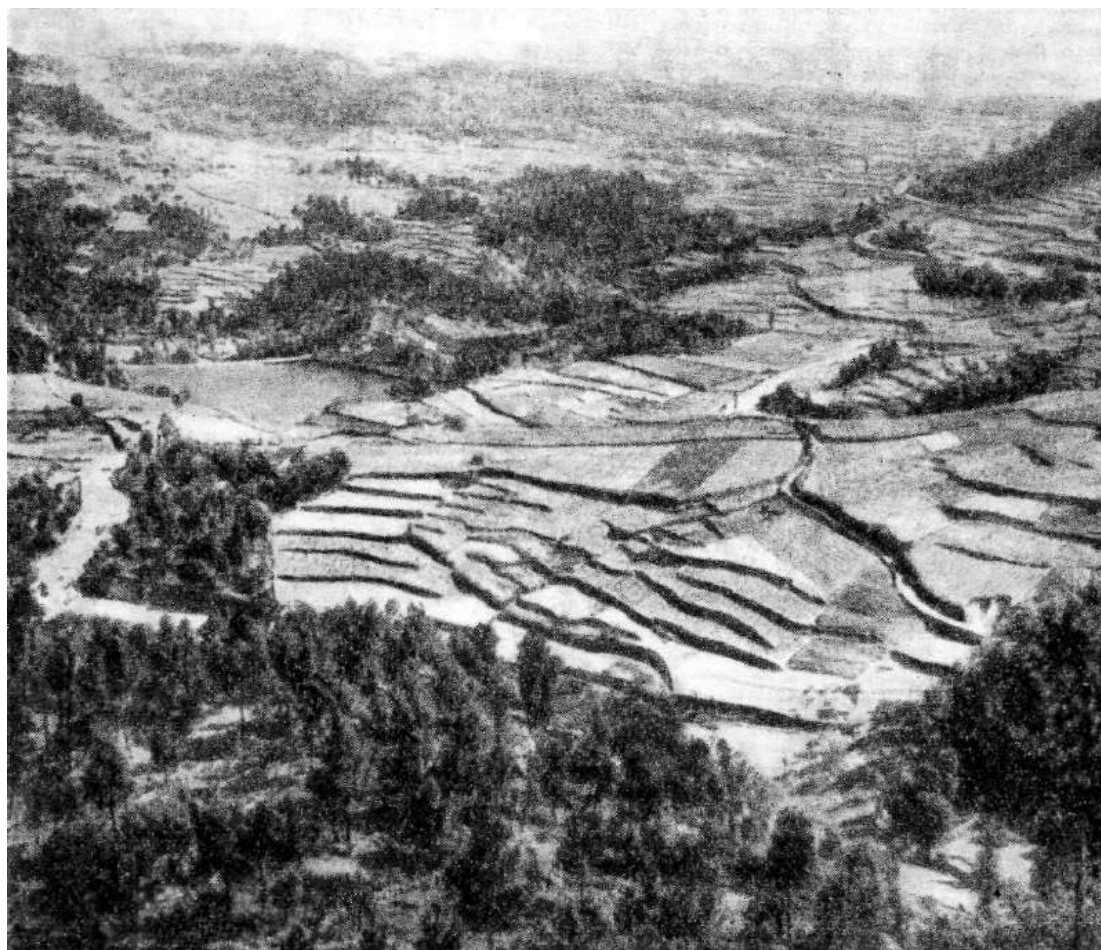
ментов, под бой барабанов гальего танцуют пасодобль.

Что случилось с гальего? Обычно флегматичные, они охвачены пламенем южного темперамента. Танцуют с упоением, радостью, удовольствием.

Но быстро проносится праздничный вихрь, наступают обычные будни. В предзакатные сумерки отправляются в море рыбаки; женщины спешат на фабрики, где готовят изумительно вкусные сардины в масле; эти консервы расходятся по всему миру.

Округлые гранитные купола гор, поднимающиеся на две тысячи метров, — словно маяки на пути от побережья в глубь Галисии.

Незабываемое впечатление производит прогулка в безлюдные, девственные горы Восточной Галисии. Сланцы и кварциты причудливой

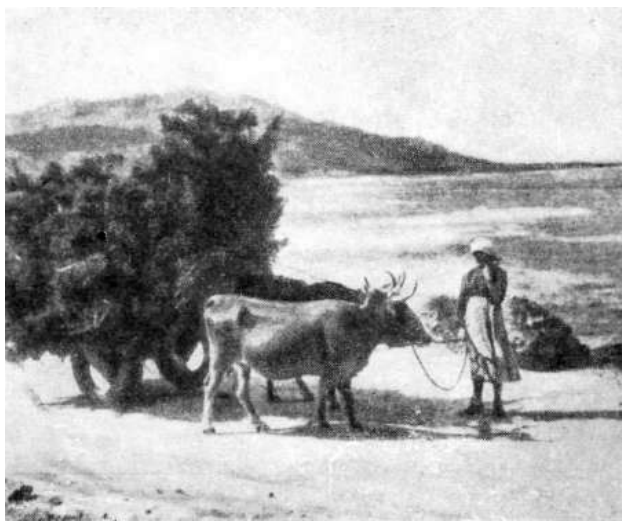

Склоны гор превращены в террасы полей.

Рыбаки бережно несут свои сети, ведь они куплены в кредит, и за них придется платить еще многие годы.

*Двухколесная по-
возка гальего.*

перерывами в течение всего года, цветет в горах даже под снежным покровом суровой северо-западной зимы. Галисия — это край рыбаков и крестьян.

В долине Мино вьется виноградная лоза. На равнинах и на террасах, устроенных на склонах гор, колышутся пшеничные и кукурузные поля. В большинстве случаев для получения хорошего урожая необходимо искусственное орошение. И надо сказать, что в сооружении оросительных каналов гальего достигли подлинного мастерства.

Когда приходит пора уборки урожая, плоды и овощи укладывают высокой горкой на двухколесные тележки, которые то и дело взвизгивают на несмазанных осях. А кукурузные початки дозревают в специальных амбарах — явление, типичное для Галисии.

В зеленых долинах огромные эвкалиптовые деревья охватывают тенью бедные крестьянские деревушки, а на востоке края растут древние каштановые рощи. Они придают паркам особую торжественность. А вот апельсиновые деревья и пальмы в городских парках и помещичьих усадьбах словно когда-то заблудились, да так и остались тут чужими, непрошеными гостями.

Основное богатство Галисии — недра земли, таящие ценнейшие руды. Несколько заводов перерабатывают олово и вольфрам. С давних пор пользуются известностью многочисленные горячие и минеральные источники Галисии. И если бы на устройство здравниц правительство отпускало больше средств, как знать, может быть, Галисия стала бы одним из курортных центров.

Долина Осера — сфера влияния католического ордена «Цистерцианцев». Монахи — весьма предприимчивые и ловкие дельцы. Так, например, в монастыре работает типография, оснащенная немецкими станками. Как видите, монахи используют «святые места» для своего обогащения.

Архитектура Галисии отличается большей строгостью, нежели воздушная готика Кастилии, восторженный «платереско» Вальядолида и Саламанки или игривая легкость южноиспанских дворцов.

Романский период оставил глубокий след в Галисии. В романском стиле построен древний огромный собор Сантьяго, а также много маленьких церквушек в деревнях.

Таков этот уголок Испании, своеобразный, строгий, незнакомый. Незнакомый еще и потому, что правительство не обращает на Галисию внимания, оно словно забыло о ее существовании. Здесь исключительно редкая сеть железных и шоссейных дорог. Удивительно слабо используется энергия бурных рек. До сих пор центр тяжести экономики падает на рыболовство и земледелие, а промышленность сильно отстает в своем развитии.

Монастырь "Цистерцианцев"

В Галисии много цветов

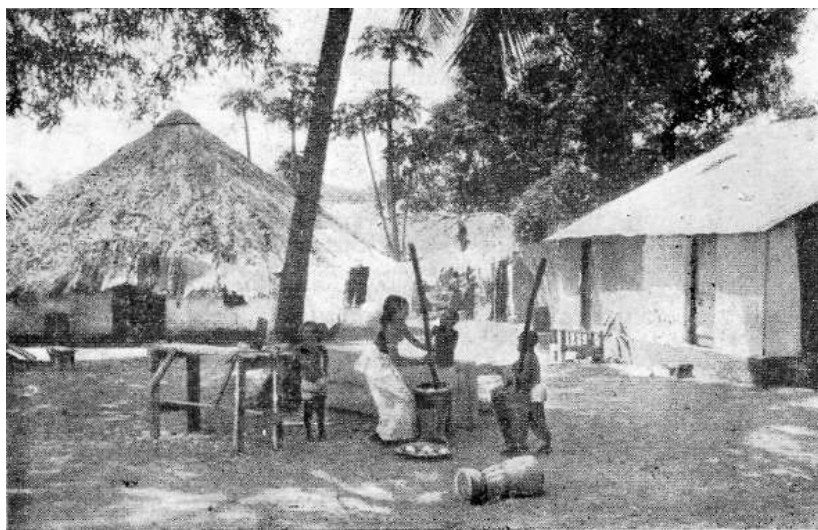
формы образуют острые плечи горных хребтов, вторгшиеся сюда граниты — крупные купола вершин.

По узким горным тропам можно пробраться в такие места, где все поражает своей первобытностью, где в голову приходит мысль: «Уж не так ли выглядел мир в первые дни сотворения?»

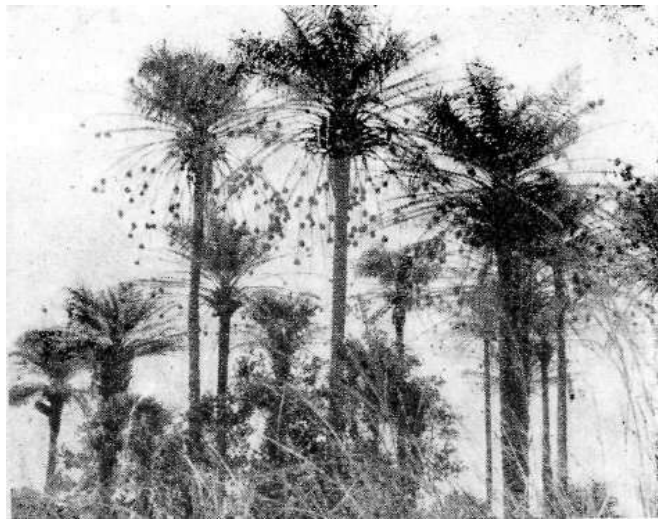
Примитивные каменные хижины пастухов кажутся здесь крошечными точками; горный ветер покачивает скудную траву, в небе — ослепительное солнце; кругом поразительно пустынно, одиноко.

Если говорить об окраске этих мест, то здесь торжествует, конечно, желтый цвет со всеми его нюансами. Это цвет колючего дрока. Внешне похожий на можжевельник, дрок цветет с небольшими

Перевод Л. ЛАСКИНОЙ

Конакрийский дворик. Девушка толчет просо в деревянной ступе.

На масличных пальмах птицы-ткачи свили гнезда. Сейчас они пусты, но когда начнутся дожди, эти желтые птички вернутся домой.

КОНАКРИЙСКОЕ ЛЕТО

В. ИОРДАНСКИЙ

Фото автора

В начале февраля, в самый сухой и жаркий месяц гвинейского лета, я приехал в Конакри, столицу Гвинейской республики. В Москве стояли трескучие морозы, а здесь теплый морской ветер мерно шелестел верхушками кокосовых пальм на городской набережной; в кронах громадных манговых деревьев невидимые птицы насвистывали какие-то сложные и очень непривычные мелодии; всепроникающее солнце плавало асфальт мостовых. Ветви бугенвиллий, отяжелевшие от алых и розовых цветов, склоняли свои головы так, как это делают у нас ветки сирени в самый разгар лета. Итак, конакрийское лето, 1960 год.

Город невелик. Он расположен на острове Тумбо и узким перешейком соединен с полуостровом Калум, где раскинулись пригороды.

Как-то раз, когда я поднялся на крышу одного из самых высоких зданий столицы, «Отель де Франс», и взглянул вниз, мне показалось, что подо мной раскинулись джунгли, — густой тропический лес почти целиком поглотил Конакри, и за сплошным зеленым покрывалом с большим трудом можно было различить толевые и черепичные крыши домишек. Они, как маяки, сигнализировали: «Внизу город».

Пыль незамеченных тротуаров, унылые ряды однообразных, похожих на бараки строений. В тени манговых деревьев — торговки апельсинами и бананами. Переговариваясь, они чистят ножами апельсины, как у нас чистят картошку. Из-за спин женщин выглядывают курчавые головы малышей.

В одном из дворов трое ребятшек лет десяти. В больших дере-

вянных ступах они толкут зерно. Рядом с ними шимпанзе. Зажав в лапах какой-то тяжелый предмет, обезьяна, подражая детям, делает вид, что тоже толчет что-то.

Конакри делится на ряд кварталов. И каждый из них имеет свое лицо, свои черты.

Вот один из кварталов — Бульбине. Здесь живут рыбаки. Ранним утром я часто видел, как на вырубленных из ствола дерева пирогах или на сколоченных из досок лодках они уходили в океан. Медленно исчезали за горизонтом квадратные желтые паруса.

Рыбным промыслом в Бульбине занимаются сенегальцы — уольф, выходцы из соседней Сьерра-Леоне, пришельцы из Западного Судана — бозо.

Днем на набережной, между биржей труда и рыбным рынком, мужчины — те, кто остался на берегу, — чинят сети или плетут новые в тени громадных манговых деревьев.

Стучат топоры. Это группа молодых ребят рубит из толстого ствола пирогу. Проходит неделя-другая, и на рассвете новая пирога уже выходит в море.

Вокруг водопроводных колонок — стайки девушек. С тазами и ведрами они пришли сюда за водой и в ожидании своей очереди о чем-то спорят, смеются. Некоторые стирают белье, купают ребятшек. Эти колонки — своеобразные девичьи клубы. Здесь узнаются последние новости.

На самом берегу расположился небольшой рыбный рынок. В плетеных корзинах можно увидеть плоских квадратных скатов с тонкими и упругими, как стальной прут, хвостами, серебристо-синих мелких акул, рыбу «бонга» (ее ловят ночью, когда она поднимается со дна на поверхность), рыбу с морским именем «капитан» — ее очень любят местные жители. Только поздним вечером пустеет рынок, рассеивается многоязыкая толпа.

Перед закатом возвращаются с моря рыбаки. По голубому простору океана разбросаны золотистые пятна парусов, словно ветер гонит осенние листья. На берегу собираются рыбацьи семьи, быстро вытаскиваются на песок лодки, выгружаются уловы. Ночь наступает мгновенно, словно кто-то набрасывает на небо черное покрывало. Перед домами женщины зажигают керосиновые лампы. Освещенные их мерцающим пламенем, люди отдыхают от зноя, от дневной усталости.

Как возникли многие города в Африке южнее Сахары? К купцу, общепризнанному туземцев, присоединился священник-миссионер, который обворовывал их души. Затем для «защиты» купца и священника прибывали солдаты и чиновники, они отбирали у населения то, что не смогли или не успели прикарманить купцы и миссионеры. На базе торговой фактории, церкви, военной казармы и канцелярии колониального чиновника и возникли многие из современных африканских городов.

Так родился и город Конакри. В 1889 году корвет «Горячий» получил приказ аннексировать остров Тумбо и полуостров Калум, где уже расположились торговые фактории и миссионеры. Не заставили себя ждать и чиновники.

С тех пор вместе с ростом города богатели, становились все влиятельнее, все сильнее торговые компании. Они раскинули паутину своих отделений по всей стране, проникли в самые глухие деревни. В столице же разместились их крупные магазины, склады. Тесно связанные между собой, компании диктовали крестьянам закупочные цены, монополизировали продажу предметов первой необходимости.

Французская компания Западной Африки (СФАО), Торговая компания Африканского Запада (СКОА), компания Французского Нигера, «Шаванель и сын», «Петерсон и Законис» — эти торговые монополии долгие годы хозяйничали в Гвинее.

Родилась независимая Гвинея, но они не сложили оружия. Экономические мероприятия молодого гвинейского правительства встретили яростное сопротивление этих компаний. Опираясь на банки, они попытались взвинтить цены в деревне, сорвать установленные государством закупочные цены на основные экспортные культуры — бананы и кофе. Но это экономическое наступление закончилось полным провалом.

Однажды вечером я встретился в кафе «Перрон» со знакомым французом, работавшим в компании СФАО. Я спросил у него, не собираются ли владельцы компании менять ее название, — ведь оно звучит несколько странно в Западной Африке, где появляются все новые и новые независимые государства. Он улыбнулся.

— Насколько я знаю, вопрос этот обсуждался. Но какое это имеет значение? В Гвинее, я думаю, нам все равно не удержаться, как бы мы ни назывались, а в других африканских странах мы еще очень сильны.

Мой собеседник рассуждал трезво. Но его хозяева не хотят отры-

ваться от гвинейского пирога. Введенные аршинными буквами на крупнейших зданиях названия торговых монополий продолжают оставаться характерной чертой Конакри. Кто знает, надолго ли?

Вывески ливанских торговцев выглядят куда скромнее. Но встречаются их лавки буквально на каждом шагу. Как правило, многообразие ассортимента здесь самое невероятное. В одной из лавок мне объяснили это так: торговец никогда не знает, что может потребоваться покупателю, но удовлетворить любой его запрос он должен.

За прилавком вся семья торговца — он сам занимается покупателями, жена — кассир, дети подают товар с полок. В лавке полутемно, свет проникает туда только через проемы дверей.

Первые ливанские торговцы появились в Гвинее еще в начале нашего века. Они смело открывали свои лавчонки в таких районах, куда более требовательные французы отказывались ехать. Колониальная администрация и крупные тор-

Набережная гвинейской столицы.

Девочка около автомобиля.

Торговля бананами и очищенными апельсинами.

Мадина — пригород Конакри.

говые компании быстро поняли, какую выгоду можно было извлечь из этих людей. Монополии превратили их в своих агентов, а администрация поддерживала ливанцев, надеясь предотвратить зарождение национальной африканской буржуазии.

Вечером на улицах города часто можно встретить этих жирных с заплавленными глазами мужчин или их жен, таких же полных, увешанных золотыми украшениями. Еще не так давно они чувствовали себя здесь если не хозяевами, то уж во всяком случае доверенными слугами хозяев страны. Теперь все чаще их лица омрачает тень беспокойства. Создание гвинейским правительством в городах государственных магазинов, образование в деревнях кооперативов, закупуемых у крестьян сельскохозяйственные продукты и продающих им все необходимое, вырывает у ливанского лавочника почву из-под ног. Сплетенные колониализмом экономические тенета лопаются.

Во французских магазинах покупателям в подавляющем большинстве белые, в ливанских — белые и африканцы. На рынке покупают и продают только африканцы.

Рынок в Конакри — это универсальный магазин для бедноты. На деревянных столах под навесами груды лежат кирпично-красные помидоры, колючие ананасы, зеленато-лиловые плоды авокадо, оранжевые манго. В пестрых мисках — пирамиды темно-синих шаров; это индиго, которое и сейчас используется местными ремесленниками-ткачами для окрашивания тканей. Из окрестных деревень крестьяне — суссу и бага — привозят рис, выращиваемый на морском побережье, длинные корни маниока, из которого получают крахмал, бананы. С берегов рек Верхней Гвинеи — Тинкиссо, Мило, Нигера — доставляются тюки вяленой рыбы.

За столами с продовольственными товарами хозяйничают только женщины. Мужчины господствуют в другой сфере. Они продают ткани, всевозможные изделия из металла, различные украшения, лечебные травы, детские игрушки. Их столы стоят отдельно, образуя особый ряд. Я видел здесь выкованные деревенскими кузнецами топоры и мотыги — даба. И сегодня даба — основное орудие гвинейского крестьянина. Во многих районах страны еще не знают плуга.

Я был удивлен, увидев такое своеобразное «разделение труда» в торговле, и долго не мог понять, в чем тут дело. Наконец в одной из бесед с гвинейскими друзьями ситуация прояснилась.

В гвинейской деревне существует очень четкое разделение труда между мужчиной и женщиной. Так, в большинстве районов только мужчины занимаются ремеслами. Они же заняты на основных сельско-

хозяйственных работах — расчищают поля от кустарника и пней, выжигают траву, мотыжат землю, сеют. Женщины возделывают тапалды — небольшие участки земли, расположенные вблизи жилищ. Обычно здесь сажают овощи. Согласно обычаю все то, что женщина собирает с этого участка, является ее собственностью, и если какие-то продукты семья имеет в избытке, женщина может их продавать на рынке. Вот и получилось, что женщины имеют монополию на торговлю фруктами и овощами, тогда как мужчины могут торговать всеми ремесленными изделиями, а теперь и промышленными товарами вообще.

Рынок кормит, обувает и одевает подавляющее большинство населения города. Ремесленники ищут

сами были людьми, где же вы видели, чтобы людей продавали по четыреста франков?

В толпе засмеялись. Пожилой человек, первым начавший прицениваться к птицам, ответил:

— Если так, оставь этих попугаев себе. Не хочу на старости лет становиться рабовладельцем...

* * *

Перед зданием портового управления растет громадное дерево. Пышная крона бросает тень на всю площадь, горбатые, выпирающие из земли корни, подобно контрфорсам, поддерживают его могучий ствол. Это дерево — единственный живой свидетель рождения конакрийского порта. Еще в начале на-

Современные многоэтажные здания в квартале Бульбине окружены лачугами.

здесь необходимые им материалы. Сейчас лето, сухой сезон, полевых работ нет и многие крестьяне едут в город на заработки. В толпе мелькают живущие в саваннах Верхней Гвинеи малинке, фульбе, приехавшие в Конакри с нагорья Фута-Джалон. Но на конакрийском рынке продают не только предметы первой необходимости.

Мне вспоминается сценка, невольным свидетелем которой я оказался. Молодой паренек принес продавать трех попугаев. Он заставлял их насвистывать мелодии популярных песенок, произносить фразы на ломаном французском языке. Вокруг него собрались любопытные, и начался торг.

Владелец попугаев требовал по восемьсот франков за каждого, ему предлагали по четыреста. Достоинства попугаев подвергались самому критическому разбору. Тогда паренек обратился к окружающим с вопросом:

— А вы знаете, почему попугаи умеют петь и разговаривать, как люди? Потому что когда-то они

шего века от этого дерева в море шел деревянный причал, у которого разгружались первые пароходы.

С тех пор это место преобразилось. Нет больше деревянного причала. Океанские пакеты разных компаний останавливаются у бетонных пирсов. Когда в порт заходят грузовые суда, их встречают подъемные краны всех систем и размеров. Все чаще в Конакри прибывают корабли под красным флагом. На этих судах в Гвинейскую республику приплывают наши «Волги» и «Москвичи», тракторы и различные сельскохозяйственные орудия — Советский Союз помогает гвинейскому народу крепить свою экономическую независимость.

Директор порта Конакри Ламин Туре, еще молодой человек с живым умным лицом, любит рассказывать об истории порта, его роли в жизни страны. Он всегда с нетерпением ожидает новую технику, которая поступает в порт из Советского Союза.

— После того как наша страна стала независимой, — говорит он, —

многое изменилось в жизни порта. Его хозяевами стали мы, гвинейцы. Французы уповали на то, что мы развалим порт, не справимся с трудностями. Но мы сумели обойтись своими силами. Порт дает многомиллионный доход государству.

Однажды Ламин Туре пригласил меня осмотреть рудные причалы порта. Наша машина обогнула набережную для судов каботажного плавания, проехала мимо банановых складов, мимо железнодорожной эстакады и выехала прямо на рудный причал.

Слева были видны заросшие редким лесом острова Тамара и Касса. Над островом Касса время от времени поднималось небольшое желтое облачко взрыва: американско-канадская компания «боксит дю Миди» открытым способом разрабатывает на этом острове богатейшие месторождения бокситов. Между островами и портом более чем на километр протянулась каменная лента мола, сооруженного на Осторожности.

Железная руда добывается недалеко от города — на полуострове Калум. Считают, что месторождение содержит около 200 миллионов тонн высококачественной руды. Отданное в концессию «Рудной компании Конакри», оно начало эксплуатироваться с 1953 года. Название у компании французское, но за этой вывеской стоят и английские и американские капиталы. Вывоза из страны около миллиона тонн железной руды в год, компания получает громадные барыши.

Возвращаясь из порта, я обратил внимание Ламина Туре на многочисленные железнодорожные пу-

ти, ведущие от причалов. Директор заметил, что только один путь принадлежит гвинейскому государству, остальные — собственность «Рудной компании Конакри» и компании Фриа, занимающейся разработкой бокситов. И мне вспомнилась беседа с одним из ответственных работников Демократической партии Гвинеи. Человек ясного и трезвого ума, с громадным опытом политической борьбы, он говорил мне:

— В 1957 году наш народ сумел разгромить доморощенных феодалов — племенных и религиозных вождей. Это были верные слуги французского империализма. Но на гвинейской земле продолжают оставаться более современные угнетатели — иностранные компании. Они грабят наши богатства, им принадлежат железные дороги, концессии, дома. Наша независимость станет полной только тогда, когда мы сможем освободиться и от их зашля. Это время придет!

Через несколько дней после нашего разговора я стал свидетелем исторического события в жизни гвинейского народа. Демократическая партия Гвинеи приняла решение о замене старого колониального франка новыми, национальными денежными знаками

Одновременно было опубликовано решение о выходе Гвинеи из зоны франка. Новая гвинейская валюта делалась замкнутой — ее нельзя было свободно обменивать на иностранную валюту и вывозить из Гвинеи. Это решение нанесло серьезный удар по торговым компаниям, ранее переводившим во Францию все свои доходы. Благодаря этой реформе гвинейское правительство получило возмож-

ность контролировать внешнюю торговлю страны.

1 марта, в солнечный летний день, тысячи женщин и мужчин, юношей и стариков с волнением слушали выступление президента республики Секу Туре, который подчеркнул, что новый этап, который открывает денежная реформа, может быть, более важен, чем этап, пройденный страной после референдума 28 сентября 1958 года, когда Гвинея завоевала политическую независимость. Я вглядывался в лица людей, собравшихся на площади перед президентским дворцом, откуда транслировалось выступление Секу Туре. Старик в белом бубу, окруженный сыновьями, две девушки студентки с тетрадами в руках, группа рабочих — все они напряженно ловили каждое слово главы государства. Мне думается, что, слушая голос президента, гвинейцы рисовали в своем воображении грядущий день страны.

* * *

В последние дни апреля почувствовалось приближение дождевого сезона, местной «зимы». Тяжелые серые тучи все чаще заволакивали небо. А однажды я увидел над городом стаю журавлей. Сначала они летели, вытянувшись в прямую линию, потом перестроились клином и повернули к северо-востоку. Наверное, они летели в Россию, домой. Кончилось конакрийское лето.

В центре города установлена мемориальная доска: «Гвинейская республика — всем мученикам колониализма».

Фото Ю. Транквиллицкого

Кто он, таинственный пришелец?

Б. ВРОНСКИЙ

Фото автора и М. Заплата

ЧАСТЬ 3,
в которой изложен новый
взгляд на одну старую
гипотезу

ГДЕ ЖЕ МЕТЕОРИТ?

«Если вы так уверены, что тунгусская катастрофа была вызвана падением метеорита, то скажите, куда же он делся, или по крайней мере укажите, где его искать?» Этот вопрос неизменно задают сторонники гипотезы ядерного взрыва во время жарких дискуссий с «метеоритчиками». Они требуют вещественных доказательств и, не получая их, пробуют доказывать свою гипотезу методом от противного.

Между тем поиски остатков Тунгусского метеорита действительно не давали каких-либо вещественных доказательств.

Определить направление, в котором следует вести поиски, — вот главная задача для каждого энтузиаста, желающего разгадать тунгусскую загадку, уже полвека беспокоящую многие умы. Мы с Валентином стремились сузить и точно определить зону своих работ. Речь шла, так сказать, о меткости исследования.

Вдохновленные удачной находкой столетней лиственницы, мы с особым рвением принялись осуществлять четвертый пункт нашей повестки дня. Мы понимали, что это очень важный пункт. Требовалось выяснить возможную связь между термокарстовыми явлениями в районе Великой котловины и падением метеорита.

На стоянках у рек приходится создавать дымовую завесу от мошки.

Итоги работ экспедиции 1958 года упрямо склоняли меня к мысли, что именно термокарсты скрывают в себе куски или осколки Тунгусского метеорита.

Собственно говоря, такого мнения придерживался и Кулик, но в своих поисках он совершил ряд серьезных ошибок, о которых речь пойдет ниже.

Но прежде чем рассказать о термокарстах и теории, связанной с ними, необходимо перелистать еще несколько страничек дневника. Они повествуют, в частности, о нашей заочной встрече с новой, четвертой, самостоятельной группой, прибывшей в августе 1959 года в район тунгусской катастрофы.

Окончание. См. 8 - 9.

27 августа. Мы идем к горе Фаррингтона. Среди окружающих котловину сопок она выделяется своей высотой. Большинство вершин в районе Великой котловины Кулик назвал именами главных искателей метеоритов. Одним из них был американец Фаррингтон. Вершина эта примечательна еще тем, что на ее макушке установлен астропункт — вышка для геофизических работ.

Забравшись на вершину горы, мы сверили находившуюся у нас старую фотографию с окружающим ландшафтом. По данным аэрофотосъемки 30-х годов, в северо-восточной части Южного болота должно было лежать довольно большое озеро, имеющее в поперечнике около двухсот метров. Вскоре мы обнаружили это озеро и с вершины горы наметили наиболее короткий путь к нему.

Мы довольно быстро добрались до цели. Оказалось, что с конца 30-х годов озеро стало гораздо меньше. Теперь его поперечник не превышает 30 или 40 метров. Видно, процесс осушения в районе Южного болота довольно интенсивно продолжается.

Взяв в озерце иловую пробу, мы после долгого пути вышли на тропу, идущую от астропункта к заимке. День был ясный, солнечный. Вдруг вдали раздался стрекот мотора, и вскоре над нашими головами пронесся на бреющем полете «ЯК-12». Он держал курс к заимке Кулика, до которой оставалось полтора-два километра. Слышно было, как самолет развернулся и сделал несколько кругов над Северным болотом. Затем раздался какой-то всхлипывающий звук. Самолет улетел.

Мы недоуменно посмотрели друг на друга. Что за самолет? Не сбросил ли он вымпел? Поспешили к баракам. Но вокруг ничего не было. Осмотрели весь участок, прилегающий к Северному болоту: нет, ничего не видать. Взобрались на соседнюю вершину Эйхвальда — и опять-таки осмотр не дал результатов.

ЗАКОН ПАДАЮЩЕГО БУТЕРБРОДА

Разгадка пришла позже, после того как мы прибыли в Ванавару.

Оказывается, кроме наших трех групп, в конце августа сюда прибыла еще одна самостоятельная группа из Башкирии в составе геофизиков А. В. Золотова и И. Г. Дядькина. Они заказали самолет, чтобы сбросить пожитки около заимки и не загружать себя переборской продукцией и снаряжения. На втором

заходе геофизики сбросили свой груз на облюбованную чистую площадку в районе Северного болота.

Существует шуточный закон падающего бутерброда. По этому закону падающий бутерброд обязательно должен коснуться земли той стороной, на которой масло. В полном соответствии с этим неписаным законом сброшенный груз угодили точнехонько в термокарстовое озеро и, взметнув фонтан жидкой грязи, исчез навсегда.

Нам неизвестно, как протекала работа этой четвертой экспедиции, во всяком случае выводы, которые сделали товарищи, прибывшие из Башкирии, отличались удивительной поспешностью.

Уфимская газета «Ленинец» опубликовала статью А. Золотова и И. Дядькина, в которой они изложили свои взгляды.

Они якобы установили наличие мгновенного лучистого ожога, проявившегося, по их словам, на обширной территории; определили по углам пережженных сучков и задиринок высоту ядерного взрыва; обнаружили также в этом районе искусственную радиоактивность, доказав тем самым, что над землей взорвалось небесное тело, созданное разумными существами. Словом, за очень короткий срок они сделали ряд потрясающих «открытий»...

В то время мы, конечно, еще не могли подвести итоги своей работы и работ других самостоятельных групп. Оценка наших тяжелых поисков учеными была дана гораздо позже, почти через год.

Всесоюзная метеоритная конференция, проходившая в Киеве в начале июня 1960 года, подчеркнула, что не все самостоятельные группы 1959 года, работавшие в тунгусской тайге, дали науке сколько-нибудь ценные сведения.

Выводы, к которым пришли А. Золотов и И. Дядькин, были признаны ненаучными. Работу томичей участники конференции охарактеризовали как достаточно добросовестную, несмотря на ряд просчетов; что касается нашей группы, то она была квалифицирована как ОТРЯД Комитета по метеоритам, работавший по четкой научной программе.

28 августа. Начались дожди. Стало холодно. Пора в обратный путь.

Не хочется расставаться с этими местами, но Валентин торопится в институт, а дорога не близкая. Уровень воды в Хушмо очень низок. Чтобы как-то обезопасить наш груз от «водных процедур», мы решили пристроить ко дну байдарки длинную доску, найденную около барака. На носу из куска листового железа мы

соорудили своеобразный форштевень. Эти усовершенствования несколько утяжелили байдарку, но зато обезопасили ее от повреждения на перекатах.

9 сентября. Мы в Ванаваре. Путешествие закончено.

Мы везем с собой толстую тетрадь — дневник с записями наблюдений, спил столетней лиственницы, иловые пробы... Но наиболее ценный результат — это, пожалуй, выводы, к которым мы пришли на основе изучения термокарстовых явлений в Великой котловине.

ТРЕТЬЕ АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Известно, что вблизи Великой котловины, то есть в районе предполагаемого падения Тунгусского метеорита, наблюдается множество термокарстовых воронок, тогда как на других участках они встречаются гораздо реже.

Что такое термокарстовая воронка? При каких условиях она образуется?

Термокарсты — это своеобразные пробойны в броне вечной мерзлоты. Они появляются там, где солнечному лучу удается проникнуть в почву. На огромном пространстве, находящемся в плену вечной мерзлоты, довольно много участков, сложенных наносными породами. Такие участки особенно насыщены прослойками льда, которые не тают даже в жаркие летние месяцы. От солнечных лучей их защищает торфяной или моховой покров. Но как только в этом защищенном слое появляется дырка, начинается процесс оттаивания почвы, приводящий в конце концов к возникновению небольшого озера или болотца. Это и есть термокарст. Там, где мощность изолирующего слоя невелика, образование термокарста может быть вызвано случайным нарушением торфяного покрова, например падением дерева, выдернутого с корнем. Об искусственном образовании термокарста мы говорили во

Пора в обратный путь.

второй части очерков, в главе о Куликовском кладе.

Но чем вызвано появление многочисленных термокарстовых образований на ограниченной площадке в районе падения метеорита?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос является ключевым к разгадке тайны катастрофы.

После проведенных нами исследований в районе Великой котловины стало ясно, что вывороченные с корнем и упавшие деревья не могли разрушить здесь торфяную подушку и обнажить расположенные ниже льдистые породы. Защитный покров здесь достаточно мощный.

Усиленное развитие термокарстов не могло быть вызвано и таежными пожарами, так как на глубине 10 сантиметров от поверхности оттаявшая торфяная масса, как губка, насыщена водой.

Напрашивается естественный вывод — толчком к такому развитию термокарстовых воронок послужили удары многочисленных обломков метеорита, которые, пробив мощную торфяную подушку, глубоко проникли внутрь, обнажив насыщенные льдом наносы. При этом надо учесть, что даже небольшой обломок метеорита мог вызвать в дальнейшем развитие термокарстовой воронки, не соответствующей его размерам.

Надо сказать, что Кулик интуитивно чувствовал связь термокарстовых образований с падением метеоритных масс. Однако он считал, что величине воронки должна соответствовать и масса вызвавшего ее образование метеорита, и поэтому он пришел к ошибочным заключениям, предполагая обнаружить в наиболее крупных воронках значительные куски метеорита. Железного, как он предполагал, метеорита. Но, должно быть, обломки метеорита были невелики, и обнаружить их нелегко.

Когда экспедиция Кулика 1929—1930 годов обнаружила на дне Суловской воронки древесный пень, то это вызвало замешательство среди исследователей. Но это явление вполне объяснимо. Пень мог попасть в воронку в результате обвала боковых стенок образования. Возможно, что если бы Кулик предполагал найти в этой воронке не гигантский кусок никелистого железа, а всего-навсего незначительный каменный обломок, то его поиски увенчались бы успехом.

Конечно, окончательные выводы о связи термокарстовых воронок с падением метеоритов будут сделаны позже, после целого ряда новых детальных исследований, но я надеюсь, что они подтвердят правильность нашей гипотезы.

Старый лабаз Кулика.

На горе Фаррингтона в 1929 году экспедиция Кулика установила вышку.

ЭПИЛОГ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ СТАТЬ ПРОЛОГОМ

К тому времени, когда этот номер журнала попадет к читателю, в междуречье Хушмо и Чамбы закончится очередной экспедиционный сезон.

Этим летом в районе заимки Кулика было особенно многолюдно. По приблизительным данным в июне к месту тунгусской катастрофы собралось более 100 человек. Среди них группа молодых инженеров предприятий Москвы и студентов во главе с В. Кошелевым, метеоритная экспедиция Си-

бирского отделения Академии наук СССР, несколько самостоятельных групп из инженеров, студентов, рабочих, еще весной зарегистрировавшихся в Комитете по метеоритам. Нашей группе предстояло выполнить новое задание комитета.

Такое исключительное «столпотворение» в районе падения Тунгусского метеорита — явление характерное.

В многомиллионной армии туристов все чаще появляются энтузиасты, которые стремятся соединить, если можно так выразиться, романтику таежного похода с романтикой научного поиска. С каждым годом резко возрастает число тех неугомонных людей, у которых в туристском рюкзаке рядом с компасом лежит радиометр и геологический молоток. Их влекут не просто нехоженые тропы, а те тропы, идя по которым можно помочь науке. Разгадка тайны тунгусской катастрофы — одна из тех научных проблем, над которыми наряду со специалистами работают десятки любителей, посвящая им свое свободное время, свой досуг.

Самодельная форма научно-исследовательских экспедиций принимает все более массовый характер. Эти экспедиции могут и должны принести большую помощь науке. Поэтому очень важно, чтобы все они были умело организованы, добросовестно снаряжены и четко нацелены с точки зрения научной работы. Хорошо, когда люди отправляются в поход, окрыленные трудной научной задачей.

Но очень плохо, когда они уверены, что на каждом шагу их ожидают сенсационные открытия. Те, кто отправляется в тунгусскую тайгу, должны помнить о том, что их ожидает кропотливый сбор на первый взгляд самых незначительных фактов. И этот сбор требует определенной предварительной подготовки. Слишком ретивая и неподготовленная погоня за открытиями может принести только вред. Для любителей легкой сенсационной наживы вход на территорию места падения Тунгусского метеорита должен быть строго запрещен.

В своей резолюции Всесоюзная метеоритная конференция считает необходимым обратиться к правительству с просьбой объявить эту территорию заказником. Все работы здесь должны проводиться только по специальному разрешению Комитета по метеоритам.

Какие же задачи были поставлены перед нами комитетом в этом году?

Прежде всего мы должны были заняться проблемой так называемых «шариков». Дело в том, что в процессе обработки почвенных проб в районе падения Тунгусского метеорита были

В Армении, среди отрогов Зангезурского хребта, течет буйная река Арпа. Особенно стремительным становится ее бег в теснинах ущелья Джермук.

«Джермук» в переводе с армянского означает «горячий». Над склонами ущелья всегда клубятся белые дымки. Это джермукские минеральные источники.

О целебных свойствах этих вод знали в глубокой древности. В ущелье до сего времени сохранились выдолбленные в породах большие ямы, где еще в незапамятные времена принимали ванны. Чудесная вода излечивала от тяжелых недугов.

Благотворное воздействие, которое оказывает минеральная вода на человеческий организм, обусловлено растворенными в ней химическими соединениями и газами. По сути дела, минеральная вода — это уже готовое лекарство, составленное по природному рецепту.

Гидрогеологи довольно хорошо изучили общие закономерности распространения минеральных вод и составили карты, на которых различными цветами показаны области возможного обнаружения источников. Так, в горных районах Закарпатья и Камчатки преимущественное развитие имеют углекислые и азотные воды, которые нередко выходят на поверхность в виде газированных минеральных источников. Другим распространенным типом минеральных вод являются сероводородные источники, расположенные чаще всего в районах нефтяных залежей. Для равнинных областей характерны крупные артезианские бассейны негазирующих или слабогазирующих минеральных вод. На поверхность такие воды выходят редко, поэтому гидрогеологи ищут их «вслепую», прощупывают водоносные горизонты буровыми скважинами. Работа эта сложная и кропотливая.

Несколько лет назад на Черноморское побережье в район Сочи приехали гидрогеологи. Они задались целью добыть для Сочи такие же сероводородные воды, какие имеются в Мацесте. Метр за метром ушли стальные буры в крепкие породы. Пройдены десятки, сотни метров, а воды нет и нет. Геологи не сдавались. Они утверждали, что в известняках, куда к этому времени проникли буры, должна быть вода. И вот с глубины двух тысяч метров пришла сероводородная вода. После химического анализа было установлено, что сочинские воды по качеству значительно лучше мацестинских.

Разыскивать минеральные воды удобнее всего по их выходам на поверхность. Иногда они выбиваются из-под земли в виде пульсирующих фонтанчиков, порой изливаются спокойно. Даже с первого взгляда легко отличить минеральный источник от обычного родника. У выходов на поверхность минеральных источников окружающие породы, как правило, окрашены в ржаво-бурые цвета соединений железа, выпадающих из растворов, а устье источника одето в красивое желтоватое или серое «ожерелье» из травертина. Травертин — это пористая известковая порода, которая образуется при выпадении из раствора карбонатных минералов — кальцита и арагонита. Минеральный источник выдает также пузырьки газов, растворенных в его водах, вкус, а иногда и запах самой воды. Ценность источника зависит прежде всего от его минерального состава и рабочей мощности (то есть от количества литров воды, которое источник извергает за сутки).

Минеральные воды используются не только для лечебных целей. Из так называемых рассолов, сильно минерализованных вод, извлекаются йод, бром и некоторые другие ценные лекарственные вещества. Имеется и другой оригинальный способ использования сильно нагретых минеральных вод.

На окраинах Будапешта скоро будут работать буровые установки, которые по скважинам поднимут наверх горячие минерализованные воды, располагающиеся под городом. Тогда отпадет необходимость многочисленных котельных, отопительных систем, тепловых станций. Огромный город будет отапливаться одной грандиозной подземной котельной.

Минеральные родники недаром названы источниками жизни. Они ценны для нас и лечебными свойствами и возможностями широкого промышленного использования. Поисковик-любитель, обнаруживший минеральный источник и сообщивший о своей находке, окажет большую услугу геологам.

Отдел ведет С. ГЛУШНЕВ

найжены мельчайшие шарики магнитного и силикатного происхождения. Подобные шарики, размеры которых измеряются сотыми долями миллиметра, встречаются во многих районах, не имеющих никакого отношения к Тунгусскому метеориту. Часть загадочных шариков является, по всей видимости, пылевидными выбросами заводских предприятий, часть предствяляет, возможно, остатки космической пыли, падающей на нашу планету.

Экспедиция должна также проверить сообщение геолога Виллера, работавшего в 1949 году в долине реки Огние, притоке Ванавары. Виллер утверждал, что ему удалось обнаружить в шлихе никелистое железо. Мы решили провести повторное опробование участка и выяснить ха-

актер никелистого железа, которое может иметь и чисто «земное происхождение».

Экспедиция отправилась с намерением продолжить поиски таинственного Чургимского камня, охватив значительно большую площадь, нежели та, которая была исследована нами в 1959 году. Потребовалось и более тщательное изучение ствола срубленной нами лственницы.

Предварительно скажу одно: новые исследования окончательно утвердили нашу поисковую группу в правильности первоначальных выводов относительно характера тунгусского феномена.

И что самое важное — наука о необычайном метеорите обогатилась новыми вещественными доказательствами. А без таких доказательств любая гипотеза

выглядит спорной и необоснованной. Тунгусская загадка откроется лишь тем, кто кропотливо, не спеша с выводами, собирает и анализирует факты, не боясь выводов, идущих вразрез с его взглядами, кто проверяет любое умозрительное предположение тщательным исследованием.

Уже сейчас находки, сделанные в 1959—1960 годах в районе Подкаменной Тунгуски, позволяют сказать: нет, космический пришелец не был межпланетным или межзвездным кораблем, как ни заманчива, как ни романтична эта теория. Это был метеорит, и мы находимся накануне окончательной разгадки его подлинной природы.

Литературная запись А. ЕФРЕМОВА

ЗВЕЗДЫ

Я. ГОЛОВАНОВ

Солнечные блики пляшут в водах бухты, ослепительно сверкают белые паруса яхт, а сам город на фоне огромной скалы напоминает пеструю и веселую мозаику. Это Гибралтар, город-крепость, единственная, если не считать Мальты, колония на европейском континенте и одна из старейших английских военных баз на территории иностранного государства.

«Джебель-ат-Тарик» (так по-арабски называется Гибралтар) означает в переводе «Гора Тарика». Грозный предводитель арабских завоевателей Тарик-бен-Саид в 711 году вторгся в Испанию, преодолев узкий пролив, отделяющий ее от Африки. Тогда же на северном, обращенном к Испании выступе скалы был воздвигнут замок, который и теперь называют мавританским.

История Гибралтара — это история кровопролитных войн. В VIII веке отсюда начали свои завоевания арабы. В начале XVI века крепость захватили испанцы. Через 200 лет она была взята объединенными англо-голландскими войсками. Еще через 100 лет судьба Гибралтара решалась в морском сражении, когда у Алхесираса был разбит испанский флот. Сколько крови было пролито из-за этого клочка земли в пять квадратных километров!

Тут нет ни золота, ни нефти. Вся ценность Гибралтара в его географическом положении. Это «пробка», которая в любой момент может заткнуть пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном. И как ни густа зелень, покрывающая Гибралтарскую скалу, в ней без труда можно разглядеть черные провалы амбразур, откуда высовываются жерла орудийных стволов. Пушки повернуты в сторону африканских берегов. Под их прицелом пролив. Как трудно поверить, что они нужны для защиты Великобритании, туманные берега которой расположены за многие сотни километров отсюда!..

Фото Ю. Альдохина
и М. Ардабьевского

Крыши домов на узких улочках закрыли от нас черные амбразур. Если бы не группа солдат на плацу, усердно разучивающих четкие повороты, мы, наверное, забыли бы, что находимся в городе-крепости. Мы идем по Мейн-стрит. Нельзя побывать в Гибралтаре и не прогуляться по его главной улице, улице ста (а может быть, и тысячи) магазинов. Чего здесь только не продают! Телевизоры и часы с кукушкой, ковры и кастаньеты, нейлоновые рубашки и японские кимоно. Все товары привозные. На них марки фирм США и Франции, Японии и Австрии, Уругвая и Западной Германии. Товаров много, а вот покупателей что-то не густо. Редко встретишь в магазине местного жителя. Вся торговля держится только на моряках и туристах...

Неподалеку от порта рынок. С раннего утра с корзинами за спиной спешат туда продавцы овощей, фруктов, рыбы, колючих средиземноморских омаров. На рынке мы разговорились с несколькими испанцами.

До полной нищеты довел этих людей кровавый диктатор Франко. Чтобы как-то прокормить семью, они вынуждены искать работу в Гибралтаре. Живут они за узкой нейтральной полосой, в городке Ла-Линеа. Полчаса хода, но это уже Испания.

— Для туристов Испания — это тореадоры, кастаньеты, замки времен Дон-Кихота, — сказал один из них, — для нас это голод и бесправие, тюрьмы и безработица...

Сворачиваем с Мейн-стрит и сразу попадаем в лабиринт узких улочек. Тут, наверное, не разъедутся даже два автомобиля. А это уже не улица, а просто лестница. Забираемся все выше и выше. Кончатся дома, мы шагаем по шоссе. По обе стороны от него — густые заросли акации и алоэ. Иногда зеленую стену рассекает узкая тропинка. Но тут же предостерегающая надпись: «Вход строго воспрещен! Военная зона!»

В зале ожидания морского порта мы видели много красочных плакатов и проспектов, на все лады расхваливающих красоты Гибралтара. Смеющаяся макака кричала с рекламных щитов: «Посетите Гибралтарскую скалу! Это единственное место в Европе, где на воле живут обезьяны. Прилетайте! Приплывайте! Приезжайте!» И вдруг «вход строго воспрещен». Но в конце концов мы только гости. Пусть уж местные макаки уличают туристское бюро в фальшивой рекламе.

Отсюда хорошо видны Гибралтарский залив, корабли в гавани, казармы и бастионы крепости. В цемент высоких каменных заборов воткнуты осколки битого бутылочного стекла. Такая «оборона» кажется особенно смешной рядом с оружейными стволами, горчащими и; амбразур, и огромным бетонированным полем военного аэродрома.

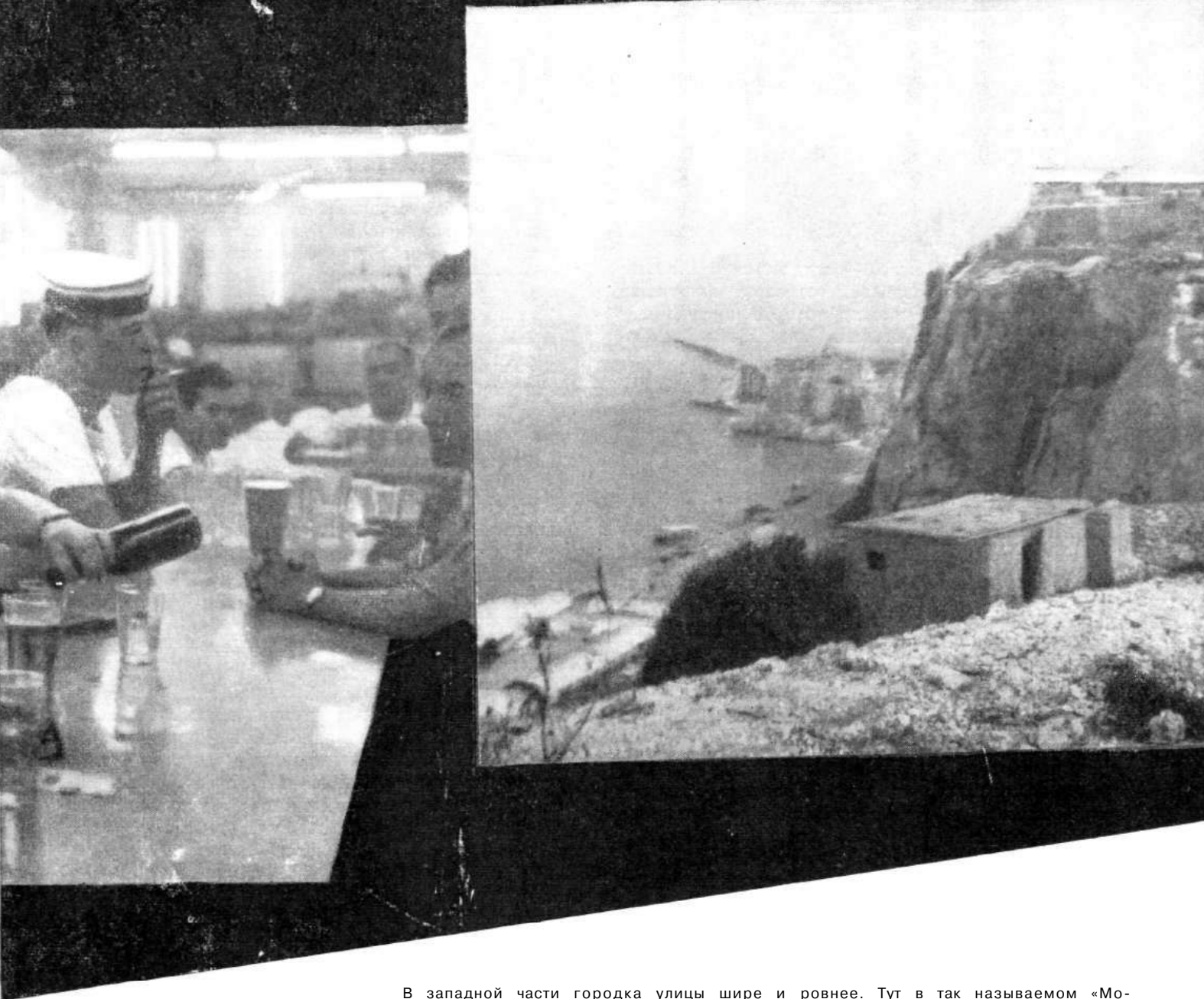

ГИБРАЛТАРА

Спускаемся вниз. Полдень. Жарко. Поубавилось людей на улицах. Закрылись магазины. Только вот этот неунывающий старик продолжает свою торговлю «счастьем». Но и на лотерейные билеты сейчас мало охотников. Куда больше народу у стоек маленьких баров. В такую жару приятно выпить бутылочку прохладительного напитка.

Мы бродим по городу. Здесь мало новых больших домов. Для Гибралтара типичны двух-трехэтажные домики. Да и невыгодно вкладывать в строительство деньги: в любой момент этот участок земли губернатор города может отдать в распоряжение военных. И это совсем не сложно, если учесть, что губернатор и командующий гибралтарским гарнизоном одно и то же лицо.

В западной части городка улицы шире и ровнее. Тут в так называемом «Монастыре» и находится резиденция «всесильного» губернатора. В прошлом это действительно старинный францисканский монастырь.

...Короткие сумерки быстро сменяются темной южной ночью. Кое-где вспыхивают огни неоновых реклам. Железные жалюзи опускаются на витринах магазинов. Окончен рабочий день. Группы испанских батраков бредут к границе. Над их головами со свистом проносятся реактивные истребители. На Мейн-стрит этого свиста не слышно. Из раскрытых дверей дансингов и баров слышатся то звуки джаза, а то перезвон испанской гитары, и грустный напев ее прерывает порой пьяный гогот солдат.

Мы отправляемся домой, на корабль. Черная вода плещется о борта шлюпки. Ожерелье звезд зажгла ночь над Гибралтарской скалой. Тишина и мир вокруг.

Но там же, над скалой, горят и другие звезды: красные сигнальные фонари на верхушках радиомачт, словно красный светофор зажжен тишине и миру. И хотя знаешь, что крепость эта живет уже больше тысячи лет, невольно думаешь о том времени, когда она отживет свой срок, как и все другие военные крепости.

Л. РОГОВ

Фото автора

Это не так уж сложно — спуститься с аквалангом под лед. Вначале вы надеваете шерстяное белье, потом — гидрокостюм, который в сочетании с ластами делает вас похожим на лягушку, навьючиваете баллоны, выбираете полынью — и в воду. Погрузившись, старайтесь не думать о том, что над вами толща зеленоватого льда и что в баллонах может иссякнуть воздух. От волнения вы начнете дышать чаще, усиленно расходуя запас воздуха. Думайте, что над вами колышутся теплые волны. Не теряйтесь и в том случае, если окажется, что вы потеряли свою полынью — спасительное окно в мир воздуха и света...

Мы, спускаясь под лед, старались следовать всем этим советам, и, надо сказать, получалось неплохо. Особенно если учесть, что работать приходилось за Полярным кругом и температура воды подо льдом в соответствии с известными законами физики не превышала одного градуса тепла.

Тепла?.. Возможно, для теоретика показания ртутного столбика, поднимающегося чуть выше нуля, и называются теплом, но у нас, аквалангистов, ломило зубы от этого тепла, а судороги порой сводили тело. Впрочем, рабочее бодрое настроение никогда не покидало нашу группу.

В мае в Кандалакшском заливе Белого моря начинается нерест беломорской сельди. При каких условиях происходит нерест? Кто из хищников уничтожает икринки и саму сельдь? Велика ли плотность икры непосредственно после нереста? Для того чтобы ответить на эти вопросы, крайне интересующие промысловиков, сотрудники Карельского филиала Академии наук СССР пригласили нас, спортсменов-аквалангистов Московского высшего технического училища имени Баумана, на берег Белого моря.

Разумеется, мы никак не могли обойтись без киноаппарата. Научную работу надо было подкрепить живыми иллюстрациями. Собственно говоря, съемки подводного фильма мы считали своей первой задачей.

Мы плавали по двое. Так было безопаснее. Первое время рыба пугалась нас: неведомый друг внушал ей больше страха, чем знакомый враг. Но

постепенно она привыкла и потом не обращала на аквалангистов внимания.

Вскоре мы увидели, как мечет икру беломорская сельдь. Рыба устраивает в воде какую-то невообразимую оргию, как бы приветствуя стремительной пляской весну и солнце. Косяк то рассыпается, то собирается, кружась почти на одном месте. После того как стая переместится, долго висит в воде оставшееся серебристое облако чешуи и блестящих, как янтарный бисер, икринок. Икринки, спускаясь на дно, оседают на нитях zostеры — подводной травы, напоминающей луговую осоку. Одна икринка прилипает к другой — и словно распускается на стебле оранжевый цветок.

Конечно, снимать под водой, тем более в условиях холодного Белого моря, не просто. Негнушимися от холода пальцами операторы заводили аппарат... Для перезарядки нашей «кинопушки» то и дело приходилось подниматься на лед, на пронизывающий ветер. Нередко подводило нас и освещение — солнечные лучи с трудом пробивали ледовый покров.

Но, несмотря на все трудности, нашей группе удалось отснять подводный фильм в две тысячи метров!

Мы обследовали все уголки нерестилища близ мыса Левин Наволок, нанесли на карту гроты и расщелины, подводные долины и утесы. Чтобы узнать плотность икры на дне, приходилось отмерять площадку в квадратный метр и поднимать на поверхность верхний слой ила вместе с растительностью. На одном метре мы насчитывали по 600—800 тысяч крохотных, вдвое меньше конопляного зерна, шариков. Иногда счет доходил до миллиона!

Если бы из каждой икринки вырос малек! Но в море очень много любителей икры — как, впрочем, и на суше... Икрою сельди лакомятся крабы, бычки, камбала, треска, да и самцы самой сельди. А стоит мальку появиться на свет — ему уготована жизнь, полная тревог и опасностей. Вот мы и присматривались к этим опасностям — возможно, в будущем ихтиологи смогут как-то обеспечить «охрану» сельди во время нереста.

Один из аквалангистов, Саша Гневко, был свидетелем подводной драмы. Он плыл за косяком отнерестившейся сельди. Косяк, ведомый сильными и опытными вожаками, ловко обошел рыбацью сеть и спокойно направился вдоль берега к морю. Вдруг в гущу сельди молнией врезалась крупная

треска. Косак не ожидал нападения и рассыпался. Треска металась, как волк в отаре овец, пожирая одну селедку за другой. Разгоряченная кровавым похмельем, хищница не заметила быстро приближающегося аквалангиста. Она увидела его в последний момент и метнулась прочь. Но стрела подводного ружья нагнала ее.

С добычей...

Плавая под водой, мы видели, как за нами внимательно наблюдали товарищи.

Александр отыскал во льду полынью и вынырнул на поверхность со своей добычей. В желудке трески мы обнаружили двадцать селедочек, погибших за какую-то минуту.

Обычно сельдь сплывает в плотную монолитную массу — тогда ей не так страшно нападение подводных хищников. Инстинкт самосохранения по-разному проявляется у каждого из жителей моря. Мы видели «харакири», к которо-

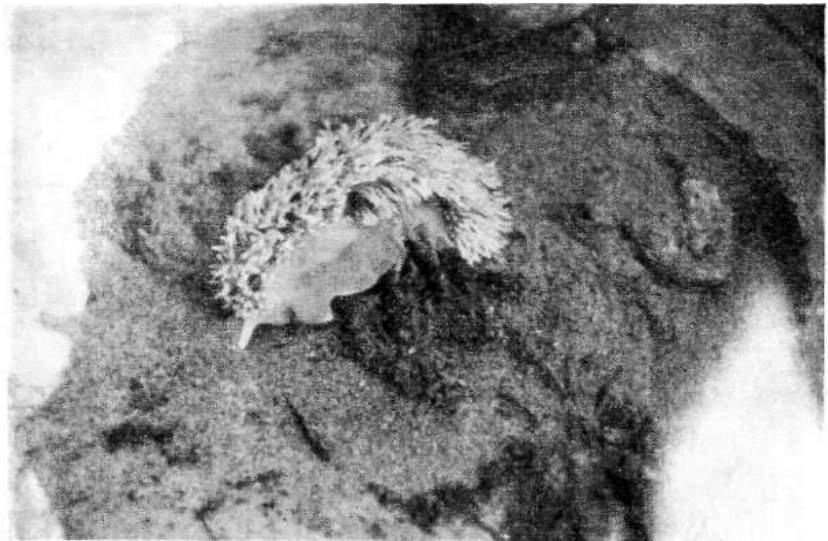
Чтобы добраться до нерестилища, приходилось совершать и такие путешествия...

му прибегает голотурия — беломорский трепанг. Чтобы сохранить жизнь в момент сильной опасности, голотурия калечит себя, выбрасывая внутренности. Хищник пожирает их, а изможденная голотурия остается жить. Вскоре она восстанавливает утраченные органы пищеварения. Потрясающая способность регенерации!

День проходил за днем. Лед крошился под ногами, и мы уже на берегу надевали маски, готовые сразу же уйти в воду, если провалится под ластами шаткий голубой настил. Недели через две после нереста мы стали замечать в икринках маленькие черные точки. Это зарождалась жизнь малька. Крохотные точки — его глаза, которые, начиная с этого момента, должны зорко различать тысячу опасностей.

Заканчивалась программа наших наблюдений. Благодаря аквалангу мы стали свидетелями нереста беломорской сельди. Ученые получили от нас дневники, фотографии и подводный фильм...

Голотурия успокоилась — теперь можно и заснять ее.

Морскую звезду легко поймать и рукой. Гораздо труднее взять на прицеп пугливую треску.

Одна за другой оседают икринки на стеблях zostеры, и кажется, что на дне моря распускается причудливый оранжевый цветок.

Толща льда едва пропускает солнечные лучи, деревенеют от холода руки, и все же съемки фильма о жизни обитателей Белого моря идут непрерывно.

ПРИШЛА ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ...

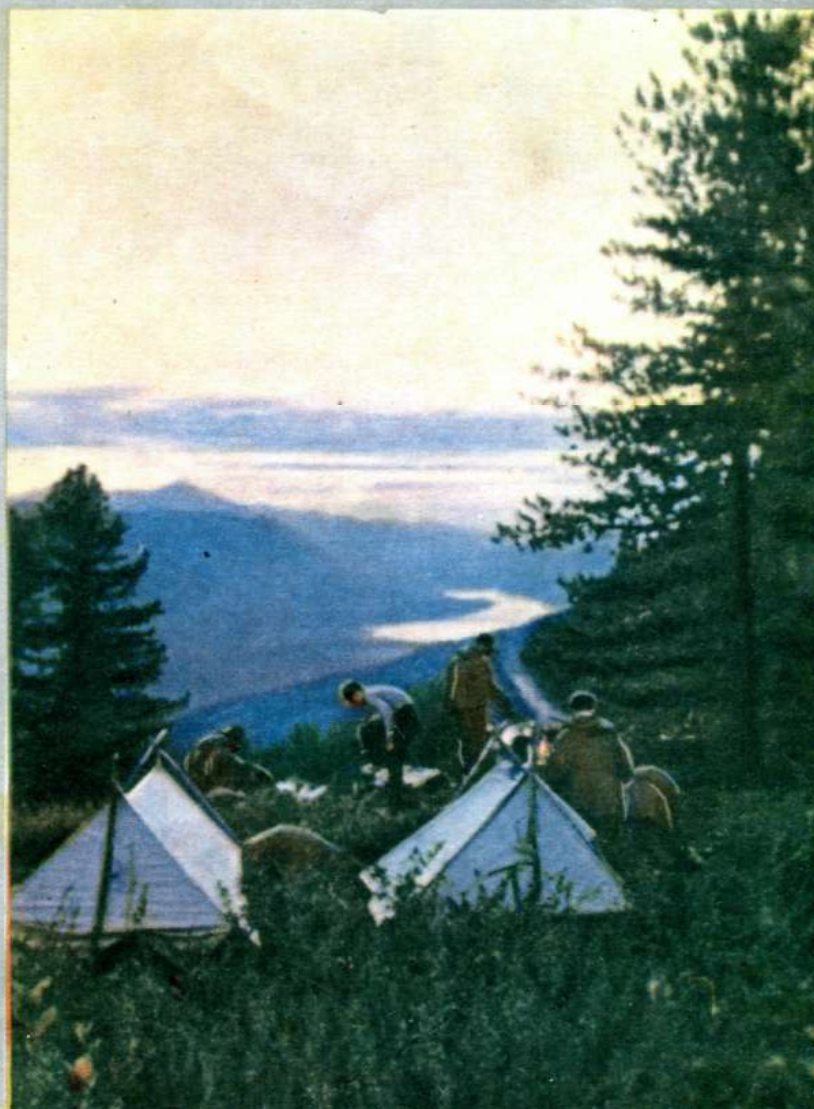
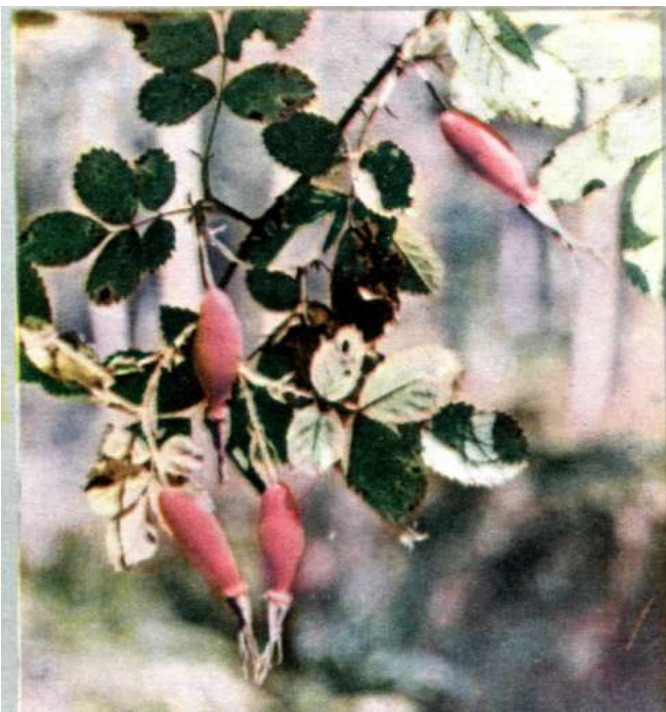
Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Когда в перелесках словно вспыхивают тихие бездымные пожары и трава просыпается в серебристом инее, когда еще тепло, но в этом тепле уже есть предчувствие первых заморозков, — это значит пришла осень.

Златокудрая чародейка взмахивает мокрым плащом из дождя и тумана — и из-под прошлогодней листвы появляются шляпки грибов, ударяет легким морозцем — и наливаются сладким соком литые ягоды шиповника.

Осень — это праздник урожая. Люди пожинают плоды своих трудов на полях и в садах, собирают дары природы в лесу. Не отстают от них и обитатели леса. Они неумолимо пополняют свои продовольственные запасы на зиму.

Хороша осень и своими красками. Посмотрите, в какой замечательный убор нарядила она березки. Березки радуются и не замечают, как недолговечен этот убор, как осыпается он весь до последнего листочка. Пройдет немного времени, налетит холодный северный ветер, подхватит и унесет прочь золотистые листья. Но березкам еще долго будет сниться чудесное время осеннего праздника.

Хижины племени бари.

Временами в пепельном мареве вспыхивали исполинские желтые фонари и слышался оглушительный треск.

Фото Н. ДРАЧИНСКОГО

На берегу Голубого Нила раскинулось становище скотоводов.

Африка! Африка!

Главы из книги

НИКОЛАЙ ДРАЧИНСКИЙ

Рисунки П. Павлинова

ГРОЗА

Плыть на пароходе всегда приятно, по реке — особенно. Близкие берега — движущиеся картины, одна сменяет другую. Но чем дальше мы уходили от Малакаля, тем однообразнее становились эти картины. Недостатка в ярких красках не было, но пейзажи становились все более пустынными. Почти исчезли деревни по берегам, вместо пышных деревьев теперь виднелись лишь редкие одинокие деревца с жидкой кроной и сильно искривленными стволами. Зато густые заросли папируса и тростника, как море, разлились по сторонам до самого горизонта. Мы приближались к Седд — области великих болот африканского континента.

Мы с учителем сидим на раскладных стульчиках, в тени навеса на верхней палубе. Отсюда далеко видна вся однообразная округа, залитая ярким светом.

Учителя зовут Абдель Манейм Аббас Сабхи. Его отец — купец родом из Донголы, а мать — из племени динка. Сабхи родился на юге. Еще ребенком он много путешествовал с отцом, который совершал частые поездки по деревням.

— История этих мест еще никем серьезно не изучалась, — говорит Сабхи. — Европейцы знают только историю колониальных захватов этой страны. А живущие здесь народы служат им лишь молчаливым декоративным фоном, на котором разыгрывалось соперничество империалистов. После вторичного завоевания Судана англичане не пускали сюда даже ученых-исследователей. Почти все книги, написанные о южном Судане, относятся к прошлому столетию. А новые книги — это записки

вышедших в отставку колониальных чиновников. Они правили здесь огнем и мечом и в книгах, естественно, оправдывали свои действия.

Я не могу понять, почему британские колониальные чиновники так ревностно старались удерживать людей в отсталости, умышленно отрезав их от всего мира, — продолжал учитель. — Ведь соседние колонии — Уганда, Бельгийское Конго, Французская Экваториальная Африка — все же больше продвинулись в своем развитии, чем южный Судан.

Этот вопрос меня самого интересовал. Над отсталыми людьми легче властвовать, держать их в покорности. Это бесспорно. Но ведь колонизаторы, извлекавшие не малую для себя выгоду из южного Судана, могли получать и большую. Они грабили лишь то, что лежало под ногами, на поверхности, но не развивали экономические ресурсы района. Почему?

Ответ на этот вопрос я нашел в работах В. И. Ленина. Ильич писал:

«Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники...» И далее: «Как тресты капитализируют свое имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподделенного мира или за передел кусков, уже разделенных»

Южный Судан был для империалистов колонией, захваченной впрок, на будущее. На севере, в провинции Гезира, они расширили плантации хлопка — сырья, необходимого для своих текстильных предприятий. Проложили железную дорогу, связывающую Гезиру с Порт-Суданом на Красном море, чтобы вывозить хлопок. Проложили дорогу до Эль-Обейда, чтобы выкачать из провинций Дарфур и Кардофан продукты животноводства и знаменитую «арабийскую камедь» — гуммиарабик. А на юге не обнаружили запасов дешевого и нужного сырья: здесь не было ни рудников, ни алмазных россыпей. Пока хватало там, где дешево. И только в самое последнее время дошла очередь и до южного Судана: колониальные власти сделали попытки культивировать здесь хлопок. Но вскоре им пришлось убраться отсюда навсегда.

— Я уверовал в китайскую мудрость! — объявил распавшийся Филиппе, розовый, распаренный.

Он очень страдал от жары и через каждые пятнадцать минут бегал принимать душ. Я посоветовал ему способ, который применяют китайцы: купаться в горячей воде и пить обжигающий чай.

— Удивительно легко дышать! Видели что-нибудь интересное на берегу, синьоре?

— Нет. Пустынно.

— Все эти места заливают вода. Теперь до самого Адока мы не увидим ни одной деревни, — пояснил учитель.

— Как не увидим! А вон, смотрите!

Вдали за излучиной виднелся дымок и какие-то шалаши, похожие на большие кучи жердей, поставленных вертикально, тонкими концами кверху.

— Это не деревня, — сказал учитель, — это временный лагерь скотоводов. Здесь уже земли динка.

Пароход медленно приближался к лагерю. Все население: мужчины, женщины и дети, бросив свои занятия, выбежали навстречу пароходу. Они что-то кричали, жестикулировали.

Мужчины были густо измазаны пеплом. Женщины, очень красиво сложенные, стройные, высокие, с длинными ногами и тонкими талиями, с кожей, смазанной жиром, на солнце казались изваяниями из сверкающего черного мрамора. Несколькими рядами бус, белых, красных и зеленых, подобно воротнику, обнимали шею; на запястьях и у щиколоток — по несколько медных колец. Пояс и маленький фартучек из кожи лани, окрашенной в красный или желтый цвет, довершали их наряд. Одежда мужчин ограничивалась лишь тонким, из одной нитки бус, пояском на бедрах.

Учитель продолжал рассказывать. К январю трава в саванне становится сухой и желтой; пересыхают воды — временные реки, несущие

Окончание. См № 7—9.

В. И. Ленин, Соч., г. 22, стр. 248 - 249.

дождевую воду; истощаются запасы воды и в примитивных водохранилищах — запрудах. Тогда специальный вождь, именуемый «владыкой скота», дает сигнал к перегону стада на летние пастбища, к дальним водоемам. У динка и нуэров есть несколько вождей. Главный из них — «владыка земли», он — глава земледелия, судья в спорах за уголья и

пашни. Личности его приписываются различные магические свойства: способность вступать в общение с духами, повышать плодородие почвы, вызывать дождь и т. д. Второй — «владыка скота». Он вроде главного «зоотехника»: выбирает пастбища, следит за состоянием стада всего племени, лечит больных животных травами, а также заклинаниями. Третий — «вождь копья» — возглавляет коллективную охоту и военные действия против соседей или колонизаторов.

«Владыка скота» выбирает маршрут движения стада, указывает источники воды, близ которых нужно делать остановки. Лагерная жизнь не очень отличается от обычной деревенской. На месте стоянки, как правило, сооружается лишь несколько легких хижин для женщин. Мужчины спят под открытым небом, постелью им служит теплая зола угасших костров. Часто они отправляются на охоту, рыбачат. Женщины делают сыр и масло из коровьего молока.

Вскоре показался еще один лагерь. Здесь мы увидели такую сцену. Группа женщин стояла на берегу и смотрела на пароход. Какой-то мужчина, голубой от пепла, быстро побежал к берегу, очевидно хотел поближе посмотреть на пароход. Но едва он приблизился к женщинам, как те закричали, заулюлюкали, замахали на него руками. Человек опротивело кинулся прочь. Это нам показалось странным, так как другие мужчины стояли рядом и хохотали вместе с женщинами. Лишь одна из них, пожилая, присела на корточки, спрятавшись за подруг.

— Что там произошло? — спросил Филиппе

— Я думаю, этот человек увидел мать жены! — рассмеялся учитель.

— Ну и что?

— У динка есть такой обычай, — рассказывал учитель, — мужчина поступает хорошо, если никогда не встречается со своей тещей. А если он увидит ее обнаженной, то должен заплатить штраф скотом или пивом. Избегнуть такой встречи довольно трудно, поскольку в дальних деревнях почти никто не носит одежды.

Учитель не знал или не хотел сказать, в чем заключался смысл этого обычая, и взамен сообщил некото-

ными потоками, не успевая стекать в реку. Мы побежали в каюту и на всякий случай повыше подняли с пола свои пожитки и поступили правильно, так как буквально через несколько минут в каюту натекла большая лужа.

Казалось удивительным, что вода еще не вытеснила весь воздух и было чем дышать. Стало почти темно, временами в пепельном мареве вспыхивали исполинские желтые фонари и слышался оглушительный треск, будто ломалось пополам исполинское сухое дерево. Пароход вздрагивал и стонал.

рые подробности брачных отношений у динка. Молодая вдова переходит к брату мужа или другому близкому его родственнику. Дети рождаются во имя умершего мужа, наследуют его имя и имущество, даже если они появились на свет спустя десятилетия. Этот обычай называется «свадьбой духа». Даже если человек умирает холостяком, его друг или родственник должен взять жену от его имени, помимо своей жены, и продолжить его род.

Мы приближались к следующему лагерю, как вдруг все померкло, будто выключили свет. Тяжелые тучи незаметно подкрались сзади, закрыли солнце, и тотчас крупные капли покрыли рябью речную гладь, забарабанили по крыше.

В лагере на берегу замычали коровы, заскулили собаки. Люди, животные, хижины, которые были метрах в двадцати от нас, быстро таили, растворялись в каком-то сером мареве и вскоре скрылись совсем, лишь мычание доносилось оттуда.

Пароход остановился. Матросы бегали по палубам, опускали брезенты, но вода неистово хлестала в щели, бурлила под ногами обиль-

Филиппо сидел с ногами на скамейке и рассуждал:

— Вы когда-нибудь видели такой фантастический ливень? Я тоже не видел. Вы знаете, сейчас я себя совсем не чувствую царем природы. Мне хочется набрать в рот воды и смиренно сидеть на корточках. Когда начался дождь и вы убежали что-то фотографировать, учитель рассказал мне, что во время сильной грозы туземцы набирают в рот воды и садятся на корточки. Это якобы предохраняет их от злых духов, поражающих молниями. Представьте себе тех людей на берегу. Глядя на эту сумасшедшую стихию, очень легко поверить в любых духов.

Стало светлеть, ливень ослабевал, уже вырисовались мутные контуры берега. Пароход протяжно загудел и медленно двинулся вперед.

ОЗЕРО НО

— Бахред Но, мистер! — бросил на ходу по-арабски шкипер Осман Беляль, улыбчивый человек с черными усами, проходя мимо нашей каюты.

Мы с Филиппо привели в порядок каюту после ливня и вышли на па-

лубу, Впереди, в зеленой раме пышной болотной растительности, лежало озеро Но. Двама рукавами из него вытекал Белый Нил. Одинокий челнок поспешно спрятался за островок, укрываясь от проходящего парохода, который через несколько минут вошел в озеро. Здесь кончается Белый Нил.

Великая африканская река на территории Судана трижды меняет свое название. От озера Альберта до озера Но ее именуют Бахр-эль-Джебель. Отсюда до Хартума, где она сливается с Голубым Нилом, река называется Белый Нил, или Бахр-эль-Абад. А за Хартумом течет просто Нил, или Главный Нил.

С верхней палубы далеко видна однообразная зеленая равнина с многочисленными окнами небольших озер, проток, рукавов.

— Бахр-эль-Газаль, — сказал шкипер, указывая на один из многих рукавов, уходящих из озера. Этот крупнейший на юге приток Белого Нила неопытному глазу совершенно невозможно было отличить среди путаницы водных дорог, расходящихся от озера.

Пароход, шедший в западном направлении, резко свернул на юг и вошел в неширокую протоку.

— Бахр-эль-Джебель, — пояснил шкипер.

Вокруг была беспредельная равнина, и название Бахр-эль-Джебель — «Река гор» — казалось очень странным. Не было видно никаких навигационных знаков, и мы поразились тому, как шкипер среди этого хитросплетения рукавов, проток и маленьких озер уверенно и точно ведет судно, не пользуясь никакими картами.

Шкиперов два, оба арабы, выходцы из Египта. Мохаммед Тага Ибрагим — толстый, сосредоточенный и неразговорчивый. Осман Беляль — высокий, поджарый, с его лица никогда не исчезает улыбка, и веселые звездочки неизменно горят в глубоких черных зрачках.

Шкиперы живут в соседней каюте. Несколько раз в день Осман стелет на палубе циновку, снимает башмаки и творит молитву, обратив лицо на север, к священной Мекке.

Рулевая рубка несколько реконструирована на восточный лад. От переднего окна к стенке на уровне груди укреплена широкая доска. Шкипер, который по-арабски называется «беш-бахари», сидит на ней, подогнув по-восточному ноги, и дает распоряжения матросу у штурвала. Только на очень трудных участках беш-бахари сам становится к рулевому колесу.

Вот и сейчас Осман сидит с ногами на своей полке и обзревает в широкие окна всю округу в три стороны. Уже двадцать второй год плавает он в верховьях Нила, на память знает здесь каждый островок, отмель, каждую извилину берега.

По обеим сторонам реки до самого горизонта — буйные заросли папируса. Ни деревьев, ни кустика. Папирус, папирус, папирус...

Это любопытное растение ассоциируется в нашем воображении с Египтом, где папирус был эмблемой древних фараонов, тогда он в изобилии рос по берегам Нила. Теперь в Египте вы можете увидеть папирус лишь в ботаническом саду да в небольшом скверике перед зданием национального музея в Каире. В стране пирамид он уже давно исчез с берегов великой реки вместе с гиппопотами и крокодилами. Узкая полоска нильской долины среди мертвых пустынь в Египте заселена так густо, что каждый клочок земли здесь на вес золота. Хлопок давно вытеснил здесь папирус.

Там зверю немисливо выйти из воды, чтобы тотчас не натолкнуться на человека, его жилище, его пашню. И теперь изображения нильских зверей и папируса мы видим разве только на фресках древнейших гробниц фараонов в Луксоре.

Но здесь, в южном Судане, заросли папируса занимают огромные площади. Это отличное сырье для

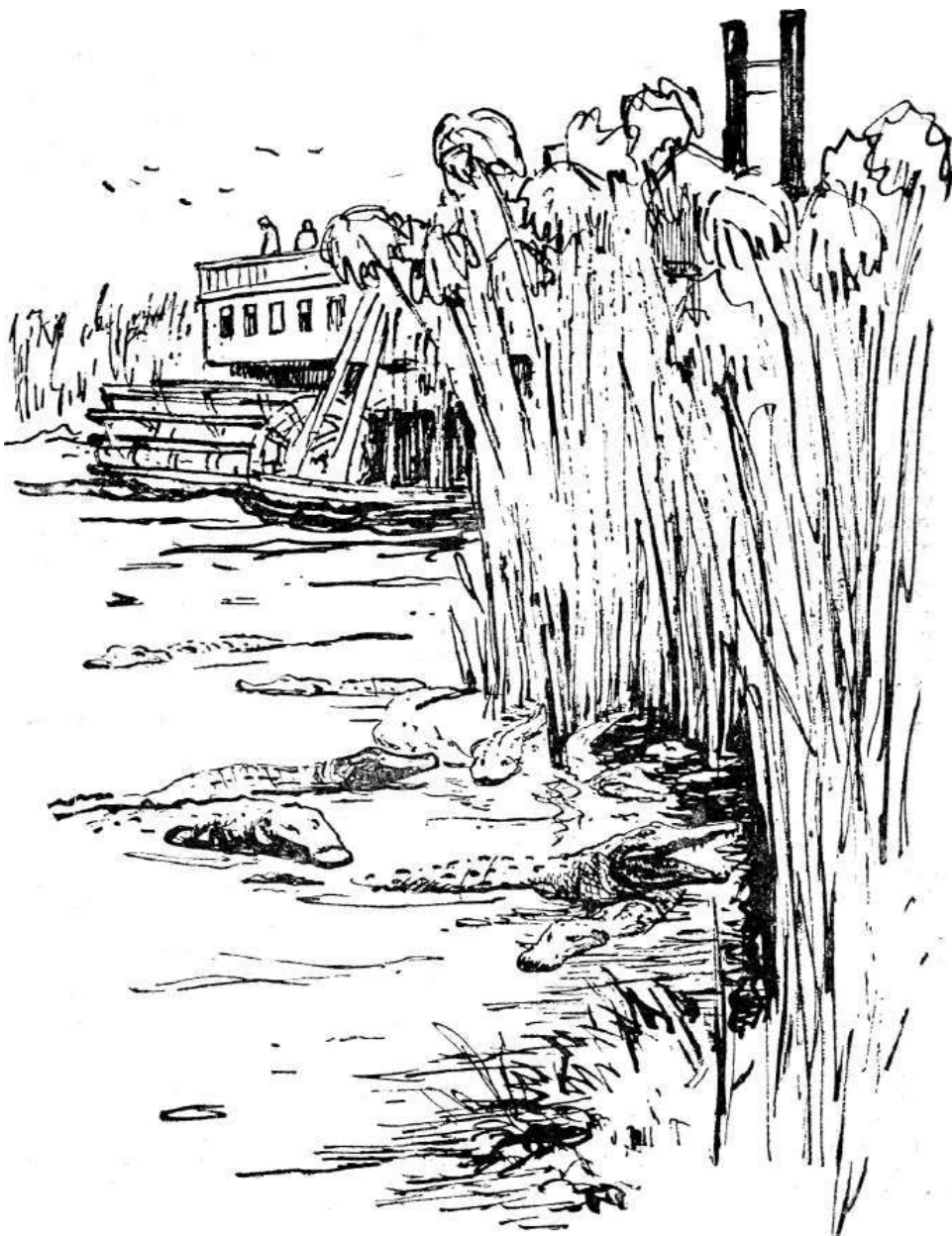
бумажной промышленности. В Малакале губернатор Халиль Мохаммед Сабир говорил мне, что некая иностранная фирма (которую он по каким-то соображениям не хотел назвать) проявляет большой интерес к папирусу и предполагает получить здесь концессию на производство бумаги.

Папирус растет очень густо. Прямо из воды поднимаются его ровные голые трехгранные, высотой метра в четыре, стволы с пышным перистым султаном на верхушке и покрывают все пространство вокруг. Лишь изредка поблескивают мутные зеркала озер.

На белесой глади одного из таких озер неподвижно лежали какие-то черные предметы. Мы долго не могли понять, что это такое, пока Филиппо не принес бинокль.

— Кокодрилло! — объявил он итальянски.

Действительно, в бинокль были хорошо видны крокодилы, неподвижно лежавшие на воде. Я насчитал их одиннадцать. Осман дважды потянул

рукоятку гудка, но звук сирены не произвел на ящеров никакого впечатления: они продолжали лежать в сонной болотной неподвижности. Там была их вотчина, там они чувствовали себя в полной безопасности. Зато когда мы замечали крокодила на реке, он, еще издали заслышав пароход, поспешно скрывался в волнах.

* * *

Путешествие стало удручающе однообразным. Если не считать неба, реки и парохода, мы видели лишь папирус, бегемотов и птиц. Два два мы видели, как горел папирус, очевидно подожженный молнией. Над рекой слоились голубые дымы, огонь был незаметен.

Пять дней прошло с тех пор, как мы покинули озеро Но и вошли в область Сёдд — страну великих африканских болот. На тысячи квадратных километров вокруг раскинулись непролазные топи, поросшие папирусом, тростником умм-суф амбачем. Особенно много папируса.

Во многих районах этой загадочной страны Сёдд еще не ступала нога географа-исследователя.

Долгое время гидрологов, изучавших проблемы орошения в Египте и Судане, смущало странное поведение Белого Нила. Когда пройдут могучие тропические ливни, на реках начинается паводок. Голубой Нил выходит из берегов, вспучивает Главный Нил, который течет через пустыни, где почти никогда не бывает осадков; колоссальные массы красноватой мутной воды устремляются к Средиземному морю. Затем Голубой Нил быстро мелеет.

На Белом Ниле тоже бывают паводки, но гораздо меньших размеров. Здесь не бывает таких грандиозных колебаний уровня реки, как на Голубом, сток его более плавный и «регулярный». Кроме того, гидрологи подсчитали, что Белый Нил, собирающий влагу с огромного бассейна Экваториальной Африки, должен был давать значительно больше воды, чем ее приходит к Главному (Нилу). Куда девается вода и что за механизм регулирует сток?

Загадка разрешилась, когда гидрологи проникли в область Сёдд. В период дождей, когда начинается паводок, Нил заливает здесь необозримые пространства, болота превращаются в озера. Область Сёдд подобно губке впитывает в себя воды, а затем из этих набухших болот влага медленно в течение всего года сочится назад, в реку. Много воды выпаривает знойное солнце. Как миллиарды крошечных насосов, ее всасывают также капилляры буйной, жадной болотной растительности.

Так бесполезно гибнет здесь драгоценная влага, по которой тоскует знойная земля Судана и Египта, вода, с которой связано благополучие народов и развитие экономики этих стран.

В Малакале уже много лет существует гидрологическая станция.

Здесь изучают сток Белого Нила и особенное внимание уделяют области Сёдд. Главный инженер станции, воспитанник Каирского университета, Атеф Абдель-хамид Садек подвел меня к большой карте области Сёдд, висевшей у него на стене, и, указав на жирные линии, пересекавшие карту, сказал:

— Здесь показаны различные проекты, как уберечь нильскую воду от исчезновения в болотах. Проектов более десятка, — рассказывал инженер. — В одном из них намечается построить дамбы вдоль Бахр-эль-Джебеля, но это очень дорого. Другие предлагают прорыть большие каналы в обход болот, что стоит дешевле, но нужно выбрать наиболее рациональный маршрут.

...Мы уже шесть дней пересекаем страну болот и соскучились по человеческому жилью. Впрочем, за это время мы замечали людей раза три или четыре. То вдруг челнок покажется из-за излучины и углвио скроется в протоке, то одинокая черная фигура осторожно раздвинет тростник, посмотрит на пароход и скроется в кустах.

Чем здесь живут люди? Мы ни разу не видели ни деревень, ни отдельных хижин. Наверное, среди этих беспредельных болот, проток и озер все же есть острова твердой, сухой земли. Об этом же говорили и небольшие группы деревьев, которые, правда, очень редко, но все же иногда виднелись вдали, у самого горизонта.

Конечно, нам надоело многодневное однообразие, хотелось новых впечатлений. Но было бы несправедливо назвать эти места скучными и неинтересными. Сколько здесь великолепных птиц!

Когда древние отважные землепроходцы добрались до Белого Нила более двух тысяч лет назад, они были поражены тучами птиц, которые летали над водами великой реки. «Эта страна покрыта тенью крыльев», — говорили они. Варварский огонь, превративший в пепел знаменитую Александрийскую библиотеку, навсегда лишил человечество описаний Белого Нила, которые хранились там.

Наверное, в те времена птиц было много больше, но и сейчас их обилие и разнообразие производят неизгладимое впечатление.

То и дело видишь огромные стаи белоснежных цапель. Как черные густые облака, перелетают какие-то птицы, похожие на наших грачей, но значительно крупнее. На отмелях обитают ватаги священных ибисов с тонкими длинными клювами и красными глазами. Парами бродят исполинские аисты, выскивая себе добычу в болотах. В реке плавают черно-зеленые змеешейки — птицы, которых хорошо характеризует их название.

Осман однажды показал нам на берегу очень редкую птицу. Он назвал ее по-арабски «абу-меркуб», что значит «башмак». Это была большая серая цапля с необычно-

венным клювом, похожим на арабский башмак с загнутым носком.

Плавающие растения — сёдды — временами скопляются огромными массами, создают запруды на реках и протоках, мешают продвижению судов. Известен случай, когда большая египетская экспедиция, пустившаяся на судах в плавание по Бахр-эль-Газалю, была отрезана мощными сёддами. Несколько сот человек, попавшихся в зеленую ловушку, погибли среди болот от голода и болезни или стали добычей хищников.

Осман рассказывал, что однажды ему довелось видеть леопарда, который стал пленником на таком острове-сёдде. Очевидно, зверь пришел попить, и, когда он лакал воду, плотная масса растений оторвалась от берега и поплыла по реке, как льдина. Хищника хотели поймать живьем, но он с такой яростью кидался на лодку, что пришлось пустить в дело карабин.

Сёдды все плывут и плывут навстречу пароходу, и кажется, что шелковая гладь реки искусно расшита пышными цветами.

Бегемотов масса. Эти болота — их родной дом. Они почти всегда попадают семействами по три-пять штук. Однажды утром Филипп за три часа насчитал сорок девять гиппопотамов.

Под вечер к нам в каюту приходит молчаливый матрос в чалме и белой длинной рубашке. Из насоса-пульверизаторе он брызгает едкий вонючий туман, и от него дохнет вся мелкая летучая живность. После этого мы уже не открываем окно и дверь, затянутые вместо стекол мелкими металлическими сетками, предпочитая духоту ужасным пыткам, которые учиняют по ночам москиты, Злые голодные маленькие кровопийцы, они кусаются преобильно, оставляя на теле белые зудящие бугорки.

Но с наступлением полной темноты мы непременно выходим полюбоваться «африканской иллюминацией», как говорит Филиппо. Скрытый в угольной ночи берег переливается мириадами желтых огоньков. Это крупные яркие светляки; они спуют, роятся, мигая желтыми глазами. Их так много, что все вокруг мерцает фосфорическим светом, струится нежным тихим огнем. Картина красивая, своеобразная и какая-то неправдоподобная.

ШАХМАТЫ

Да, я безнадежно проиграл Логгери партию в шахматы потому, что никак не мог сосредоточиться. Я все думал о тех поразительных контрастах, которыми полна эта удивительная земля. Здесь рядом стоят явления столь же разные, как черная кожа и белоснежная рубашка Логгери.

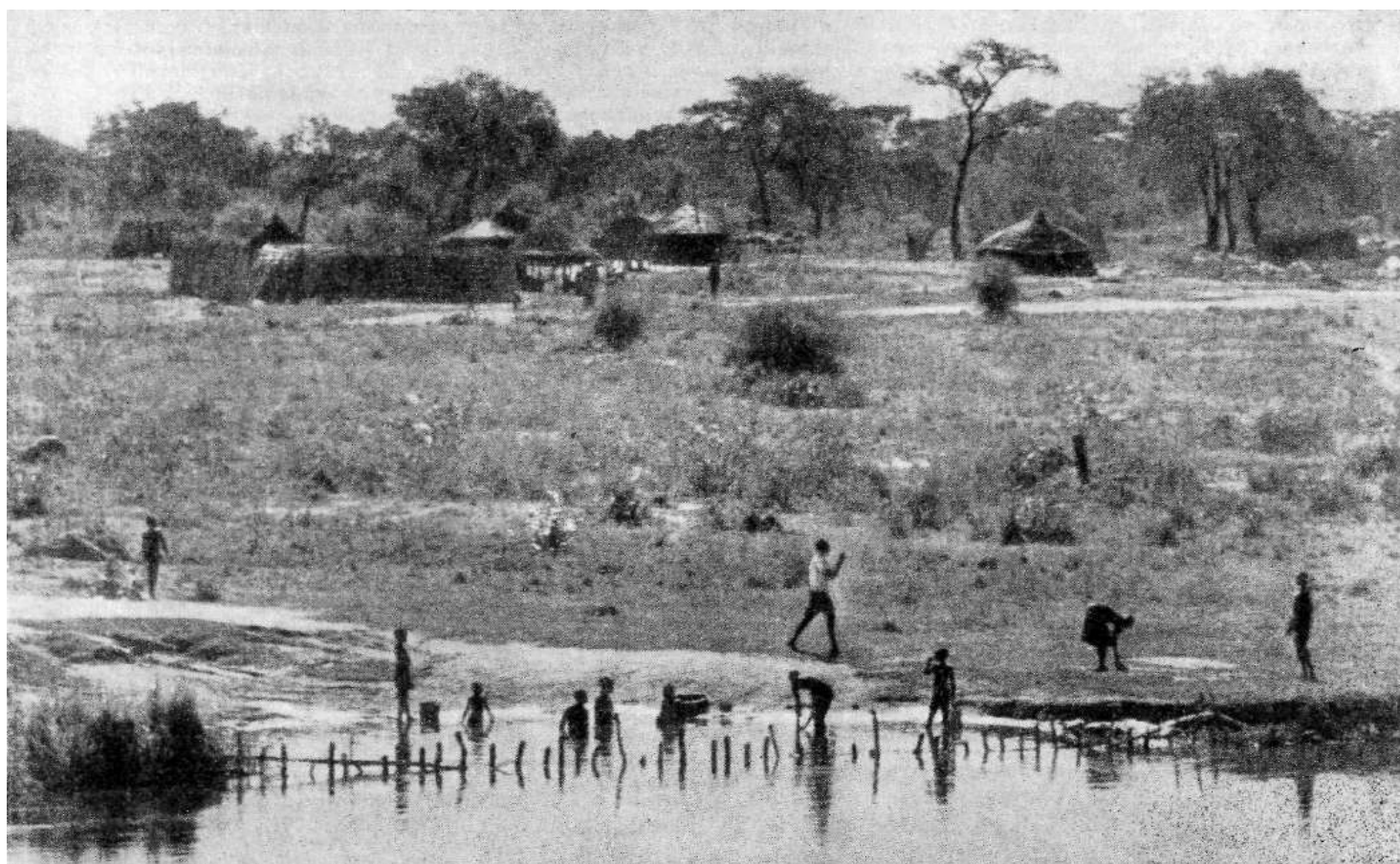
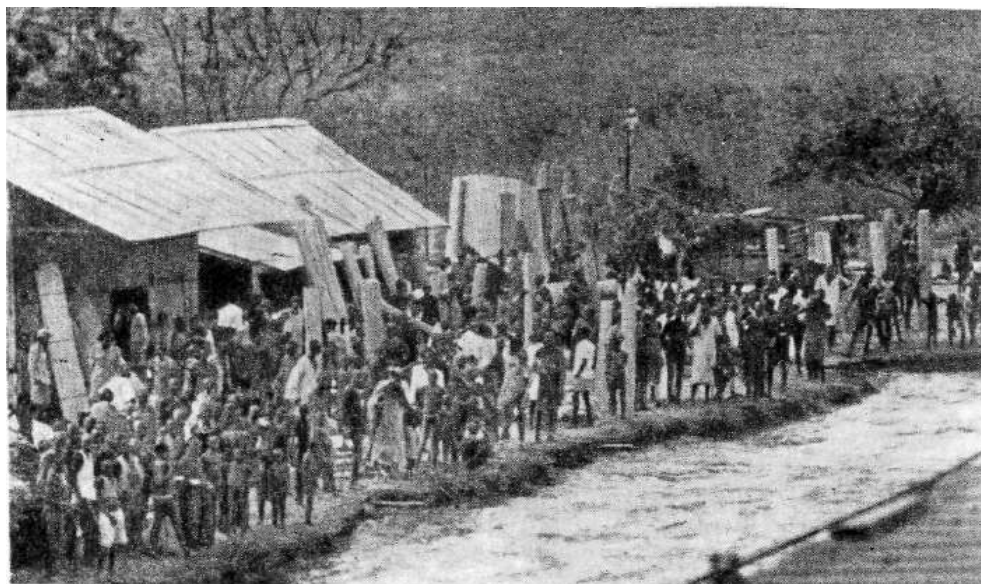
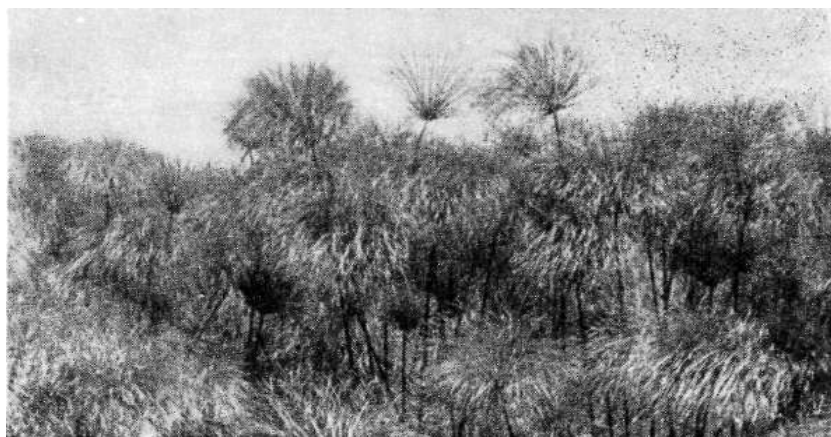
Рано утром и под вечер, когда еще не наступает или уже гаснет доменный жар тропического дня, мы с Филиппо выходим прогуляться на плоскую крышу соседней баржи. Сделать это очень просто, нужно

Зеленой стеной стоит папирус.

Пристань в Адоке.

*Только за этой загородкой
можно искупаться и набрать
воды, не рискуя угодить в пасть
крокодила.*

Фото Н. Драчинского

лишь перемахнуть через бортовые перила напротив нашей каюты. «Пошли на бульвар», — всякий раз говорит Филиппо. Осман Беляль мило стиво разрешает нам это небольшое нарушение пароходных правил. Однако требует, чтобы мы не подошли близко к краю: случится какой-либо толчок, и наверняка слетишь в воду.

Сегодня утром на крышу взобрались несколько студентов с шахматной доской. Они постелили небольшую циновку, расставили фигуры и стали играть. Я подсел к ним, предложил сразиться и выиграл без особого напряжения.

Тогда ребята стали кого-то звать на своем языке. Трое спустились вниз и вскоре явились с очень высоким, длинноруким молодым суданцем. Я догадался, что студенты, очевидно, призвали на помощь одного из сильнейших шахматистов. Он назвался Логири и сказал, что очень любит играть в шахматы.

Партия продолжалась долго, и хотя я победил, но с большим трудом. Логири хотел взять реванш за свое поражение, и мы условились продолжить наш турнир вечером, когда спадет жара.

После обеда Филиппо, побывавший в рулевой рубке, торжественно объявил:

— Синьор Осман говорит, что часа через два будет Адок. Мы сможем, наконец, погулять на берегу. Это была приятная перспектива.

Мы взглянули на баржи. Там студенты суетились, переодевались, чистили свои сандалии, натягивали пестрые носки, старательно причесывались, глядясь в маленькие зеркала. Их гребешки, похожие на зубчатую лопатку, были сделаны из крепчайшего эбенового дерева или слоновой кости. Только такими инструментами можно расчесать густую путаницу жестких курчавых волос. На корме парень проворно выдергивал волоски на затылке и висках товарища, придавая прическе европейский вид. Несколько человек собирались покинуть пароход и упаковывали свои пожитки.

Прошло, однако, не два, а добрых четыре часа, пока мы приблизились к Адоку. В это время года, перед началом дождливого периода, в реке самая низкая вода. Многочисленные мели, скопления болотной растительности, постоянно меняющийся фарватер — все это очень затрудняло движение судна.

И снова и снова нельзя было не подивиться, с какой уверенностью ведет лоцман громоздкий, облепленный баржами пароход, каким-то непостижимым чутьем на глаз определяя глубину, минуя все подводные препятствия.

Наконец мы увидели Адок и сразу разочаровались. Вместо большого селения на берегу стояли две постройки из гофрированного железа и лишь далеко-далеко едва виднелись верхушки многочисленных тукулей, как грибы с острыми шляпками.

Впервые после Малакаля на мостике появился капитан, которого здесь называют раис, что значит «большой начальник», «превосходительство». Помню, во время выступления Ансамбля народного танца СССР в Каире Моисеева назвали «раис баллей», и этот восточный титул весьма подошел Игорю Александровичу. Но в отличие от взыскательного и требовательного «его танцевального превосходительства» наш пароходный раис совершенно не вмешивался в управление судном и лишь на остановках появлялся на мостике с тощей палкой в руках. Сдав и приняв грузы, если таковые были, он отдыхал до следующей остановки.

Раис пояснил нам, что Адок стоит вдаль от реки на высоком сухом месте, а на берегу был лишь склад пароходной компании и лавка какого-то купца. Поглядев на мой фотоаппарат, капитан добавил, что фотографировать здесь запрещено. Нужно предварительно получить разрешение комиссара, тот выделит полицейского, и только в его сопровождении можно делать снимки. Местные жители не всегда понимают, зачем в них прицеливаются загадочным предметом, и могут перейти к активной самообороне.

Огорченный до крайности, я отнес фотоаппарат в каюту.

Прошло с четверть часа, прежде чем пароход окончательно примос-

тился к берегу. И все это время не прекращалась возбужденная гулкая перекличка пассажиров и встречающих, точно так же, как это бывает в таких случаях на Волге или Сене. Неширокую полосу твердой земли заполнила большая толпа нилотов. Среди черных обнаженных тел резко выделялось несколько белых рубашек — галабий. Высокие золотистые свитки, некоторые в два человеческих роста, торчали над головами людей. Жители Адока принесли для продажи свои циновки. В окрестностях растет отличный тростник, из которого здешние умельцы сплетают циновки такие прочные, что они даже не пропускают воду.

Едва мы сошли на берег, я тотчас потерял Филиппо в шумной, многоголосой толпе. Кроме циновок, здесь предлагали рыбу, змеиные шкуры, диких уток, сыр, завернутый в зеленые листья, какие-то плоды. Большинство, однако, пришло просто посмотреть.

Люди внешне ничем не отличались от жителей окрестностей Малакаля. Правда, здесь никто не носил матерчатых повязок. Кроме обычных украшений, женщины имели коротенькую юбочку из сухой шелестящей травы, похожей на мочало. Кроме коротких копий, мужчины здесь зачастую были вооружены еще луком и стрелами.

У склада стоял полицейский. Он был босой, но в обмотках, корот-

ких штанах и форменной рубашке. Черная шляпа с гигантскими полями и султаном страусовых перьев довершала его наряд. Он опирался на ружье, как на посох, и молчаливо следил за порядком. Вокруг гудела толпа, шныряли юркие ребяташки.

Я протолкался к магазину. В темном, без окон помещении, сооруженном из железных листов, было душно, как в печи, и пахло керосином. На полках и на полу лежали свертки дешевых тканей, веревки, наконецники копий, ящики, бочки. В углу лежали сухие панцирные шкуры крокодилов. Чтобы чем-то оправдать свое появление здесь, я попросил у хозяина коробку спичек и поспешно вышел на воздух. Присел на какой-то ящик, стал раскуривать трубку и невзначай взглянул на пеструю этикетку коробочки. Красивые восточные купола на желтом фоне, черный силуэт верблюда и пальмы. Под всем этим надпись по-английски: «Безопасные спички». А еще ниже и мельче: «Сделано в СССР».

Советские спички в Адоке! Как попали они сюда, в самую глухомань черного материка? Я смотрел на коробок, и смешанное чувство тоски и восторга овладело мной. Чем-то теплым, волнующим и родным повеяло от этих брусочков расщепленной сосны. И казалось, на ладони лежит молчаливый привет из далеких вологодских или сибирских лесов, привет от людей моей Отчизны, приславших сюда кусочек своего тепла. Спички. Огонь. Очаг. Тепло... Дым отечества! Да-да, когда постраствуешь по свету, познаешь всю меру его сладости. Грибоедов это знал, он много путешествовал.

Низкий голос, как мелодия виолончели, прервал мои размышления. Я поднял глаза от коробок и увидел, что передо мной стоит молодая женщина и что-то говорит на своем языке. Она застыла, скрестив ноги и уперев левую руку в бок, стройная, грациозная, как античная статуя. Несколько рядов белых, красных и зеленых бус образовали нечто вроде пелерины вокруг тонкой шеи. Ветерок развеивал шелковистую траву, что свисала бахромой с ее пояса.

Она снова повторила нечто мне непонятное и протянула ладонь. Я механически полез в карман. Попала какая-то мелкая монета, и я протянул ее женщине. Но та опустила руку.

На выручку подоспел продавец, который стоял в дверях лавки и наблюдал эту сцену.

— Нет, мистер. She want some salt, — сказал он по-английски и, выхватив у меня из руки монету, скрылся в магазине.

Он вернулся с комком соли. Но пока лавочник отвешивал соль, женщина скрылась в толпе. Я, не зная, что делать с этим приобретением, отдал соль стоявшему рядом маль-

чишке. Тот несказанно обрадовался, тут же стал лизать соль, как сахар и с криком убежал.

Ко мне снова подбежал парнишка, тот самый, которому я отдал соль. Он принес тупорылую пятнистую рыбину, подвязанную травой за жабры, и настойчиво совал ее мне. Только с помощью лавочника мне удалось ему кое-как объяснить, что мне не нужно за соль никакого вознаграждения и пусть она будет ему подарком. Взрослые, стоявшие вокруг, стали говорить мальчику что-то хорошее. Он смеялся и лизал соль.

Я отыскал Филиппо, и мы пошли вдоль берега к дороге, которая вела в деревню. Вдруг мы увидели Логири. Он стоял на дороге со свертком и двумя копьями, а к нему во всю мочь бежал какой-то человек. Вот они с разбегу кинулись в объятия, разошлись, как бы любя друг друга, и снова обнялись, хлопая ладонями по спинам. Потом незнакомец стал высоко подпрыгивать на одном месте, хлопая в ладоши. Одежды на нем никакой не было. Два пера в волосах, ожерелье из зубов зверей, большое кольцо из слоновой кости и тоненький пояс из бус на бедрах. К правой руке выше локтя привязан шелковистый хвост жирафы.

Логири передал ему копьё, которые в момент встречи бросил на землю. Его друг стал их тут же опробовать. Он прицеливался, балансировал, разгонялся, как бы намереваясь бросить копьё. И его движения напоминали танец. Взвыл гудок, мы заторопились на пароход и не видели конца этой сцены.

Вскоре пришел Логири и предложил возобновить шахматный турнир. Мы снова забралась на крышу баржи и стали играть. Филиппо пошел в рулевую рубку: он любил беседовать с Османом.

Примерно в середине партии игру прервали крики Филиппо:

— Смотрите, смотрите! Жирафы!

Я кинулся в каюту за фотоаппаратом, но, когда вернулся, увидел лишь смешно раскачивающиеся шеи убежавших жираф.

— Их, наверное, спугнул шум парохода?

— Возможно, — ответил Логири. — Но иногда они совершенно спокойно стоят на берегу и не обращают на пароход никакого внимания. Может быть, их спугнул хищник. Они боятся львов. Помните, у Киплинга есть блестящее описание поединка льва с жирафой?

Логири прочел несколько строк стиха о том, как хищник вскочил на круп жирафы и она мчится по саванне, неся рокового всадника.

— Вы любите Киплинга?

— Не очень. Мне больше нравится Байрон.

Мы разменялись конями, и я выиграл пешку.

— В Адоке вы встретили друга?

— Это мой брат. Он

живет здесь с прошлого года у дяди, — ответил Логири.

Он, очевидно, заметил удивление на моем лице и повторил:

— Когда мне было семь лет, меня взяли в школу в городе Вау, а Мальваль остался в деревне...

Я вспомнил, как час назад они стояли обнявшись, дети одной матери и такие не похожие. Один в тщательно отглаженном легком тропическом костюме, в пёстрых носках и сандалиях. Другой совершенно голый, украшенный бусами и перьями. Когда их руки переплелись в братском объятии, мне бросились в глаза две детали: часы с браслетом на руке одного и хвост жирафы на руке другого.

Казалось, их разделяют тысячи лет человеческой истории, ибо просто нелегко было соединить вместе танец с первобытным копьем и рассуждения о поэзии Байрона. Но братьев разделяли лишь десять лет школы.

— Ма! — объявил Логири и, улынувшись, добавил: — Вы, кажется, сейчас не в форме.

СЛОНЫ ПАСУТСЯ НА ТРАВКЕ

Слоны первыми известили, что наш бобур, наконец, покидает область болот и вступает в пределы твердой земли.

Осман Беляль показал на берег, на изломанные и втопанные в землю четырехметровые стебли папируса, на глубокие круглые дыры

Она хочет соли.

в мягкой почве и сказал, что здесь прошли слоны. Действительно, только африканские великаны могли оставить эти следы и учинить такое опустошение.

— Букра. Куль-кульо элфанте! — сказал шкипер, и это сочетание арабских и английских слов означало, что завтра будет много слонов.

Впрочем, он ошибся. Первого слона мы увидели сегодня вечером.

Осман, разостлав циновку близ нашей каюты и сняв башмаки, творил вечернюю молитву, а мы с Филиппо любовались удивительным вечерним небом Африки. Каждый день мы смотрим на закаты, на широкую гамму сочных, прозрачных, поминутно меняющихся тонов и не можем налюбоваться этим чудесным зрелищем. Это нельзя описать словами. Лишь художник, чувствующий и передающий цвета с силой Рериха, мог бы рассказать об этом своей кистью.

Вдруг Осман, почти не прерывая молитвы, крикнул нам: «Элефант!» — кивнул в сторону берега и продолжал отбивать поклоны.

Левый берег был покрыт высокой черной щетиной. Недавно здесь был пожар, сгорели метелки и мелкие стебли папируса, но крупные стволы лишь обуглились и торчали затолченными пиками. Мы сразу увидели слона. Огромный, черный, он шел к реке по погорелью, и его большие загнутые кверху клыки казались ослепительно белыми. Заслышав пароход, слон не повернул назад, а лишь остановился метрах в восьмидесяти от нас, пережидая, пока пройдет судно.

Мы побежали на корму. Когда пароход удалился, слон снова медленно пошел к реке, вскоре мы потеряли его из виду.

Все-таки это большое событие — впервые в жизни увидеть дикого африканского слона. Немного взволнованные, мы вернулись на верхнюю палубу. Осман уже закончил свою молитву и сказал:

— Очень старый слон. Может быть, шел умирать...

— Почему умирать?

— Возможно, он шел к реке напиться, но, может быть, и умирать, потому что старые слоны умирают в воде, чтобы никому не достались их кости.

В самом деле, еще никому не удавалось найти останки африканского слона, умершего естественной смертью. Охотники за бивнями, ринувшиеся в Африку во второй половине прошлого столетия, тщетно искали по всему континенту «кладбище слонов». Им грезились какие-то долины и ущелья, заваленные скелетами великанов, где тысячами лежит нетронутая драгоценная слоновая кость. Но никто не обнаружил такого кладбища.

Однако не живут же слоны вечно! И естествоиспытатели пришли к выводу, что одинокий дряхлый слон, почувствовав близость кончины, приходит к воде. И в ней спокойно и величаво засыпает навеки. Быстрые африканские реки и илистые озера стали их кладбищами. На дне их погребены под илом и песком целые поколения крупнейших зверей земли.

На следующий день, как и обещал Осман Беляля, рано утром мы снова увидели слонов. Это было небольшое семейство в пять голов. Когда пароход приблизился, слоны, не торопясь, ушли в дальние заросли, и только их поднятые вверх хоботы торчали над высокими кустами. Но один, самый большой, очевидно вождь, так и остался на месте. А когда пароход с ним поравнялся, он даже сделал несколько шагов вперед, свирепо взрывая клыками землю, бил по траве хоботом, издавал какой-то утробный свист, всячески показывая свое бесстрашие и решимость защитить семейство.

Затем в течение дня мы еще семь раз видели небольшие стада слонов. Они мирно щипали свежую изумрудную траву и, если были далеко от

берега, вообще не обращали внимания на наш бобур

После Шамби, большого селения, которое мы прошли на заре, пейзаж резко изменился. Вокруг была «парковая саванна» — живописная земля, действительно похожая на огромный парк.

Все чаще попадаются хижины. Они стоят в один ряд по десятку-полтора вдоль берега, и видно, что жизнь их обитателей тесно связана с рекой. На крышах вялятся на солнце рыба и шкуры крокодилов. Рядом растет пара бананов, возятся на земле дети, хозяин чинит свою лодку, узкую и длинную, как карандаш, отточенный с двух сторон.

Мужчина взрывает землю и разрыхляет ее руками, готовя под посев. Рядом растут какие-то плоды. Мы с Филиппо долго гадали, что это такое, и учитель из Вау пояснил нам, что это обыкновенный арбуз — древнейшая культура и уроженец Африки.

Возле каждой деревни обязательно есть небольшой заливчик, отгороженный от остальной реки частоколом из массивных сучьев. Только за этой оградой можно безопасно искупаться, постирать, набрать воды и при этом не бояться стать добычей отвратительного крокодилового ящера. Чем дальше на юг, тем больше крокодилов водится в реке.

Один из студентов, взобравшись на борт баржи, что-то крикнул и показал булку серого сухого хлеба. Из деревушки, очевидно, ответили согласием, и юноша бросил свой хлеб людям на берегу. Через несколько минут появился человек с большой рыбиной, он догнал пароход и, размахнувшись, кинул ее на баржу. Но рыба ударилась о борт и упала в воду. Тогда человек бегом пустился назад, в деревню, взял там другую рыбину, довольно долго догоняя уходящее судно, но в конце концов забросил ее на баржу.

Эта корректность в торговых операциях воспитала Филиппо.

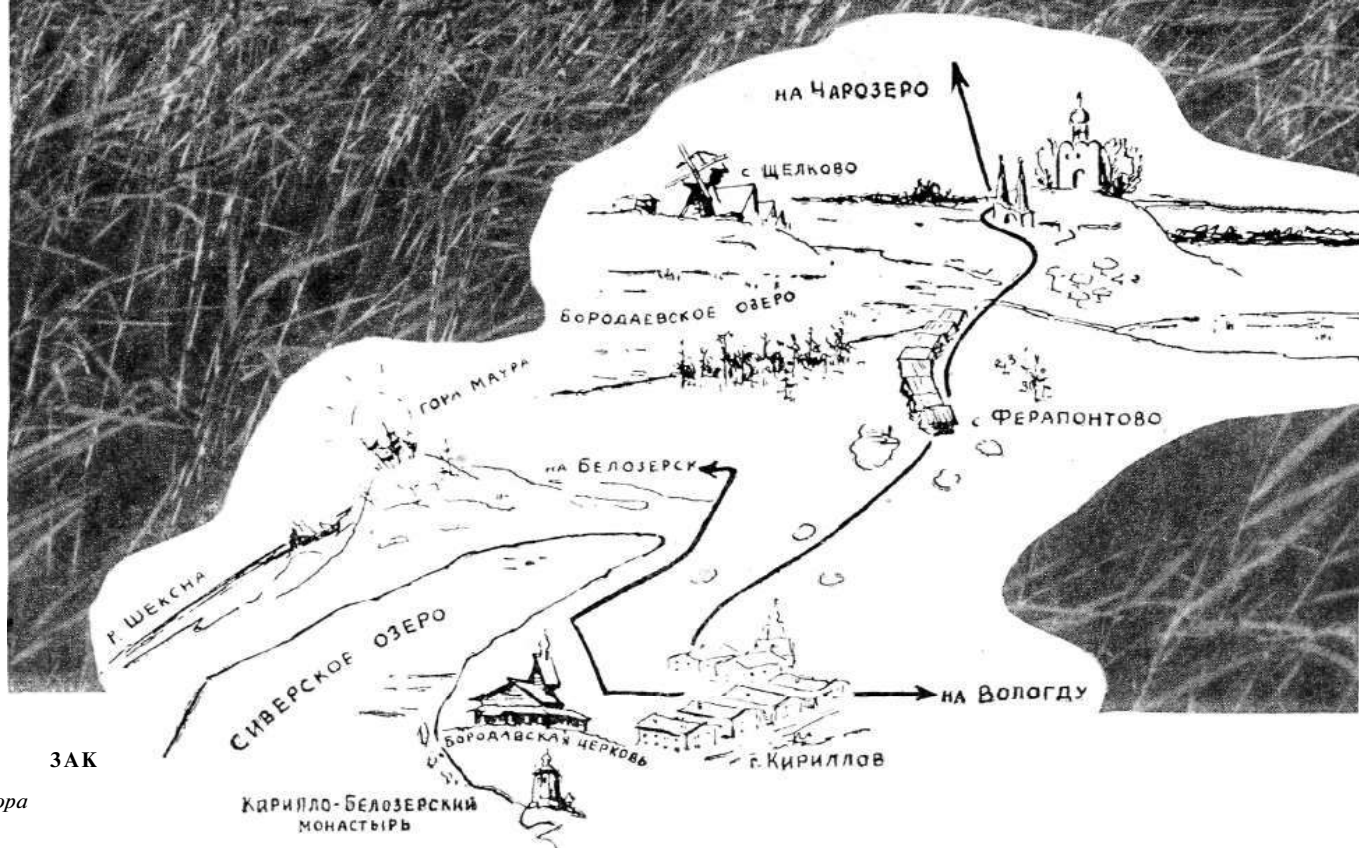
— Вы знаете, — говорил он, — президент нашей фирмы никогда бы не оплатил счет дважды, как сделал этот негр. Он бы сказал, что выполнил свои обязательства и не виноват, если юноша не поймал рыбу.

А учитель Аббас Собхи в связи с этим рассказал такой эпизод, который случился здесь недавно.

Однажды люди из племени бари, живущие около селения Томби, обвинили одного динка в том, что тот опустошил их ловушки, похитив трех нильских сомов. Оскорбленный динка кинулся в драку, но был побит. За его честь заступились родственники. Конфликт быстро разгорелся. Забили барабаны, мужчины бари и динка надели красные военные перья, изготовили луки и пики. Полиция, узнав об инциденте, мчалась на место происшествия всю ночь; дорога была размыта, шли дожди. К счастью, полицейские к утру прибыли на место и успели предотвратить столкновение из-за обвинения в воровстве трех рыб.

В КРАЮ БЕЛОЗЕРСКОМ

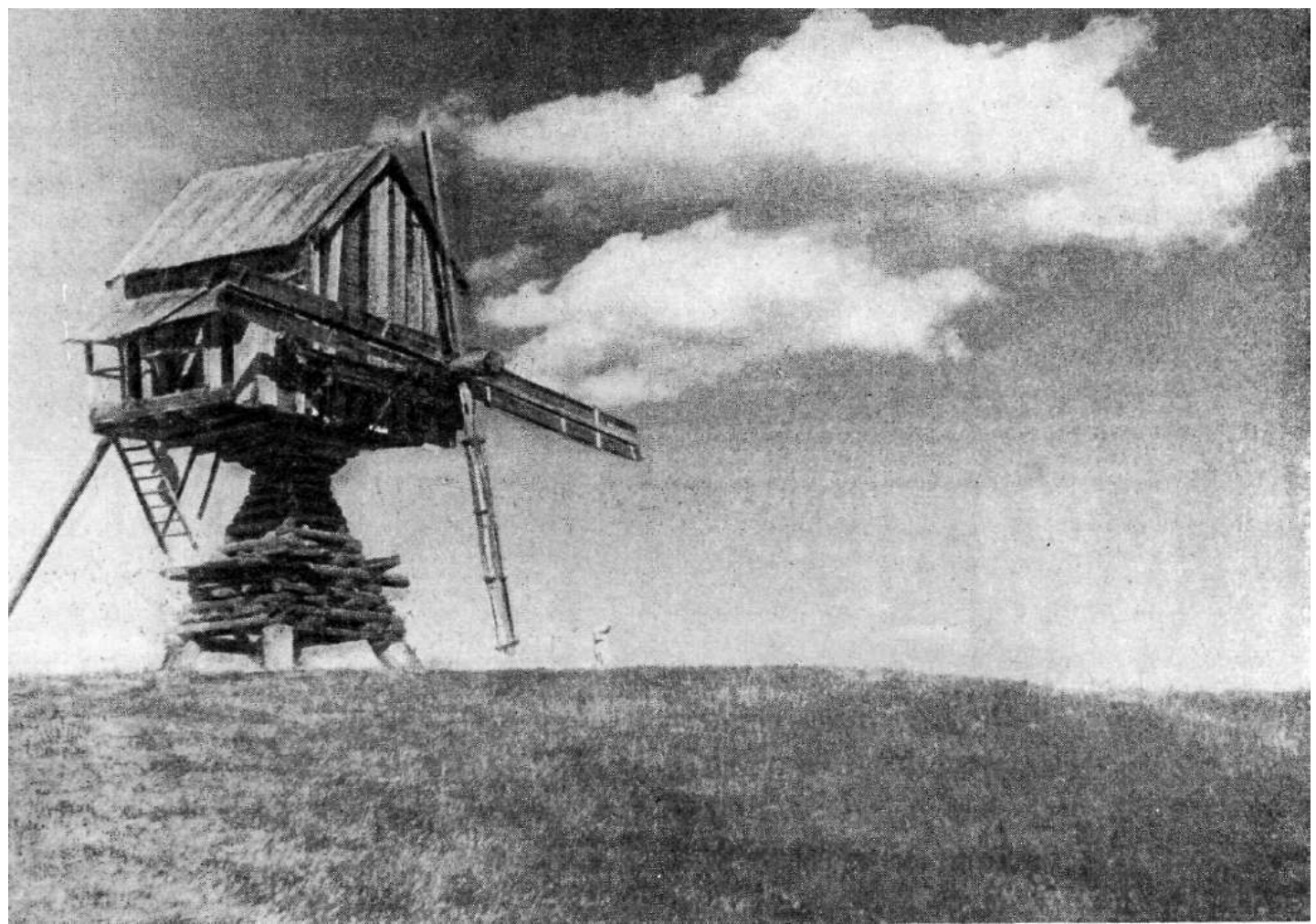

ВИКТОР ЗАК

Фото автора

Белозерье... Край, где проходит трасса знаменитого Волго-Балта, где не так давно родилось Рыбинское море (оно втрое больше, чем Белое озеро), где вырос большой, известный по всей стране город металлургов — Череповец. Но поэтическое имя края вызывает в памяти и другие названия, другие

мысли. В верховьях Шексны, там, где ее неширокая лента вьется в низких берегах, есть большой, поросший ельником холм — гора Маура. Маура встречает путника мерцающими краснинками земляники, крупными венчиками ромашек и серыми, в беспорядке разбросанными на склонах валунами.

Хочется взобраться на самый большой из них и взглянуть окрест.

В чем прелесть северорусского пейзажа? В особой ли насыщенности зеленым цветом, где есть место и светлым тонам разнотравья, и яркому изумруду речных побережий, и темным, почти черным, пятнам еловых боров? Или в прозрачности воздуха, настоящего на полевых цветах? Или в свободном разбросе озер, таких чутких к цвету неба — то голубых, то серых, то густосиних?

Деревянные церкви и мельницы, маленькие часовни и большие избы, монастырские башни и колокольни — сколько памятников зодчества хранит наш север! Строители их, безвестные русские плотники и каменщики, были настоящими поэтами: мало кто умел так понимать природу, как они. Все, что ими сделано, как бы создает единый ансамбль с ландшафтом Белозерья.

Неподалеку от горы Мауры на берегу Бородаевского озера стоит Ферапонтов монастырь. Один из его храмов расписан знаменитым Дионисием. Ферапонтовские фрески начала XVI века, замечательный памятник древнерусского искусства, имеют мировую славу. Любопытно, что для этих великолепно сохранившихся картин Дионисий изготовлял краски, используя прибрежную гальку. 150 оттенков краски составляли палитру живописца. Певучие линии фресок, воздушность и мягкость колорита удивительно созвучны неярким, блеклым тонам природы Белозерья.

Против монастыря, на другом берегу озера, возле деревни Щелково, примостилась ветряная мельница. Издали она напоминает сказочную избушку на курьих ножках. Ее основание состоит из больших бревен, сложенных крестнакрест. Подвесная лесенка ведет в верхнюю клетку с крыльями и жерновом. «Домик» можно развернуть по ветру, навалившись вчетвером-впятером на рычаг — большую длинную слегу.

При сравнительно скромных размерах щелковская мельница производит необычайно монументальное впечатление.

То же можно сказать о небольшой церквушке, построенной в 1486 году в селе Бородаеве. По своим пропорциям церковь эта столь совершенна, что от нее трудно отвести взгляд. Кажется, церковь создана самой природой — так естественны и гармоничны переходы от распластанной, вросшей в землю галереи к основному объему и от него к высотной части с крутой кровлей и устремленной ввысь чешуйчатой луковичей.

Бородаевская церковь в прошлом году покинула дно будущего Череповецко-Кирилловского моря, которое войдет в систему новой трассы Волго-Балтийского пути.

Теперь этот памятник переехал на территорию бывшего Кирилло-Белозерского монастыря, объявленного ныне музеем.

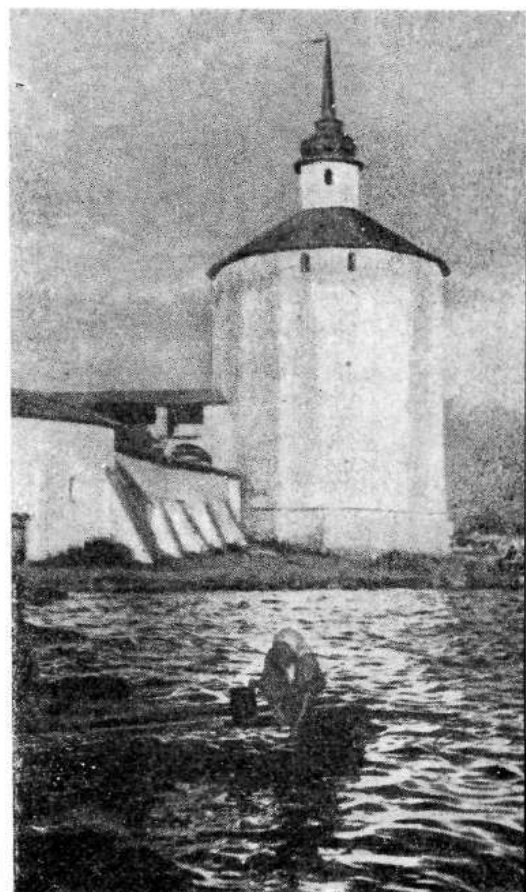
Белые стены и белые башни монастыря вот уже какой век глядят не наглядятся в воды Сиверского озера.

Когда выходишь на берег этого озера и видишь его слюдяной блеск, рыбацью лодку, темнеющий вдалеке лес, то испытываешь «такую внезапную, сокровенную, такую застенчивую и глубокую любовь к России, что от нее глухо ко-

лится сердце. И хочется жить сотни лет, чтобы смотреть на эту бледную, как полевая ромашка, северную красоту». Трудно выразить это большое чувство словами лучше, чем выразил его К. Паустовский.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ

Еще в XVII веке король Карл II, чтобы пополнить казну за счет своих подданных, собрал деньги на строительство замка, который он и не думал строить. Более того, он умудрялся сдавать «бумажный замок» в наем.

В течение многих лет английское правительство, прекрасно зная, что этого замка нет и в помине, продолжало выплачивать королевской семье изрядную сумму... «для содержания замка в исправности».

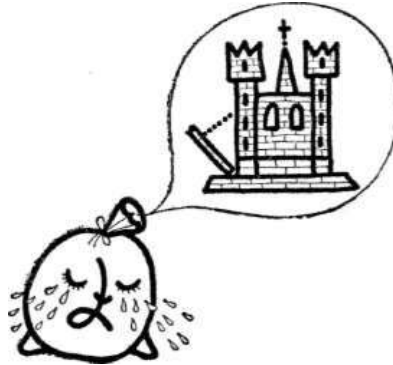
Эта «традиция» остается в силе и в наши дни.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

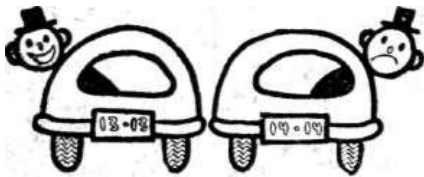
В стоковский магистрат поступило предложение об ограничении движения частного автотранспорта по улицам города. Авторы предложения решают проблему крайне просто: по четным дням следует разрешить ездить только машинам с четными номерами, по нечетным дням — с нечетными. Таким образом, движение сократится в два раза, уменьшится количество несчастных случаев, а владельцы автомашин смогут чередовать поездки с полезными для здоровья пешеходными прогулками.

И все это — без затрат со стороны магистрата!

РЕКЛАМА ИДЕТ НА ДНО

Одна из американских фирм, занимающихся изготовлением снаряжения для подводного плавания, установила на морском дне вдоль калифорнийского побережья большие щиты. Мощные прожекторы освещают крупную надпись: «Если вы недостаточно четко видите и не сможете прочесть этот текст — значит, у вас недоброкачественное снаряжение. Срочно обратитесь к нам, если, конечно, вам удастся выбраться на поверхность...»

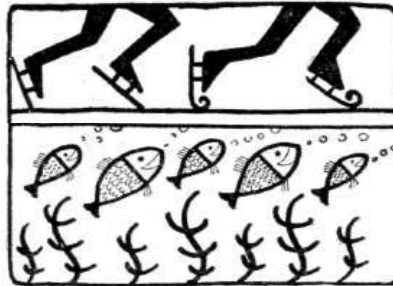

СПАСИТЕЛЬНЫЕ ВОДОРΟΣЛИ

В сильные зимние морозы нередко случается, когда мелководные водоемы промерзают до дна. И рыба, которая уже не может получать кислород из воды, гибнет.

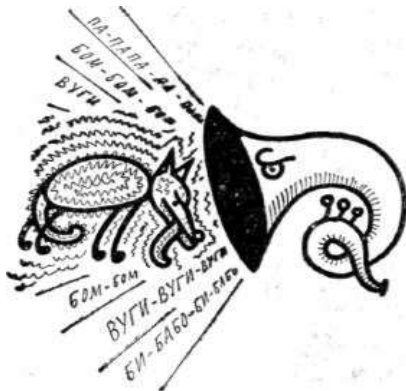
ВОЛКИ И САКСОФОН

По сообщению телеграфного агентства Португалии, один из оркестров недавно использовал звуки своих инструментов, чтобы отогнать стаю волков. Говорят, что музыканты исполняли исключительно современные западные мелодии.

ВЕРХОМ НА БОЧКЕ

Двадцативосьмилетний Петер Педайя во что бы то ни стало хочет прославиться. Он решил пересечь под парусами океан на судне, собранном из нефтяных бочек. Первая его попытка уже кончилась неудачей, но Педайя снова собирается в путь.

Как показали наблюдения в одном из заповедников Висконсина, спасти рыбу от удушья может устройство на таких озерах... катков. Ведь при этом обязательно убирают со льда снег. А водоросли при солнечном свете продолжают под толщей льда выделять кислород, и это спасает рыбу.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО
и В. ЖАРИНОВА

КАКИМИ БУДУТ ЛЮДИ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА?

Два профессора из университета Миннесоты (США) — скульптор Хаузер и социолог Фрэнсис — не питают на этот счет особо радужных иллюзий. Хотя, как утверждают профессора, женщины станут стройнее и выше ростом, в их внешности произойдут и менее благоприятные перемены. Так, из-за частого погружения рук в холодильник они покроются волосами, от нажимания кнопок удлинится указательный палец, а от доставания консервных банок с высоких полок станут длинными сами руки.

Мужчины, закрепостившие женщин с помощью новейшей домашней техники, оставят себе одно занятие: играть с детьми в карты. Как это сваяется на их облике, профессора умалчивают.

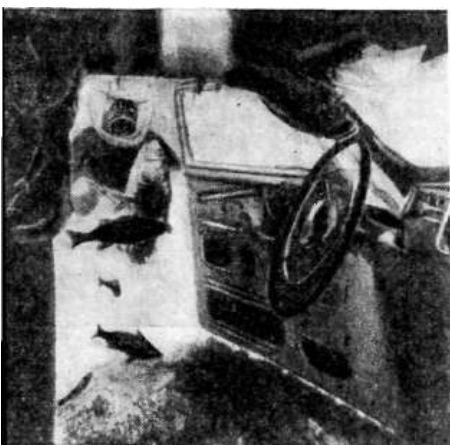

СКОЛЬКО СТОИТ СБЕГ?

Вернувшись с лыжной прогулки в горах, один молодой адвокат Инсбрука (Австрия) оставил свою покрытую снегом машину на улице. Проходивший мимо рабочий взял горсть снега, чтобы вымыть руки. Это привело адвоката в возмущение. Он подал в суд.

В нескольких судебных инстанциях адвокату было отказано в рассмотрении дела из-за его, мягко говоря, несостоятельности. Но все-таки один служитель Немезиды принял «дело» к производству и даже вынес принципиальное решение: «снег на автомобильной крыше есть собственность автовладельца».

И ни судьбу, ни истца-снеговладельца не оставило то, что предмет притязаний — снег давно растаял и от него не осталось даже мокрого места.

«Старые автомобили откроют новую страницу в истории рыб и рыбной ловли». Под таким лозунгом проводятся подводные исследования у берегов Калифорнии. Цель их — искусственно создать новые районы рыбной ловли в тех местах, которые до сих пор

Рыбий „скворечник“, или окунь в лимузине

избегались обитателями океана.

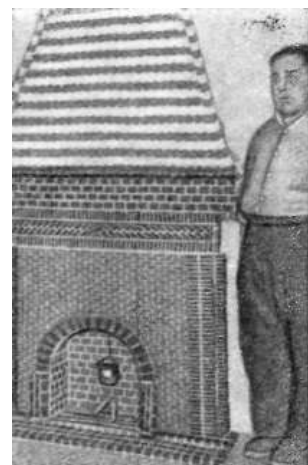
Наблюдения аквалангистов показали, что рыбы селятся только там, где рифы и скалы, покрытые водорослями, защищают их от хищников и разрушающей силы прибою. Там же, где дно океана гладко, рыб нет.

Вот в такие «гладкие» места стали сбрасывать автомобильную рухлядь. А чтобы рыбы «скворечники» выглядели привлекательнее, вокруг высаживают черенки гигантского фукуса. Этот вид морских водорослей особенно нравится окуням и угрям, которые уже начали заселять подводное автомобильное кладбище.

КОЛЛЕКЦИОНИРУЮТ РАЗНОЕ -

марки и открытки, трубки и трости, спичечные наклейки и даже замки... Обычно коллекционер довольствуется тем, что тщательно хранит собранное, не воздвигаая, скажем, дворцов из книг, не делая ухи из вуалехвостов и не оклеивая марками стены своего дома.

Но один из коллекционеров, бельгиец Вермелен, собравший за пять лет 12 тысяч спичечных коробков, решил пустить их в дело. Четверть коллекции он вложил... в печь. Нет, Вермелен не сжег свои сокровища. Тщательно подобрав коробки по цветам, Вермелен использовал их в качестве облицовочного материала. И деревенская печь, одетая в столь необычный наряд, говорят, не уступает своим изразцовым соседкам.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АКВАЛАНГИСТ

Подводное плавание принято называть молодым видом спорта. Однако, оказывается, и люди далекого прошлого стремились проникнуть в тайны «голубого континента». Недавно историки обнаружили чертежи подводного снаряжения, сделанные итальянским ученым Борелли еще в середине XVII века.

Здесь и ласты для ног, и выдыхательная трубка, и «акваланг» из шкуры какого-то животного.

ГОРЯЩАЯ ЗЕМЛЯ

Некоторое время назад жители деревни Сфрондайо (Италия) были встревожены странным явлением. При зажигании спички возле полов домов или над самой землей стали появляться голубые язычки огня. Спешно вызванные специалисты определили, что это горит газ метан, выделяющийся из болотистой почвы. Однако это разъяснение ненадолго успокоило жителей деревни. Одна из семей вынуждена была покинуть свой дом из-за сильной концентрации ядовитого газа.

«Прибором», определившим опасную степень концентрации, оказалась кошка. Животное, задыхаясь, начало метаться по дому, и это заставило насторожиться его хозяев.

Европейские

Почти у подножия Малых Карпат раскинулся «болотный оазис» — Святоюрский Шур,

Давно исчезли с лица земли все болота, тянувшиеся цепью от Братиславы до Модры, и только одно из них — Святоюрский Шур — осталось неприступным. Долго и упорно сопротивлялось оно мелиораторам.

Так получилось, что сама природа сохранила Святоюрский Шур для науки. И в 1952 году по предложению Словацкого естествоведческого общества здесь решили создать государственный заповедник.

Из 500 гектаров заповедной площади 333 покрыты ольховым лесом. Остальное — лесостепь и луга, переходящие в самобытную Паннонскую рощу. К заповеднику примыкает защитная зона в две тысячи гектаров.

Ольховый лес дик и мрачен. Над болотом висит неподвижный влажный воздух. Буйно растут травы. Тесно сомкнулись ветки густого кустарника. По стволам деревьев вьются гибкие плети лиан. Они превращают ольховый лес в подобие тропических джунглей. Местами эти европейские джунгли совсем непроходимы.

Деревья словно селятся вырваться из болота. Их выпяченные из земли корни показывают уровень наибольшего весеннего паводка. Оголенные корни деревьев то расставлены, как ворота, то похожи на странных сидящих животных.

А всего в сотнях метров от заболоченного шурского леса находится сухая Паннонская роща. Это лес с веселыми, пятнистыми от солнца и теней полянами, с пестрым ковром цветов. Здесь по соседству друг с другом растут лесной и французский дуб, граб обыкновенный, пирамидальный ясень, груша.

В зоологическом отношении Святоюрский Шур исследован слабее, чем в ботаническом. С жителями этих лесов ученые начали знакомиться только сейчас. Между тем здесь собраны представители фауны почти всей Европы. Святоюрский Шур населен богато и разнообразно. Здесь гнездится до 70 видов птиц. В лесных зарослях можно встретить гнезда кречета, черного аиста, дикого голубя.

Фотоаппарат запечатлел детенышей лугового луны — редкого обитателя Шура. Птенцы еще очень малы, но по их агрессивной позе сразу видно, что это хищники.

Насекомые шурского леса в большинстве принадлежат к средневропейской фауне, но много и теплолюбивых южноевропейских видов. Только бабочек насчитывается несколько сот видов. Одна из этих лесных красавиц уселась на цветке и замерла, словно нарочно приняв выигрышную позу для фотографирования.

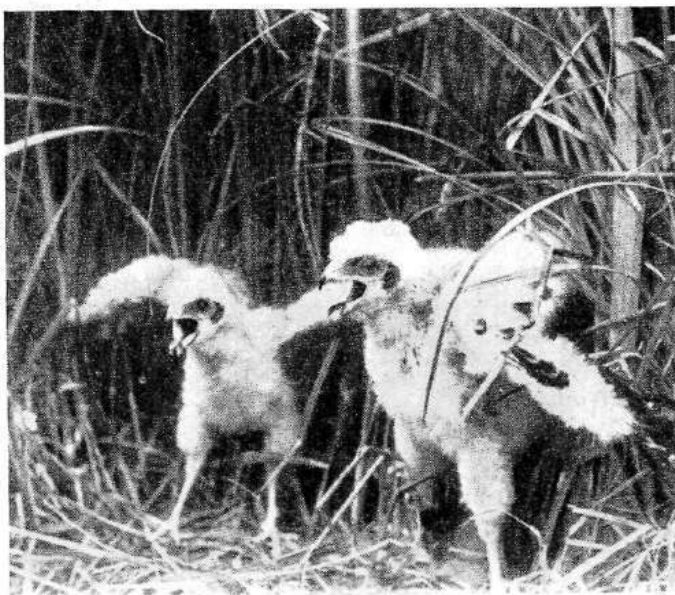
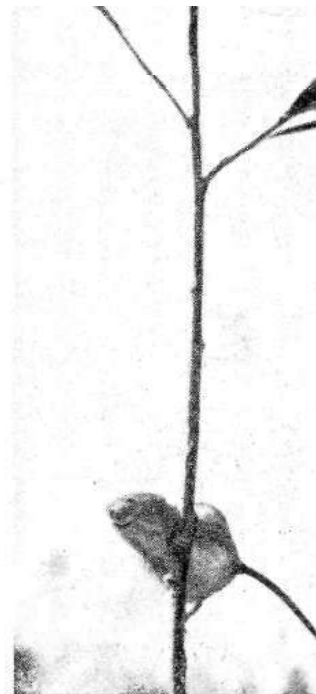
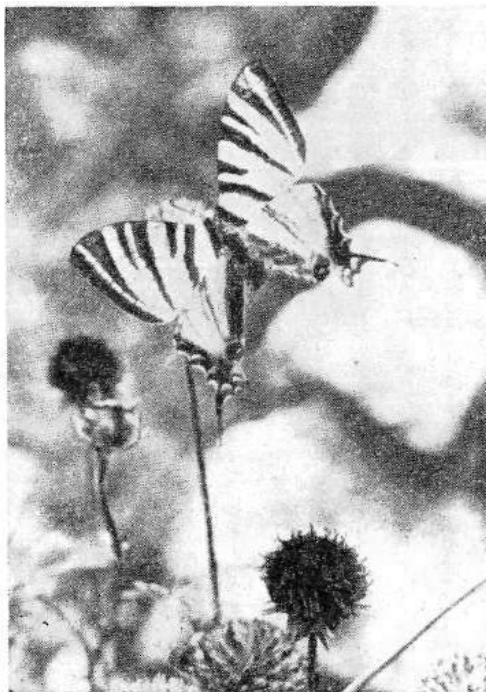
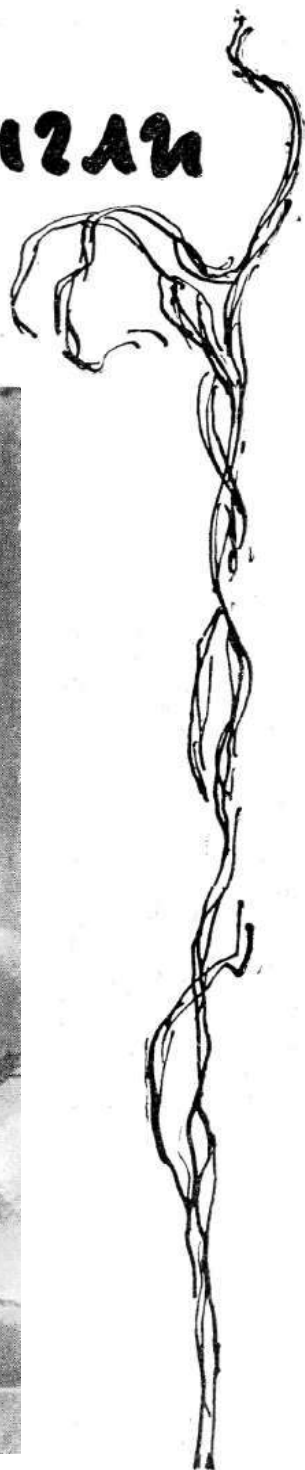
Со стрекозой было сложнее. Она перелетала с цветка на цветок, от былинки к былинке, пока не утомилась сама и не утомила фотографа. Однако и этой легкокрылой попрыгунье не удалось избежать объектива.

Зато малая мышка позировала великолепно. Взгляните на фотографию — мышка даже будто улыбается.

В Западной Словакии Шур считается самым крупным гнездилищем диких уток, самым большим нерестилищем щуки. Состав воды и обилие планктона способствуют развитию рыбьего потомства.

Крупная дичь представлена здесь многими видами животных. Интересно, что на такой небольшой площади водятся и олени, и лани, и серны, и кабаны. Можно увидеть даже муфлонов, которые редко селятся в заболоченных местах.

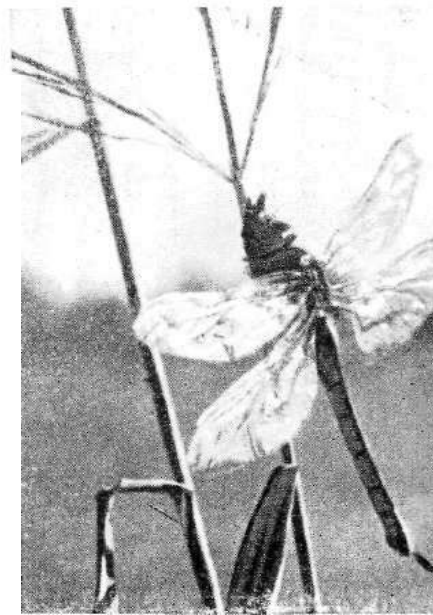
Джунгли

Святоюрский Шур для ученых — еще не прочитанная книга природы. Археологи утверждают, что в каменном веке здесь жили первобытные люди. Их привлекали обилие пищи и труднодоступность жилищ, защищенных от нападения зверей. Архивные документы хранят свидетельства о том, что в шурских зарослях скрывались от врагов средневековые жители села Святой Юр.

Заповедник Святоюрский Шур — это большая естественная лаборатория. Здесь проходят практические занятия студентов. Многие из них собирают здесь материалы для своих курсовых и дипломных работ по ботанике и зоологии. Будущие преподаватели биологии приобретают навыки для практических занятий в поле.

Перевод Л. ЯКУБОВИЧА.

КОГДА ЗИМА СПРОСИТ

**И. ГАНЗЕЛКА,
М. ЗИКМУНД**

Фото авторов

ИЮньСКИЕ ЛЫЖНИКИ

Это произошло в деревушке Чардаки, неподалеку от озера Аги Гёл. Под вечер мы остановились здесь, чтобы купить свежего хлеба, немного фруктов и арбузов — наш постоянный запас непортящейся воды. К машинам сбежалась половина деревни, чтобы узнать, кто мы такие, откуда и куда едем, нравится ли нам в Турции. Немного бы мы смогли рассказать жителям, если бы по

нескольким чешским словам какой-то старик не понял, что мы говорим на языке, близком к русскому. И он начал говорить по-русски. Он сказал, что научился этому языку в плену, куда попал во время первой мировой войны. Да, старик неизмеримо вырос в глазах всей деревни — ведь он был единственный, кто мог с нами разговаривать. Много рассказывал старик о своих военных приключениях. Это был удивительно смелый человек; и хотя он видел, как экипаж серо-зеленого джипа незаметно смешался с толпой любопытных, он сказал на прощанье: — Русские были и остаются сильными. А без американцев мы бы обошлись. Впрочем, навеки они у нас не останутся...

Некоторое удивление, с которым мы пожали старику руку, вероятно, было вызвано тем, что эта фраза его звучала совсем не так, как иные передовицы турецких газет.

В 1948 году, когда Соединенные Штаты вступили в брак по расчету с Турцией, приданое американской невесты составляло довольно крупную сумму. Правда, точных цифр узнать не удастся, вероятно, никогда — они считаются военной тайной, хотя открыто приданое преподносится как экономическая помощь. Но говорят, что сумма эта приближается к двум миллиардам долларов. В соответствии с генеральным планом НАТО Турция должна была стать стратегическим закро-

В этих «моржовых клыках» люди построили жилища.

мом североатлантических союзников. Здесь должно было выращиваться много пшеницы, ячменя и сахарной свеклы, сельское хозяйство должно было быть механизировано, должны были быть построены элеваторы для зерна.

На деле же сельское хозяйство оказалось совершенно заброшенным.

Правда, современных зернохранилищ мы увидели в Турции довольно много: в Измире, южнее Анкары, в Черикли, вблизи Кайсери и в Мерсине, но нам сказали, что элеваторы эти построены для военных запасов. А вот первые зерновые комбайны мы увидели возле самой Анкары. Чтобы их сосчитать, хватило бы пальцев на одной руке. Зато повсюду в стране, через которую мы проезжали как раз в период жатвы, мы видели допотопный способ обмолота, который ничуть не изменился с тех пор, как над этой страной повеял первый ветер.

Сжатый хлеб складывается на полях в низкие круглые стога; и когда на ниве задует ветер, начинается обмолот. Зерно разбрасывают вокруг стога, затем в молотилку запрягают пару коней или коров. Молотилка — это две деревянные доски, загнутые спереди на манер лыж. Турецкий летний лыжник, однако, не смазывает свои лыжи, а, напротив, старается сделать их как можно более шершавыми — ведь значительная часть поверхности доски является одновременно и огромной теркой и резаком. В продольные пазы всажены острые камни, которые во время движения лыж мелко нарезают солому и вылушивают зерно из колосьев. С утра до вечера движется эта парная упряжка вокруг стога, кони или коровы как заведенные ходят вокруг, а на лыжах все время меняются возницы. Так работают не только мужчины, но и женщины с грудными детьми, которых они тут же баюкают, кормят. На смену им приходят более взрослые дети, которые порой работают с букварем в руках. Более сообразительные кучера пристраивают

к лыжам простенькое сиденье, чтобы во время работы у них не болели ноги.

Но самую удивительную молотилку мы видели неподалеку от Эфеса: в средневековые лыжи с каменной теркой был впряжен... трактор.

И ЕЩЕ ОДНА ЖАТВА...

Сворачиваем на одно из трех шоссе, пробивающихся от моря на анатолийское горное плато. Круто и смело карабкается оно вверх. Вскоре его охватывают со всех сторон великолепные сосновые леса, какие украшали несколько веков назад почти всю страну. Сегодня имеется немало доказательств того, как хищнически вырубались леса в султанской Турции. Когда же султанам показалось, что так не мудро всю страну превратить в пустыню, они запретили дальнейшую вырубку и с еще большим остервенением принялись уничтожать леса в покоренных ими Болгарии, Албании, Боснии.

Турецкий способ хозяйствования в лесах жив и по сей день.

Около Аксеки едем лесом, в котором добывают смолу. Надрезы на стволах глубокие; местами они опоясывают весь ствол. Некоторые деревья стоят, наклонив друг к другу вершины и только чудом удерживаясь в вертикальном положении, у других крона уже отвалилась, остались лишь изуродованные культики. Кое-где сосновый лес вырублен начисто. Прогалины заросли травой и колючками, воды нет. Нам пришлось проехать целых сорок километров, прежде чем мы встретили у дороги источник.

В пятидесяти километрах от Аксеки лес исчез совершенно. Здесь царство засухи. Выжженная степь, в которой лишь кое-где торчит несколько пожелтевших стеблей. Это пшеница.

По каменистой земле бредет несколько человек — видимо, семья. Чуть дальше — вторая, третья. Мужчины, женщины, дети с серпами в руках подрезают редкие стебли. Тщательно складывают они каждый колос — это голодный урожай гор. Собрали ли люди здесь то количество зерна, что весной бросили в землю?

РЕЧЬ ЛЬЕТСЯ, ВОДА

ПЬЕТСЯ

Турки — удивительные люди. Без долгих предисловий скажем прямо: мы их полюбили.

Для того чтобы турок полюбить, нужно прежде всего избавиться от всевозможных пугал, которые турецкие власти подсовывают туристам в виде всякого рода запретов. Потом надо избавиться от укоренившихся в умах европейцев представлений о кровавых турках с ятаганом в руке и кинжалом в зубах, вихрем несущихся через пылающие селения и города и срубующих головы «христианским собакам».

Так вот, таких турок в Турции вы не встретите.

Зато вы встретите здесь людей безгранично гостеприимных и добросердечных.

Внешним проявлением уважения к пришельцу было в свое время предложение выпить чашку кофе. А поскольку сегодня страна, которая прославилась добрым кофе, которая приучила мир к понятию «турецкий кофе», не имеет денег на подобную роскошь, то символом гостеприимства стал чай.

Чай предложит вам посторонний человек, с которым вы только что вступили в разговор. Ни слова не говоря, вам принесут чай в пузатых чашках, своими очертаниями напоминающих сплюснутую восьмерку, и поставят на прилавок книжной лавки, в которую вы зашли мимоходом. Вам подадут его и в парикмахерской, чтобы быстрее прошло томительное ожидание в очереди. В любое время, утром и вечером, среди прохожих снуют мальчишки с подвешенными за шею на цепочках медными подносами, на которых всегда стоят чашки с чаем.

Мы ехали из Измира в Кушадасы. Перед Сельчуком увидели первый в этом году цветущий хлопчатник и остановились, чтобы сделать снимок. Мы тщательно осмотрели хлопчатник, сравнили его с аргентинским, египетским и перуанским и решили взять щепотку земли в качестве образца для бактериологического анализа в Пражском биологическом институте. Мы насыпали землю в хлорвиниловый мешочек, как вдруг откуда ни возьмись в двадцати метрах от нас появился человек с ружьем.

— Ребята, давайте бросим нашу затею, не хватает еще, чтобы из-за пятидесяти граммов земли нас здесь пристрелили! — сказал кто-то из нас, и мы повернули к машинам.

В это время человек положил ружье на землю и, перепрыгнув через канаву, помчался куда-то в поле. Мы ничего не могли по-

Так выглядит турецкая молотилка.

нять. Кто он? Сторож? Зачем же он охраняет хлопок, который только начинает цвести? И почему он убежал? И зачем он оставил ружье? Но вот он машет нам, увидев, что мы садимся в машины, что-то поднимает с земли и бежит к шоссе.

Он принес два огромных арбуза, сунул по одному в каждую машину, улыбнулся и сказал:

— Это вам.

И отправился за своим ружьем. Он охранял арбузы.

Иной путешественник считает, что на Востоке его всюду окружают нечестные люди, которые всячески стремятся его обмануть. Такое представление связано с нищетой в некоторых странах Востока, но в основном оно возникло благодаря особого рода литературе и кинофильмам, отвечающим потребностям колонизаторов. Мы считаем своим долгом опровергнуть эти представления.

Во время путешествия обычно где-нибудь что-нибудь забываешь. Мы часто забывали зубные щетки, карандаши, а то и фотоаппараты. Забытую вещь нам всегда возвращали.

В Бергаме к нам прибежал один из посетителей чайной, расположившейся прямо на улице. Он увидел, как во время съемки у Мирека из петлицы выпала розочка, которую тот только что получил в подарок от продавца персиков. Он собственноручно вставил цветок Миреку в петлицу и вернулся допивать свой чай.

ЛАБИРИНТЫ В ШВЕЙЦАРСКОМ СЫРЕ

В тот день мы ходили охваченные нетерпением, не зная, на что сначала навести объектив. Не потому, что это чудо природы в Каппадокии — всемирная редкость, и не потому, что тот, кто был в Турции и не заехал в Гё-

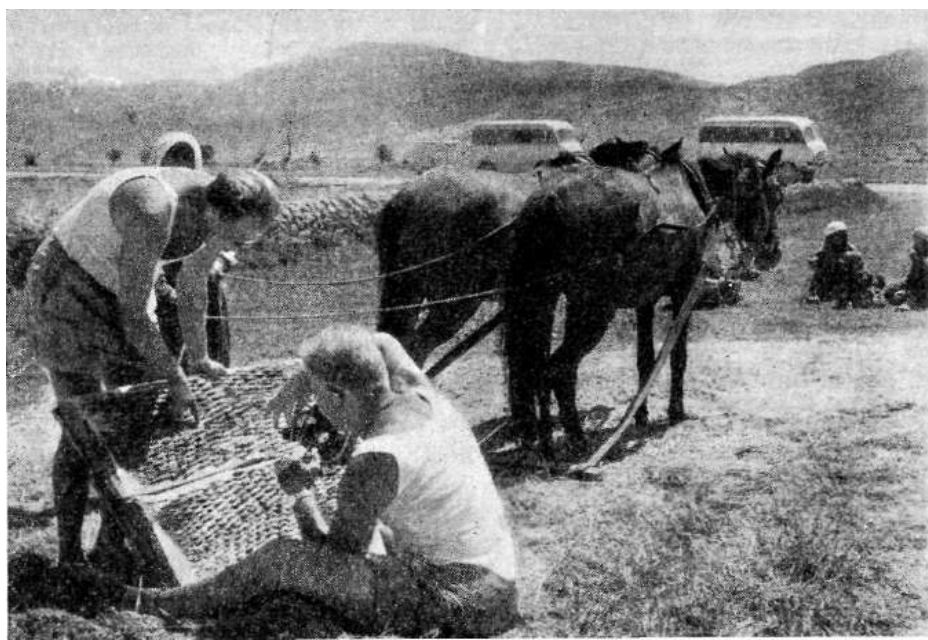
рем и Ургюп, не может утверждать, что видел Турцию.

Каппадокию, безусловно, можно отнести к произведениям искусства. Именно в этих местах, в каньонах, склоны которых покрыты виноградниками и абрикосовыми садами, природа решила создать гигантский лабиринт из песчаных конусов, башен, замков, перемешать все это причудливыми горбами и разбросать их так, что человека все время охватывает неодолимое желание отыскать уголок еще лучше, изощреннее. К счастью, ни в одном из путеводителей мы не нашли ни единого упоминания о том, как велик этот лабиринт, на сколько километров он раскинулся, как до него добраться и каким образом выбраться. Карты довольствуются лишь перечнем названий: Гёрем, Ургюп, Ючгисар, Ортагисар, Мачан. И все. Выбирай любой пункт и ищи...

Солнце, дожди, ветры и снега обработали эти туфовые холмы так, что они стали совершенно гладкими. Местами они ослепительно белые, в другом случае — желтовато-кремовые, а порой цвета охры. Издали они напоминают процессию Ку-клукс-клана, а вблизи огромный кусок швейцарского сыра с пустотами, дырами, пещерами, пузырями, трубами, коридорами. Кое-что создала природа, что-то — творение рук человека. Он углубил первоначальные пещеры, расширил их, украсил — и получились в скалах спальни, мастерские, склады зерна, часовни.

Кроме продавца билетов, в Тереме никто не живет. Это мертвый город. Зато в двух километрах от него находится селение Мачан, раскинувшееся вдоль русла высохшей речки. Окрестности осклалились моржовыми клыками — это туфовые конусы, а между ними люди возвели свои жилища. В некоторых клыках вырублены винтовые лестницы, по которым жители поднимаются на причудливые туфовые балконы.

Над Мачаном находится селение

Юггисар. В переводе это значит: «Три замка». И в самом деле, это замок из швейцарского сыра, сказочный до того момента, пока не приблизишься к нему. Вблизи он вдруг теряет свою сказочность, а ведь ради нее мы пробивались к нему по головокружительным серпантинам...

В парафиновую белизну строей «Трех замков» вкраплено бесчисленное количество оранжевых прямоугольников и квадратов. Дело в том, что в Юггисар мы въехали в то время, когда абрикосовые сады принесли богатый урожай. Центнеры золотистых плодов перекочевали на крыши домов. Каскадами ниспадают сушильни в глубокий каньон, напоминая какой-то сказочный восточный город, крыши домов которого покрыты массивными плитами золота. Но это ощущение сохраняется лишь до той минуты, пока вам не удастся увидеть эти сушильни вблизи. Они кишат сотнями мух, прилетающих на сохнущие абрикосы из сточных канав и помойных луж, текущих посреди кри-вых улочек.

ЯЙЛАДАГ И ВЕЩЕЙ СОН

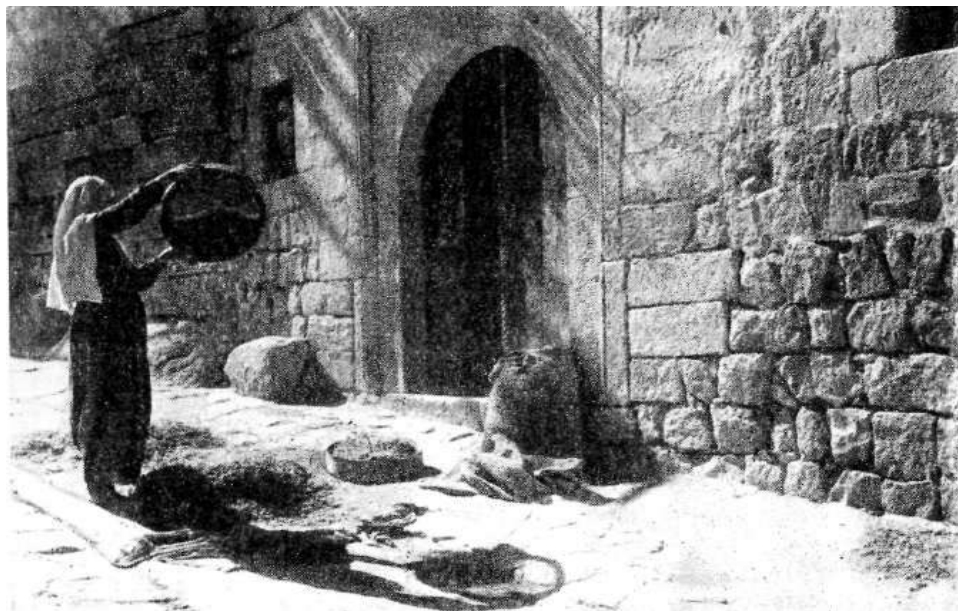
Сегодня Роберту приснился вещй сон. Снилось ему, будто мы уже побывали в турецкой таможне и что досмотр заключался в том, что таможенники только снисходительно махнули рукой.

— Вот увидишь, все будет совсем наоборот. Вот если бы тебе, скажем, приснился гроб или, например, похороны...

Вот до чего дошли! Таможенники превратят нас в суеверных баб.

Тем временем дорога опять незаметно прокралась в горы, солнце склонялось все ниже и ниже, вот его уже прищемил силуэт горы. День кончился. Возле дороги стоит чабан. Он опускается на колени, чтобы помолиться аллаху. На нас он даже не взглянул.

Очистка зерна от плевел.

К шоссе прижались крошечные плантации табака. Между фиговыми деревьями натянута веревка, на которых сушится табак, ветер зло раскачивает их.

В подобном же вихре мечутся наши мысли, проносится вся цепь событий с момента вступления на территорию Турции. В памяти еще свежи воспоминания о строжайших запретах, об эстафете джипов сопровождения с непрерывно меняющимися номерами машин, о наполненных драматизмом часах в анкарской таможне, где у нас хотели конфисковать машины, потому что в них были радиостанции.

Вот за тем поворотом кончается Турция, там селение Яйладаг. В таможне должен быть сверточек с двумя тщательно упакованными кристаллами. Они — мозг радиопередатчиков. Торжественное опечатывание и подробный протокол на турецком языке — таково было завершение бурных восьми-часовых переговоров в анкарской таможне. В дверном кармане лежит копия этого протокола, мы вернем его и получим назад кристаллы...

Вот и Яйладаг. На платанах развешаны керосиновые лампы, придающие утихшему селению волшебный налет интимности. Никаких шлагбаумов. Нас останавливают двое полицейских, приглашают в скромно обставленную комнату, в которой на столе горят две керосиновые лампы. Они проверили дату нашего вступления на территорию Турции, срок действия виз, списали номера паспортов, поставили печати на описи...

Все в порядке, благодарим. Таможня чуть дальше, по правой стороне.

Таможенники отправляются за начальником. Он уже ушел спать. Затем открывают канцелярию в первом этаже деревянного здания, зажигают лампу. А вот и шеф таможни со своим заместителем. Они в некоторой растерянности. Спрашивают, не запечатано

ли у нас что-нибудь в машинах. При этом делают вид, что речь идет о чем-то пустяковом.

— Совершенно верно, радиопередатчики запломбированы. А в столе у вас должна лежать картонная коробочка и в ней два кристалла.

Таможенники вздохнули с облегчением, лица их прояснились. Да, действительно, в столе лежит картонная коробочка. Вы хотите вскрыть ее сами или это должны сделать мы?

Спустя десять минут все формальности были завершены.

Улочка в Ортагисаре.

— Вот ваши кристаллы, распишитесь в их получении, — говорит шеф таможни и подает нам их, словно это не кристаллы, а каштаны, только что вытасканные из огня.

Бегло, словно стыдясь, они взглянули в машины, посмотрели, целы ли пломбы, и протянули нам на прощанье руки.

— Все в порядке, можно ехать...

Они провожали нас еще километров пять к мачте, на которой днем развевается турецкий флаг. На левой обочине дороги стоит столб с гербом Объединенной Арабской Республики.

Когда сопровождавшая нас машина исчезла в темноте, мы все в один голос произнесли:

— Отныне Роберт — признанный пророк экспедиции!

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ

Эрик Бишоп

БЕНГТ ДАНИЕЛЬССОН

Рисунки С. Прусова

Только вернулись на спасательный плот, как поверхность воды сморщил легкий ветерок. Общий восторг — можно отчаливать! Но мы забыли посоветоваться с Эриком, а он с вполне оправданной язвительностью заметил:

— Эх вы, бестолковые! Килевую доску-то забыли. Когда вы запомните, что без кили плот не будет слушаться руля? Только не берите кили с «Таити Нуи I»: они слишком тяжелы для «Тройки».

Мы живо смастерили киль метровой длины и принялись укреплять его в среднем поплавке. Увлечшись работой, не заметили, что нас несет на «Таити Нуи II». Тр-рах-х!.. Столкновение! К счастью, «Тройка» не пострадала; однако она вряд ли перенесла бы еще несколько таких столкновений, поэтому мы, дождавшись бриза, перерубили канат и подняли парус. Хуанито, радостно улыбаясь, стал на руль, и «Тройка» легла на новый курс.

Плот совсем неплохо шел под парусом, однако лавировать против ветра не мог. На сколько же градусов мы можем отклониться от направления ветра? Для проверки сноса пустили в кильватере жердь на канате. Результат окончательно убедил меня, что нам не достичь Старбака. Норд-ост сделал свое дело. Хуанито был достаточно опытным моряком, чтобы понимать это, но Ханс и Жан упрямо отказывались верить очевидности. Они явно считали меня повинным в том, что мы не можем идти прямо на Старбак.

В полдень 15 августа, когда наблюдения показали, что мы находимся в 70 морских милях юго-восточнее Старбака, я предложил изменить курс и поскорее направиться к Пенрину. Однако Жан и Ханс выдвинули совершенно нелепое возражение: мол, ветер может неожиданно измениться, и упрямо настаивали на соблюдении уговора. Сутки спустя мы проплыли мимо острова на расстоянии 29 миль. Жан и Ханс долго с недоверием изучали мои расчеты; убедившись, что мы промахнулись, они впали в полное отчаяние. Эрик, Хуанито и я хоть и не разделяли их тщетных надежд, тоже приуныли: ведь за Старбаком находилось всего

лишь несколько коралловых атоллов, а затем, до самых островов Самоа, пустынный океан...

Мы знали о Старбаке лишь, что это клочок твердой земли — надежная опора для ног, и тогда этого было для нас вполне достаточно. По возвращении на Таити я попытался расспросить стариков капитанов, однако никто из них не бывал на Старбаке, и пришлось обратиться к книгам.

Вот что я узнал: Старбак назван в честь капитана китобойного судна, открывшего остров в 1823 году. Его размеры: восемь километров в длину и четыре в ширину. Сплошным кольцом протянулся

Эрик Бишоп на плоту.

могучий коралловый риф, о который разбиваются со страшной силой океанские валы; защищенных якорных стоянок нет. Подобно большинству атоллов, Старбак очень низок, его максимальная высота — пять метров над уровнем моря, и когда циклон или вулканическое извержение на дне океана вызывают особенно сильные волны, они часто захлестывают весь островок. В отличие от других атоллов на Старбаке растет лишь редкая травка да несколько кустиков не больше метра высотой; съедобных плодов нет.

Если не считать узкой песчаной полоски вдоль самого берега, остров покрыт гуано и пластом морской соли, придающей ему издали сходство с большой льдиной. Питьевая вода, разумеется, отсутствует.

Первая и последняя попытка человека добровольно обосноваться на Старбаке состоялась в начале 1870 года, когда не в меру оптимистические американцы вместе с рабочими-полинезийцами, рискуя жизнью, высадились на берег собирать гуано. С тех пор никто не ступал на землю Старбака, и лишь единичные суда проходили поблизости от негостеприимного острова.

И еще одно неприятное открытие ожидало меня, когда я стал изучать историю Старбака: оказалось, что остров в дни нашего плавания входил в огромную область вокруг острова Рождества, закрытую для мореходства в связи с испытанием атомных бомб.

Но обо всем этом мы ничего не знали в полдень 16 августа 1958 года, когда я с искренней болью в душе изменил курс, уводя плот прочь от Старбака.

Мало того, что мы не попали на Старбак. Пробиваясь к нему, мы уклонились к северо-западу и теперь рисковали пройти мимо Пенрина. А ведь Пенрин населен, и к острову часто причаливают суда, идущие на Таити. Правда, оставалась крохотная надежда, что ветер сместится к северу и приведет нас к цели. Однако скорее всего нам предстоит плыть до Самоа, а для этого надо продержаться на «Таити Нуи III» не меньше месяца.

Я предупредил своих товарищей, что, готовясь к долгому плаванию, придется уменьшить дневную норму питьевой воды и продуктов. Жан и Ханс сразу очнулись от своего отупения и стали горячо возражать: пора вообще отказаться от всяких норм — ведь мы скоро достигнем Пенрина. Ален ведь сам обещал привести плот туда! Не без раздражения я ответил, что мы упустили эту возможность и они отлично знают, кто виноват.

Так или иначе, наши жизни зависели от скромного запаса продовольствия. Не теряя времени на пустые споры, я открыл ящик с продуктами и составил список содержимого.

Консервов — на один-два раза, поэтому разумнее всего было отложить их в неприкосновенный аварийный запас. Мед, изюм и сгущенное молоко, на мой взгляд, следовало беречь для Эрика. Нам оставалось 6 килограммов риса, 5 килограммов чечевицы, 2 килограмма муки и 2 пачки макарон. Все эти продукты нужно варить. Но, хотя газовая плитка действовала, газа оставался лишь неполный баллон. О том, чтобы готовить чечевицу или печь блины, не могло быть и речи. Придется жить одним рисом да рыбой, если удастся поймать. С пресной водой дело обстояло лучше: у нас была почти полная пятидесятилитровая бочка...

Как и следовало ожидать, мои предложения вызвали бурные возражения. Оппозиционеры не хотели признавать, что лучший способ сберечь газ и пресную воду — варить рис сразу на два дня и в морской воде. Не соглашались они и с тем, что Эрику, у которого снова начался жар, необходима двойная норма воды, изюма, меда и сгущенного молока. После долгих разговоров мое предложение все-таки приняли, хотя с нескрываемым недовольством.

Теперь нужно было решить, как лучше распределить вахты. Я не мог стоять у руля днем: дневное время было мне необходимо для наблюдений, осмотра плота и его починок. Поэтому я попросил назначить все мои вахты на первую половину ночи. На этот раз никто не возражал.

Истекли первые сутки на «Таити Нуи III». К моей радости и облегчению, плот оказался настоящим скороходом. Когда 17 августа я измерил высоту солнца, мы были на целых пятьдесят миль ближе к Пенрину. К сожалению, ветер, все больше смещаясь к востоку, отнес нас в сторону на 10 миль. А это значило, что шансы выйти к острову равны нулю.

И еще одна неприятность: рыба не появлялась, если не считать нашу верную спутницу — акулу, которая сразу смекнула, что мы перебрались на новый плот. Жан и Ханс продолжали ворчать на меня. Один Хуанито вел себя безупречно. Он смирился и охотно помогал мне.

На следующий день, занимаясь вычислениями, я подумал: неплохо бы сделать что-нибудь вроде столика, и попросил Жана — Хуанито нес вахту у руля — отпилить доску. Жан взял пилу, но едва он коснулся доски, как раздался голос Хуанито:

— Не трогай, слышишь!

Мы вытаращили на него глаза. Что это: случайный каприз или начало нового кризиса?

— Послушай, дружище, в чем дело? — ласково спросил Жан. — Почему ты против того, чтобы отпилили доску?

В ответ прозвучало яростное:

— А я говорю — не трогай!

Мое терпение лопнуло, к тому же я отвечал за дисциплину на плоту. С трудом подавив гнев, я медленно встал, взял у Жана пилу и решительно принялся пилить злополучную доску. Взмешенный Хуанито бросил руль, шагнул в мою сторону и, подняв кулак, заорал:

— Ты что, не понимаешь — она защищает мои вещи!

Я продолжал как ни в чем не бывало пилить. Хуанито несколько раз грозным голосом повторил свое странное объяснение, потом вдруг опустил руку и жалобно произнес:

— И вообще отдайте мне мою долю продуктов.

Так вот оно что! Хуанито воспринял мое предложение уменьшить нормы с таким же неодобрением, как Жан и Ханс, но не посмел выразить недовольство, теперь его взорвало. Ничего не отвечая, я молча сел с отпиленной доской и погрузился в расчеты. Не встретив сопротивления, Хуанито растерялся, нерешительно, словно ища поддержки, поглядел на Жана и Ханса, потом вернулся к рулю.

Несмотря на победу, у меня было скверно на душе. Жан и Ханс недвусмысленно дали понять, что согласны с Хуанито: мол, вернее всего разделить поровну продукты и пресную воду. Я выждал, пока все остынет, и снова попытался втолковать им, что может пройти целый месяц, прежде чем мы достигнем земли, а потому необходима крайняя бережливость. Отдать каждому его долю, продолжал я, равносильно катастрофе — ведь тот, кто раньше съест свой запас, не согласится безропотно умереть голодной смертью на глазах у более осмотрительных товарищей. Самый веский аргумент я приберег под конец: о полной дежеке не может быть и речи уже потому, что консервы, открой мы их, быстро испортятся.

Три бунтаря вынуждены были признать справедливость моих доводов. Однако они возразили: кое-что можно разделить, например двенадцать банок сгущенного молока и семь пакетиков изюма. Спор возобновился.

Ясно было, что, как и месяц назад, они снова стремились отомстить Эрику за наши злоключения. Ведь он единственный на борту пользовался какими-то, пусть очень скромными, привилегиями.

Эрик не замедлил предложить мне соблазнительный и простой способ навести порядок на плоту: вздуть как следует строптивцев, а не поможет — вышвырнуть за борт! Против этого старого, доброго средства у меня было лишь одно возражение — попытка применить его легко могла кончиться тем, что за бортом окажутся мы с Эриком... Поэтому вечером, став на вахту, я долго размышлял, как избежать открытого бунта.

Капитан настоящего корабля призвал бы бунтовщиков к порядку, напомнив о корабельном уставе и пригрозив строгим наказанием по прибытии к месту назначения. У нас не было никакого устава; что же касается места назначения, то им грозило стать дно океана...

Сколько я ни ломал голову, пришлось признать, что единственный выход — поделить сгущенное молоко и изюм.

Утром 19 августа я сказал товарищам, что уступаю их настояниям, и вручил каждому по две банки сгущенного молока и по полтора пакетика изюма. Оставшиеся две банки на глазах у всех положил в ящик Эрика. Против этого никто не возражал...

Больше всего меня беспокоил Жан. До сих пор он держался стойко и охотно работал, теперь же им овладело уныние. В часы вахты он совсем падал духом, и нас то и дело разворачивало бок и обливало с головы до ног. Я целые сутки терпеливо сносил капризы Жана, наконец разозлился и как следует отчитал его. Жан спокойно выслушал меня и ехидно заметил:

— Не иначе, это мед в ящике на левом борту притягивает к себе руль.

Я чуть не кинулся на него с кулаками, но вовремя сдержался. В конце концов сам виноват, раз свернул на опасный путь уступок. И, однако же, сколько ни твердил я себе, что лучше раздать оставшийся мед, рука не поднималась. Лишь на следующий день я открыл ящик и вручил Жану, Хансу и Хуанито по банке меда.

Это произошло утром 21 августа. А спустя несколько часов плот прошел долготу Пенрина в 40 милях севернее острова... Жан, до последнего мгновения не терявший надежды, сразу сник. Я предпочел бы, чтобы он кричал, плакал ругался, но Жан страдал молча. Надо было отвлечь его, и я предложил ему попытать счастья в рыбной ловле. Жан нехотя взял подводное ружье и с горестным видом

полез в воду. Я облегченно вздохнул, тем более что запасы свежей рыбы нам давно не мешало пополнить.

И мои надежды оправдались: возле плота появилась вдруг большая золотая макрель! Жан был совсем не в форме, но тут приободрился и сумел поразить цель со второго выстрела. Зато, вытаскивая улов, он провозился до тех пор, пока внезапно появившаяся акула не перехватила добычу.

Мгновенно — откуда только прыть взялась! — перезарядив ружье, Жан поразил стрелой акулу. Не очень-то обдуманый ход: у него оставалась всего одна стрела. Было девять шансов из десяти, что акула оборвет канатик. Все смотрели затаив дыхание.

К счастью, стрела и канатик выдержали. И вот акула бьется на палубе. Я обрадовался, убедившись, что это не наша верная спутница.

Акулье мясо нельзя назвать лакомством, но на плоту давно забыли о разборчивости и не замедлили разорвать улов Жана. Мясо, которое не одолели сразу, тщательно высушили на солнце, надеясь сохранить его хоть несколько дней.

Охота на время отвлекла нас, но затем возродилась напряженная атмосфера. Нестерпимая жара иссушала тело; экономя пресную воду, мы все больше разбавляли ее морской.

Единственное спасение в том, чтобы быстрее достичь Самоа. Представьте себе наше отчаяние, когда ветер стал медленно смещаться к юго-востоку. Как ни маневрировали рулем, плот несло на запад.

Все чаще я с тревогой поглядывал на карту. Мы находились примерно на 9° южной широты. Острова Самоа раскинулись дугой между 13° и 16° южной широты. Если зюйд-ост удержится, вряд ли удастся подойти к архипелагу...

Жан и Ханс не скрывали, что считают меня никудышным штурманом. Приходилось ежедневно, ежечасно разъяснять им, почему наши действительные координаты не совпадают с теми, которые неведомо каким способом исчисляли они...

Спустя неделю после первого «учета» я снова проверил запасы и убедился, что мы израсходовали больше трети риса и почти половину пресной воды. И тогда надежды достичь земли или встретить судно показались мне столь ничтожными, что я разом ощутил слабость и безразличие. К чему продлевать муки? Зачем бодриться и надеяться? Все равно никого не обманешь... В разгар мрачных размышлений я услышал голос Эрика. Он за последнее время сильно сдал, часто бредил, жар не прекращался. Видимо, Эрик и не подозревал, что я слышу, как он твердит с отчаянием:

— Господи, все равно какой конец, лишь бы скорее...

Я сидел возле ящика Эрика, еле сдерживая слезы. Но — удивительно — постепенно горечь прошла, я почувствовал прилив жизненных сил. А может быть, гут не было ничего удивительного — просто я в отличие от Эрика был молод и здоров. Я взял себя в руки и трезво обдумывал положение. Как приготовить чечевицу, не варя ее на газовой плитке? Дождавшись вечерней вахты, я незаметно (к чему раньше времени обнадеживать других?) положил горсть чечевицы в кружку с морской водой. Наутро так же незаметно проверил, что получилось. Чечевица была, разумеется, очень соленая, но мягкая, и я смог ее разжевать. Успех настолько ободрил меня, что я отважился предложить уменьшить дневную норму воды до двух чашек на человека.

Хуанито немедленно заявил, что в таком случае откажется нести вахту. Казалось, назревает новый конфликт, но Жан и Ханс были просто не в состоянии протестовать. Видя это я спокойно ответил Хуанито, что как-нибудь отстою за него. Тот промолчал. Как раз в это время подошла его вахта — он послушно сменил Жана.

А ночью пошел дождь! Я крикнул товарищам, чтобы помогли мне растянуть парус. Уж теперь-то они должны воспрянуть духом. Ничего подобного... Прошло несколько минут, прежде чем Ханс и Хуанито с явной неохотой поднялись на ноги. Я передал руль Хуанито и хотел разбудить Жана. Он не спал, но отказался встать, объяснив, что собирать дождевую воду не к чему — это только продлит наши мучения, он же предпочитает быструю смерть. Я стал уговаривать Жана, он повернулся ко мне спиной.

Обошлись без его помощи. За полчаса наполнили бутылку и две бочки.

Происшествие с Жаном сильно огорчило меня, но вскоре эту заботу вытеснила другая, куда более серьезная. За первым дождем последовал второй, уже не такой желанный, причем он оказался предвестником сильнейшей грозы. И вот снова над океаном бушевал шторм...

Могучие валы швыряли плот как щепку, он трещал по всем швам. Волны грозили смыть навигационные инструменты и ящик с Эриком.

Надо крепить узлы. Я никак не мог собраться с духом, но когда

одна из бочек в средней раме вдруг сорвалась и стала бить по жердям, прыгнул в воду. Даже в этот критический момент товарищи не помогли мне. Жан и Ханс тупо глядели, как я работаю, а Хуанито спал сном невинного младенца!..

Шторм и ливень длились почти двое суток. Лишь утром 26 августа непогода унялась; к этому времени мы были скорее мертвы, чем живы. Впрочем, когда мы уничтожили добрую порцию макарон с колбасным фаршем и закусили консервированными фруктами, настроение у всех поднялось. Даже Эрик оживился после нескольких глотков сгущенного молока и меда.

Лишь к вечеру выглянуло солнце. Правда, вскоре опять подул ветер, но уже не зюйд-ост, а норд-ост, и на следующий день плот очутился на 30 миль южнее.

Карта говорила о том, что прямо по курсу лежат два из островов Кука — Манихики и Ракаханга. Всего 120 морских миль отделяло нас от них! Жан и Ханс сияли. Спасены! Меня умиляла столь нерушимая вера в спасение после того, как они дважды разочаровались.

Становилось не по себе при мысли о том, что произойдет, если мы промахнемся и на этот раз. А ведь скорее всего промахнемся, на ветер полагаться нельзя — он уже подводил нас.

Норд-ост держался 28 августа и большую часть следующего дня. В полдень 29 августа мы находились в 30 милях восточнее Ракаханги, но тут ветер начал смещаться к востоку. Эрик полагал, что только Манихики населен. Однако у нас было гораздо больше надежд попасть на Ракаханги, поэтому мы решительно направились к нему, хотя до этого острова было далеко.

Почти всю ночь я не отрывался от компаса. 30 августа, как только взошло солнце, определил нашу позицию. Плот приближался к цели, но очень медленно. В четыре часа дня все еще оставалось целых десять миль.

Под вечер плот попал в сильное южное течение, и ветер стал опять меняться.

На всякий случай я проверил свои расчеты. Все верно, вот-вот должен показаться остров...

Долгожданный миг настал четверть шестого. Эрик первый увидел над горизонтом темные макушки пальм. Я молча пожал ему руку. Хуанито воспринял известие спокойно, зато Ханс и Жан кричали от радости как безумные.

Сразу после шести стемнело, казалось, нас преследует злой рок, но около восьми из океана вынырнула круглая луна. Мы снова могли ориентироваться!

Теперь нас отделяло от острова не больше мили. Ниже темных кокосовых пальм отчетливо выделялась белая полоса пенистого прибоя. Я уступил место у руля Хуанито и прошел на нос. Плавая матросом на шухах, перевозящих копру, между островами Французской Полинезии, я убедился, что в кольцевых рифах бывают проходы. Если бы сейчас обнаружить такой проход!

Высаживаться на риф, да еще с наветренной стороны — дело опасное...

А вот и гул прибоя. Быстро сняли парус, чтобы уменьшить скорость; столкнули в воду два бревна: теперь они тянулись на канате за плотом, тормозя «Тройку» и не давая ей вертеться.

Вдруг Эрик, к моему ужасу, стал вылезать из ящика, чтобы сесть на него сверху. Более опасное место трудно было представить — ведь ящик удерживался лишь несколькими гвоздями. Мне

Хрушица
ВОКРУГ СВЕТА

ВЕНГРИЯ

Вдоль Балатона, почти повторяя ломаную линию северного берега, тянется асфальтированное шоссе. По одну его сторону плещутся волны озера, по другую — вздымаются склоны Баконьских гор. А метрах в двадцати от берега движется пароход с баржами, нагруженными камнем. Он строит дамбу шириной в 22 метра. На нее строители уложат железнодорожные рельсы и асфальт нового шоссе.

Зачем понадобилось пересекать Балатон дамбой? Дело в том, что в Баконьских горах часты оползни, и береговое шоссе приходится часто ремонтировать. Вот поэтому и решено прокладывать дорогу прямо по озеру.

В 1961 году над волнами Балатона промчатся первые поезда и автомашины.

РУМЫНИЯ

Столетие со дня основания отметил в этом году Ботанический сад Бухареста. Здесь собраны растения из самых отдаленных частей света. Работники сада переписываются и обмениваются семенами с тремястами крупнейшими заповедниками мира. Редкая коллекция флоры позволяет румынским ученым вести большую научную работу.

По данным последней переписи, произведенной в 1956 году, численность населения Румынии составляла примерно 17 500 тысяч человек. На 1 января 1960 года ее население исчислялось в 18 350 тысяч жителей.

удалось отговорить Эрика, он., послушно сел на корме между Жаном и Хансом.

Ближе, ближе... Проходов не видно... Может быть, прилив вырчит нас? Чем выше вода, тем мягче будет «посадка» на риф.

Когда оставалось несколько метров, я побежал на корму. Эрик сидел между Жаном и Хансом, обхватив руками их плечи. Рев прибора не давал говорить, но я увидел на изможденном лице Бишопа радостную и торжествующую улыбку, которая была красноречивее всех слов. Взглянул на часы — почти девять. В следующий миг корма поднялась, и плот стал дыбом.

...Некоторое время я ничего не соображал, а когда очнулся, то лежал в воде, жадно глотая воздух. Голова раскалывалась от боли. Где остальные?... Вон Хуанито стоит по пояс в воде на коралловом уступе... Головы Жана и Ханса торчат из волн рядом с бочкой. Только Эрика нет. Страшная мысль пронизала меня: неужели он под опрокинутым плотом?! Я нырнул, дрожащими руками ошупал бревна. Нет... И тут же увидел длинную фигуру Бишопа на воде рядом с плотом.

Из-за сильной волны было очень трудно держать лицо Эрика над водой. Подоспел Жан; мы вытащили Эрика.

Снимая с него тяжелую, мокрую одежду, я проклинал свою непредусмотрительность. Даже сильный, здоровый человек пошел бы ко дну в таком облачении, а ведь Бишоп не умел плавать! «Поздно, поздно!» — это слово назойливо вертелось в голове...

На плоту мы осмотрели Эрика, но не нашли никаких повреждений. И хотя он не приходил в себя, мы надеялись, что сможем спасти Эрика — надо только быстро доставить его на остров и сделать искусственное дыхание. До берега было самое большее сто метров, но плот, захваченный в плен волнами, бился о риф. Ханс и Хуанито попытались столкнуть его с места, но очутились под плотом и чуть не погибли.

Плыть с Эриком сквозь прибой было слишком рискованно, оставалось только ждать на плоту. Внезапно могучий вал подхватил «Тройку» и понес к острову. На полпути опять застряли на коралловом утесе, но лагуна оказалась мелкой, и мы поспешили к берегу вброд, неся Эрика на руках. Случайно я взглянул на светящиеся стрелки часов. Без четверти двенадцать! Прошло почти три часа, как опрокинулся плот!

Внезапно из темноты появился Ханс. Он оступился на рифе и разбил лицо.

Мы поручили Хансу поискать Хуанито, а сами устроили Эрику постель из сухих пальмовых листьев. Спичек не было, и я не мог проверить, дышит ли он. Приложив ухо к груди Эрика, я как будто услышал слабое биение. Мы с Жаном немедленно стали делать Бишопу искусственное дыхание.

Минуты ползли, мы все чаще сменялись, тяжело дыша от утомления. Я боялся, что Эрик простынет на ночном ветру. И Жан в надежде на то, что волны выбросили на берег парус, отправился искать его, но очень скоро вернулся и рассказал, что плот разбит вдребезги и все снаряжение, вероятно, погибло. Ему удалось найти лишь бутылочку с чистым спиртом.

Мы влили несколько капель в рот Эрика и возобновили искусственное дыхание. И только когда его тело начало коченеть, нам стало ясно, почему никак не удается согреть нашего капитана...

Сокращенный перевод со шведского Л. ЖДАНОВА

ГАНА

По данным статистического управления, население Ганы на апрель этого года составляло 6 691 тысячу человек. В 1948 году население Ганы равнялось 4 118 тысячам человек. Таким образом, за 12 лет население Ганы увеличилось более чем на 50 процентов.

ИНДИЯ

Указом президента Индии язык хинди после 1965 года будет объявлен основным, официальным языком страны. Английский язык также останется в качестве официального языка, но будет занимать второстепенное положение.

СИРИЙСКИЙ РАЙОН ОАР

При раскопках в районе древнего финикийского государства Угарит французский ученый профессор Шеф-

фер обнаружил таблицу с алфавитом древнего стенографического письма, основанного на значительном сокращении букв и слов.

ШВЕЦИЯ

По данным Центрального статистического бюро, численность населения Швеции составляла на 1 января 1960 года 7 471 300 человек. Среди них мужчин — 3 727 700, женщин — 3 743 600.

ЭФИОПИЯ

Вступила в строй новая гидроэлектростанция «Кокка» на реке Аваш. Гидроэлектростанция должна сыграть большую роль в развитии экономики Эфиопии. Она может вырабатывать до 110 миллионов киловатт-часов электроэнергии в год. Плотина гидроэлектростанции будет использована для ирригации прилегающих районов.

Научные МАРШРУТЫ СЕМИЛЕТКИ

Енисей. Эта полноводная река, пересекая Сибирь с юга на север, является главной транспортной магистралью обширнейшего и богатейшего края, который вступил в пору бурного экономического роста. Не случайно знаменитый исследователь Севера Фритъоф Нансен, предвидя возможности развития Сибири, назвал свою книгу о путешествии по Енисею — «В страну будущего».

* * *

— Вот он, Енисей! — кричал штурман, показывая вниз.

станции, самолеты прокладывают такие полосы. Река после обработки золой обычно вскрывается на две-три недели раньше, и ледоход проходит менее бурно.

Не раз мощные ледоколы пробовали «брать грудью» этот лед, но он не поддавался, и корабли отступали. Морякам приходилось ждать, когда летнее солнце растопит ледяной барьер...

Но ведь должен же существовать верный способ победить перемычку, пробить дорогу судам!

И. ПЕСЧАНСКИЙ, профессор

за днем опускается все ниже, захватывая новые глубины, возрастает и скорость его течения. Воды Енисея уже идут со скоростью 70 сантиметров в секунду, то есть в 14 раз быстрее, чем месяц назад. Измеряя таяние льда сверху, мы определяем, что тепловые потоки, вызванные солнечной радиацией, разрушают в сутки 3 сантиметра льда. В то же время снизу пресная теплая вода Енисея размывает до 25 сантиметров. Значит, в некоторые годы главной причиной естественного разрушения перемычки является таяние льда снизу. Но всегда ли бывает так? Нет. Иной раз таяние перемычки наступает позже. Очевидно, здесь

На ледяном барьере

Мы прильнули к окнам.

Справа темнела полоса воды, а слева, на юге, словно огромный блин, лежал плоский тундровый остров Сибирикова; за ним — крепко спаянные льды, плотно закрывшие выход Енисею в море. Это и была та ледовая перемычка, ради которой прилетела на Енисей наша экспедиция, организованная Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом «Главсевморпути».

Перемычка, точнее ледяной барьер, образующийся около острова Сибирикова, на целый месяц оттягивает открытие сквозной навигации по Енисею, закрывает вход к енисейским портам с моря.

Река уже давно вскрылась по всему течению и освободилась ото льда. Но перемычка все еще держится.

Есть много методов борьбы с ледовыми перемычками. Можно разрушать эти природные преграды взрывами, но эта уникальная, огромная перемычка, пожалуй, выдержит любую бомбежку. Слишком дорого обойдется такой метод. Можно бороться с енисейским барьером более «мирным» способом. Специальный самолет, снабженный вместительным резервуаром, пролетит над перемычкой, рассеивая черную золу или угольный порошок. Каждая пылинка должна будет помочь солнцу быстрее растопить толстый енисейский лед. Известно: быстрее нагреваются тела, окрашенные в темные, а не в светлые тона. На многих реках, чтобы уберечь от

Надо только детально изучить особенности енисейского ледохода. Этими вопросами и должна была заняться наша экспедиция.

* * *

Наш лагерь раскинут прямо на перемычке. Для того чтобы выяснить условия, при которых разрушается барьер, мы решили оставаться на нем до последних минут его существования, изучить «слабые места» этой преграды, найти способ ее разрушения.

В экспедиции работают известные ученые-гляциологи Иван Григорьевич Петров, Гурий Николаевич Яковлев, начальник научно-исследовательской обсерватории Диксона Алексей Петрович Легеньков, молодые инженеры Юрий Торбеев, Рудольф Булатов, Михаил Кривоногое.

Гидрологи определяют скорость течений, распределение морских и речных вод, наблюдают, как воздействуют на лед приливы, измеряют толщину льда на разных профилях реки. Метеорологи подсчитывают количество солнечной энергии в районе перемычки, узнают, каковы тепловые потоки от воды ко льду и ото льда в атмосферу.

Вскоре нам удается подметить интересное явление. Скорость пресной енисейской воды до ледохода невелика — всего 5—7 сантиметров в секунду. Два раза в сутки под перемычкой проходит и уходит большая вода морского прилива. Скорость такого полусуточного прилива достигает на десятиметровой глубине 18 сантиметров в секунду.

Теплый слой воды Енисея день

дело еще и в колебаниях теплового стока реки.

* * *

...В один из полетов мы решили обследовать район ледохода. Самолет летел на высоте трехсот метров. Снег сошел. На фоне рыже-коричневой тундры серебристыми комочками виднелись олени стада. Впереди показались очень высокая скала. Она резко вдавалась в залив. Я посмотрел на карту и прочитал название этого мыса — «Шайтанский». За мысом начинался ледоход. Один поселок плавал в воде.

— Венеция! — воскликнул штурман.

— Не хотел бы я этой Венеции!.. — заявил механик.

Я много раз бывал в Арктике и знаю, что такое лед. Но то, что я увидел здесь, меня потрясло. На пути ледохода был высокий левый берег, на который пришелся весь удар. Вокруг были навалены целые горы перетертого в мелкую крошку енисейского льда. Какую титаническую силу нужно было приложить, чтобы измолоть эти льды, прочность которых на сжатие превышает прочность гранита — 60—70 килограммов на квадратный сантиметр!

Мы подлетели к переднему фронту ледохода. Он напоминал клин и тащил на себе бревна разметанных плотов, сорванные с фундаментов дома, деревянные баржи. Километрах в двадцати ледоход кончался. Ветра не было. Широко разлившись Енисей отражал высокие перистые облака с нежными перламутровыми

тонами. Во всем чувствовалась какая-то поразительная свежесть, какая бывает ранним солнечным утром.

Да, могучая река Енисей! И надо во что бы то ни стало дать ей свободный выход в океан, освободить ее от единственной сковывающей перемычки.

Существует ли универсальный метод, который позволил бы успешно разрушить барьер в начале весны? Пожалуй, нет. Надо применять целый комплекс средств: надо использовать и взрывчатку, и солнечную радиацию, и мощные ледоколы, и само дыхание могучих теплых вод Енисея. Поведем наступление широким фронтом!

...Катастрофически уменьшается перемычка. Все имущество мы уже перенесли на берег, подготовили аварийные клиперботы. До последнего мгновения наблюдаем, как теплые воды размывают перемычку. И вот, наконец, она исчезает. Это происходит через месяц после того, как пошли первые пароходы по Енисею. Енисей соединяется с Карским морем.

Мы уезжаем домой. Нам удалось собрать интересный и ценный материал о ледовой обстановке в устье Енисея. Теперь мы многое узнали о ледоходе и связанных с ним гидрологических явлениях. Но нам предстоит еще провести исследования на протяжении нескольких лет, чтобы изучить все повадки реки. Ясно,

что в годы, когда теплый сток Енисея мал, следует применять комплексный метод разрушения. Но требуется определить, в каком соотношении применять известные нам средства воздействия, в какой очередности, какому «оружию» отдавать предпочтение.

Год на год не приходится. И, видимо, каждый раз люди, вступающая в схватку с суровой природой, будут изменять тактику этих нелегких боев, чтобы добиться наиболее эффективного результата. Нет сомнения, в ближайшее время ледовый барьер будет побежден.

В ПОЛОСЕ ШТОРМОВ

В начале этого года из Владивостока вышел экспедиционный гидрометеорологический корабль «Воейков».

Миновав Сангарский пролив, судно достигло сорок пятой параллели, попав в полосу штормов. Зимой корабли — редкие гости в этих широтах. Только альбатросы, распластав изогнутые крылья, реют над вспененными волнами.

Трудно приходилось аэрологам и океанографам. Основные исследования они проводят, когда корабль лежит в дрейфе. Но даже такому устойчивому судну, как «Воейков», дрейфовать в двенадцатибалльный ветер небезопасно... Рас-

холившийся океан далеко относит от борта тросы с приборами.

Был случай, когда во время шторма на глубине пяти тысяч метров покорило металлические рамы с глубоководными термометрами, а сами термометры превратились в порошок. Но, несмотря на тяжелые условия работы, ученые не покидали палубы.

В результате проведенных работ гидрологи уточнили границы течения Куроиси, изучили распределение температур на разных глубинах. Куроиси оказывает серьезное влияние на климат северной части Тихого океана. Теплотой этой океанской реки согреты острова Японии и берега Дальнего Востока. А на сороковых широтах, где воды Куроиси встре-

чаются с холодным Курильским течением, над океаном рождаются циклоны.

В научную программу экспедиции входило изучение влияния океана на атмосферу в северной части Тихого океана. Известно, что мощные океанские течения являются следствием работы ветров, а циркуляция водных пластов, в свою очередь, порождает движения в атмосфере. Чтобы распутать сложный клубок взаимосвязи океана и атмосферы, ученые провели обширные исследования.

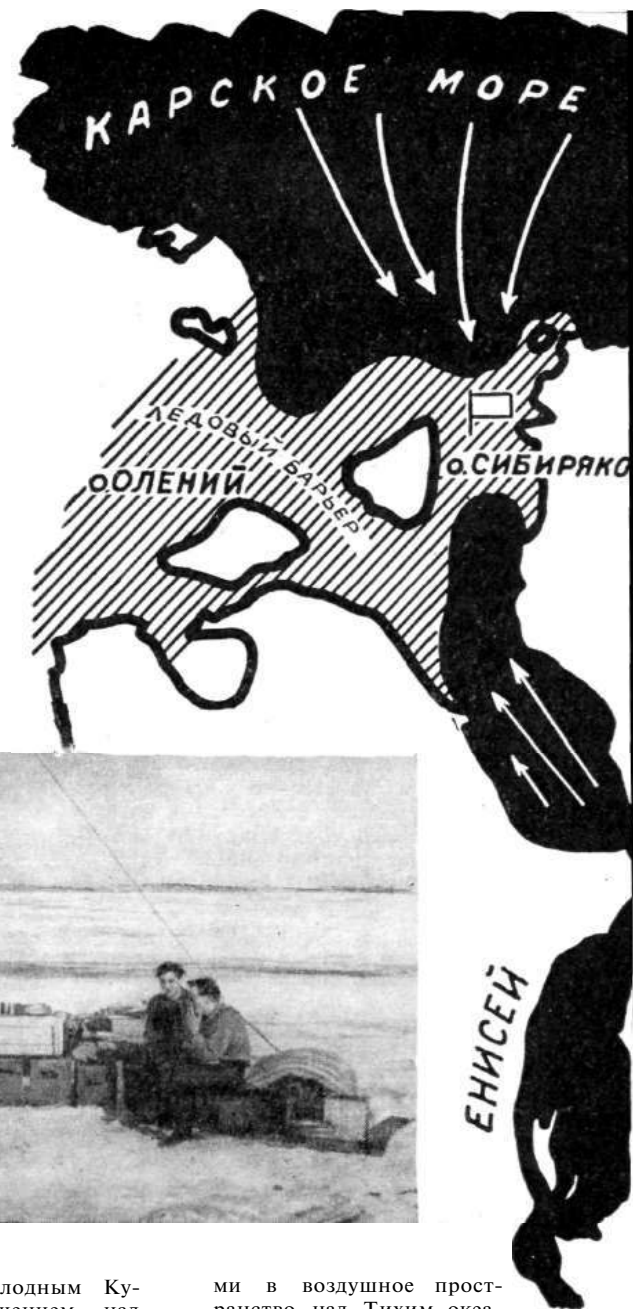
«Воейков» спустился от холодных широт до тропиков. Океанографы и метеорологи одновременно вели наблюдения за поверхностью океана и за атмосферой. Впервые советскими исследователя-

ми в воздушное пространство над Тихим океаном были запущены ракеты.

Экспедиция внесла поправки в картину атмосферы малоизученного района Тихого океана. На высоте десяти километров здесь открыто мощное струйное течение, несущееся со скоростью триста метров в секунду, то есть в десять раз быстрее ураганного ветра; получены новые данные и о верхних слоях атмосферы.

Эта экспедиция — только начало больших научных работ «Воейкова» в Тихом океане. Теперь к кораблю, выдержавшему суровые испытания в океане, присоединилось новое экспедиционное судно «Шокальский».

Г. БАРАНОВА

ЕНИСЕЙ

(«Виссен унд Лебен», «Нейе Берлинер Иллюстркрте», «Цейт им Билд»)

МОРСКОМ

Ю. ПОПКОВ

И

ПОДВОДНЫЙ ПОИСК

Лодка ходила кругами. Мотор заглохли, и рыбаки взялись за весла. То и дело кто-нибудь склонялся за борт, опускал в волны смотровое стекло и пристально вглядывался о пронизанную солнечными нитями толщу воды. Дно покрывал мохнатый ковер растительности, глубина была 14 метров. Между тем рыбаки уверяли, что дно должно быть скалистым и глубина метров семь-восемь, не больше.

Смотровое стекло было слишком ненадежным помощником в поисках. Поэтому Г. Капитен — таково было имя одного из сидевших в лодке немецких археологов — надел маску, ласты и нырнул в глубину.

Всплывая время от времени на поверхность и оглядывая берег, Капитен заметил, что между двумя домишками пролегла дорога к морю. Он стал ориентироваться по воображаемой оси, проходящей через середину дороги.

Внизу, под водой, тянулись густые заросли посеидонии, в которых прятались большие ракушки. Постепенно растительность почти исчезла, дно стало похоже на скудную, выжженную солнцем, иссушенную ветрами степь. Потом по степи поползли извилистые змейки трещин и расщелин. Степной пейзаж сменялся горным.

«Да, именно о таком месте и говорили рыбаки», — подумал Капитен.

И тут археолог увидел среди водорослей мерцающую глыбу горной породы. Он подплыл ближе: на дне лежали три каменных блока правильной кубической формы.

Справа Капитен заметил черную тень. Несколько торопливых взмахов ластами — и археолог оказался над колонной, застрявшей в расщелине. Рядом с первой лежали еще две колонны. В неверном, с трудом пробившемся сквозь толщу воды свете они были словно саркофаги великанов.

Обрадованный удачей, Капитен всплыл на поверхность и подозвал лодку. Товарищи подали ему пластинку из винидура, на которой можно писать под водой, и археолог снова устремился в глубину. Зарисовывая колонны, он обнаружил еще несколько обработанных каменных блоков и мелкие обломки. На одной из колонн виднелись полукруглые бороздки — следы архитектурных украшений, как сначала ре-

шил Капитен. Но, приглядевшись внимательней, он убедился, что это — работа моря.

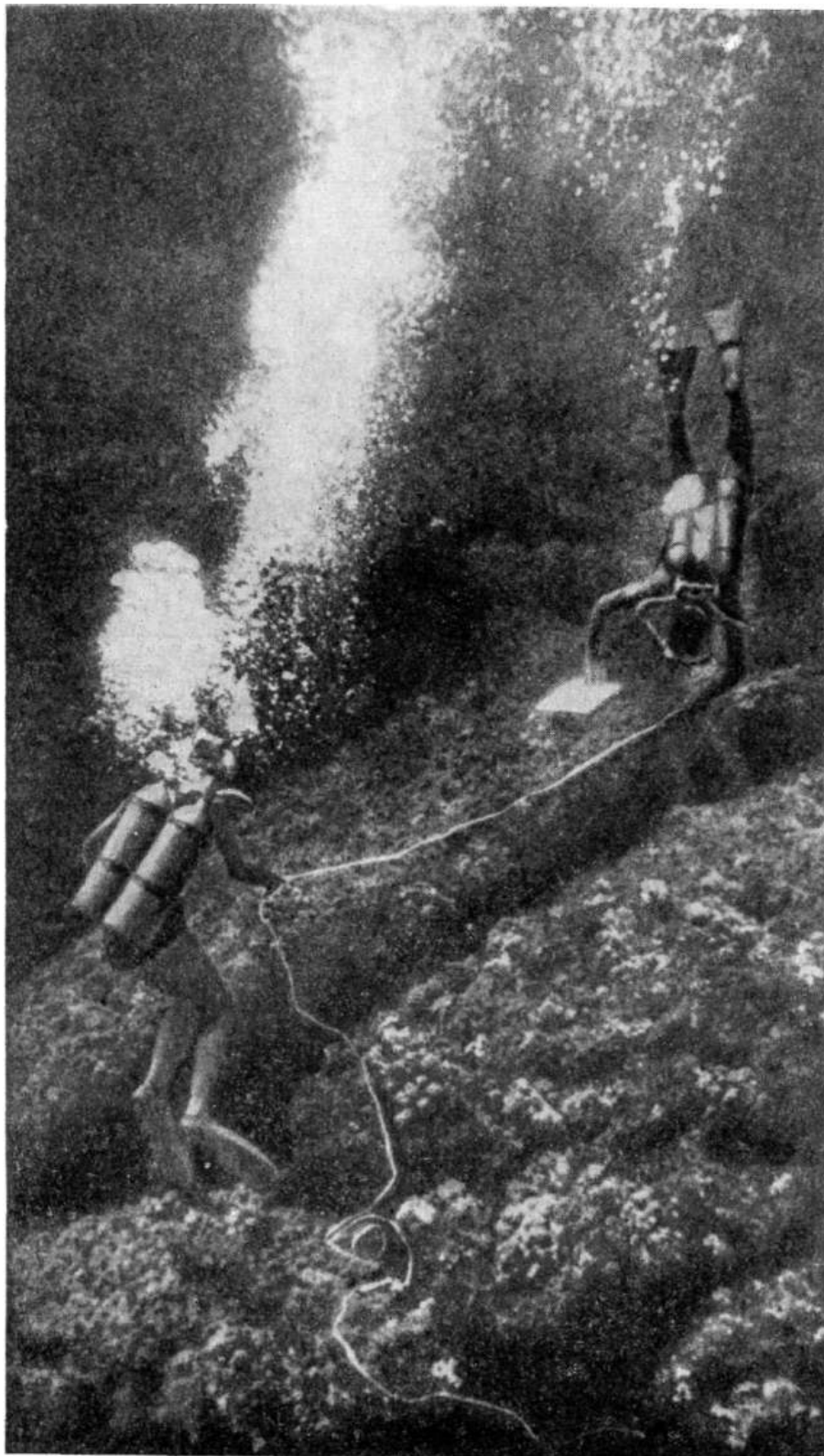
Сколько же веков пролежали на дне колонны? Как они попали сюда? Быть может, это остатки одного из городов легендарной Атлантиды?

ЗАТОПЛЕННЫЙ ГОРОД ИЛИ ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ?

Рыбаки Сицилии много раз видели на дне морском какие-то странные предметы. Воображение рисовало им таинственный город, затопленный морем.

И вот в 1959 году для подводных археологических исследований в Средиземном море были приглашены археологи Германской Демократической Республики.

Разведчики приступили к детальным обследованиям. От лежащих на дне огромных блоков, словно от драгоценных минералов, осторожно

мог исчезнуть, не оставив следа в истории. О нем, несомненно, должны были упоминать летописи, хроники или хотя бы предания. Однако все имеющиеся источники убедительно свидетельствовали, что на южном берегу Сицилии, в районе теперешнего местечка Марцамеми, две тысячи лет назад города не было. Тем более такого большого, для дворцов и храмов которого специально привозили из Греции голубой мрамор. Геологические данные тоже свидетельствовали против: на этом участке суша не опускалась.

И само расположение всех колонн и блоков на дне морском, когда их нанесли на план, ясно показало, что они не принадлежат к архитектурному ансамблю.

Да, как ни жалко, все это заставляло полностью отказаться от заманчивого предположения, что на дне морском найдены развалины затопленного города. Это была не легендарная Атлантида, а гораздо более скромная находка. Однако и она представляет для науки большой интерес.

Две тысячи лет назад у берегов Сицилии потерпел крушение большой корабль, плывший с грузом строительного материала из Греции в Древний Рим. Еще одна находка с очевидностью подтвердила это. Пробитый гвоздями медный лист, который обнаружили в одной из расщелин, скорей всего был частью обшивки корабля.

Потом был найден второй лист; он оказался свинцовым. Именно такими листами обшивали деревянные корпуса античных судов.

О ЧЕМ РАССКАЖУТ КАМНИ

Затонувший корабль! Стоит произнести эти слова, и в памяти возникают рассказы о бочонках с золотом, сундуках с драгоценностями и других сокровищах. Но здесь не было ни золотых монет, ни древних скульптур — всего лишь несколько листов металла и осколки амфор, какие можно встретить чуть ли не в каждом историческом музее.

Были и еще весьма весомые находки: каменные колонны. Но о чем могут поведать несколько разрозненных камней, в беспорядке разбросанных по дну?

По расположению камней ученые уже определили устройство грузовой части корабля. Сказалось, что общий вес груза равнялся 250 тоннам. Значит, по тем временам корабль был большой.

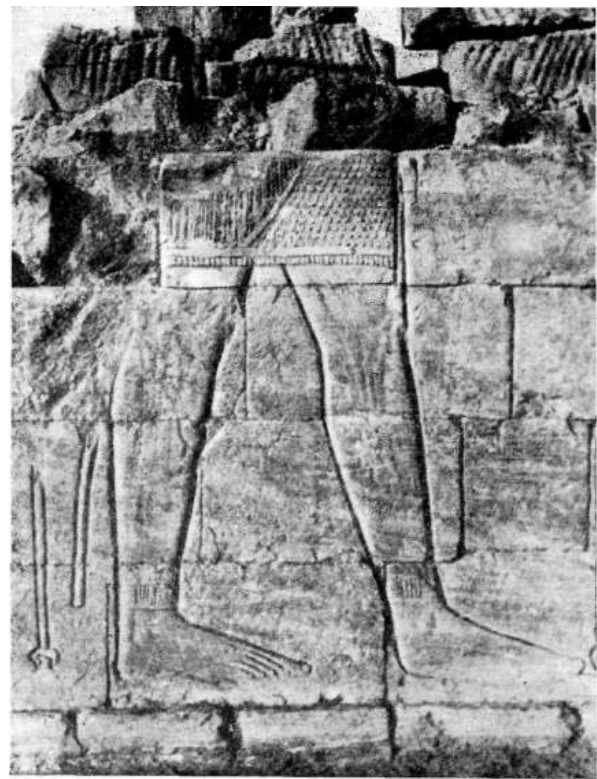
Археологи надеются, что находки расскажут им об архитектурных стилях далеких эпох, о строительных приемах и методах обработки мрамора. Они помогут также нанести на карту еще один старинный морской маршрут. Ведь в наши дни каждая новая, казалось бы и незначительная, находка помогает ученым составлять более полный и верный портрет истории.

откололи куски для пробы. Блоки и колонны оказались выточеными из голубого мрамора, который добывали в Греции. Как греческий мрамор попал к берегам Сицилии?

Быть может, в город, который позже погребли волны, привозили строительный материал из других стран? Тогда найденные блоки — скорей всего развалины не обыч-

ного строения, а дворца или храма. Значит, город был большим.

Обломки амфор, обнаруженные рядом с колоннами, помогли археологам датировать находки. Амфоры таких форм употреблялись около двух тысяч лет назад. Но ведь две тысячи лет — время не такое уж давнее для археологов. Город, существовавший в те времена, не

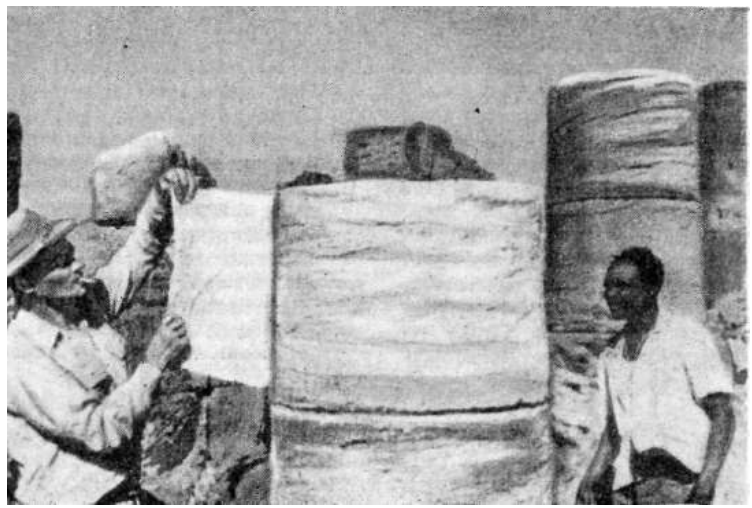
Вот почему в этом году немецкие археологи и ныряльщики снова появились у берегов Сицилии. Они работают не только у Марцамеми, но и еще в двух местах, где также обнаружены затонувшие суда.

УТОНУВШИЕ В ПЕСКАХ

А теперь покинем прохладное дно Средиземного моря и перенесемся на несколько тысяч километров, в жаркие пески Нубийской пустыни. Здесь по приглашению суданского правительства весной 1960 года работала другая археологическая экспедиция из Германской Демократической Республики.

Когда ученые Института египтологии имени Гумбольдта во главе с профессором Ф. Хинце приехали в долину Муссаварат-эль-Суфра, перед ними открылась почти такая же картина, как перед их коллегами, — среди моря песков они увидели лишь торчащие верхушки колонн да разбросанные в беспорядке каменные блоки.

Как видно, сильный подземный толчок разрушил некогда все вокруг.

Уже разведочные раскопки показали, что и здесь ученых ждут большие открытия. Обнаружены развалины храмов, гробниц и ряда сооружений, назначение которых пока остается неизвестным. Работы начались в Храме львов, который назван так потому, что в нем находилось изваяние священного льва. Это произведение искусства очень хорошо сохранилось.

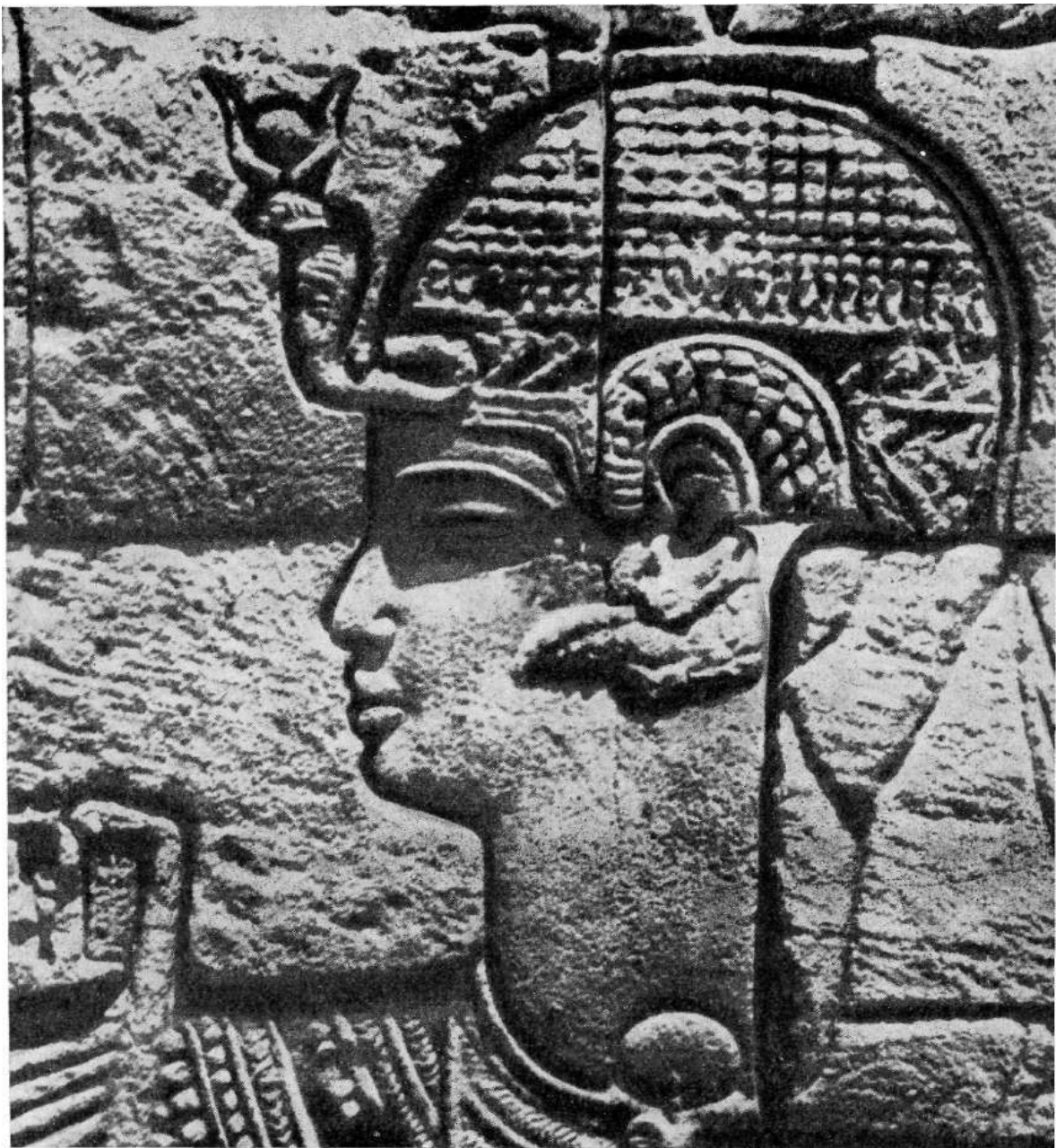
Здесь же обнаружили картуши с изображением царя Арнекamani, которого считают основателем Храма львов.

Большое количество прекрасно сохранившихся надписей, рисунков и рельефные изображения украшают каменные блоки, из которых сложены стены храма. Недаром долину назвали Муссаварат-эль-Суфра, что можно перевести как «место, украшенное изображениями».

Немецкие археологи впервые применили в Судане современный метод латексного оттиска. На надпись или рельеф наносится слой специальной массы — латекса. Когда она затвердеет, ее снимают, словно гипсовую повязку: надпись или изображение отпечатывается на латексе со всеми мельчайшими деталями. Оригинал, с которого снимали копию, не наносит ни малейшего вреда.

За несколько меся-

Картуши — орнаментированное изображение в виде щита.

цев работы было сделано много сотен таких оттисков, а также тысячи фотографий и рисунков.

Работать приходилось в очень тяжелых условиях, почти при пятидесятиградусной жаре. И немецкие ученые говорят, что вряд ли они добились бы таких значительных успехов, если бы не помощь суданцев.

НАРОД ИЩЕТ СВОЕ ПРОШЛОЕ

Суданцы не случайно так внимательно следят за ходом археологических работ и проявляют большой интерес к их результатам.

Буржуазные ученые, состоящие на службе у колонизаторов, давно развивают теорию, отрицающую сколько-нибудь значительный вклад африканского континента в историю

развития человеческого общества. По этой теории все выглядит очень просто: черные дикари веками жили в темноте и невежестве, но вот пришли белые и принесли им свет цивилизации. У коренных народов Африки, мол, не было ни своей культуры и искусства, ни своей государственности.

Раскопки в долине Муссаварат-эль-Суфра помогут раскрыть историю древнего африканского государства Мероз, которое некогда было обширным и могущественным. Здесь, по мнению профессора Хинце, развивалась и достигла расцвета коренная африканская культура. Первые результаты работ немецких археологов позволяют надеяться, что в истории африканских народов будут заполнены многие, до сих пор оставшиеся пустыми страницы. Бредовым же расистским теориям будет нанесен еще один удар.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. ГОЛУБЕВ, А. ГУСЕВ, Ю. ПОЛКОВНИКОВ — Они штурмуют недра планеты!	1
БОРИС ПОЛЯКОВ — Касьянов овринг. Рис. Б. Десницкого	7
Т. ПОЛОНСКИЙ — Пернатые рыболовы	10
ВЛАДИМИР ШНЕЙДЕРОВ — Изумруд Турфана	1
В. КАРЛЭ — Незнакомая Испания	15
В. ИОРДАНСКИЙ — Конакрийское лето	18
Б. ВРОНСКИЙ — Кто он, таинственный пришелец?	22
Страница геопоходчика	25
Я. ГОЛОВАНОВ — Звезды Гибралтара	26
А. РОГОВ — Над нами лед	30
В. ГИППЕНРЕЙТЕР — Пришла золотая осень . . . на вкладке	
НИКОЛАЙ ДРАЧИНСКИЙ — Африка! Африка! Рис. П. Павлинова	33
ВИКТОР ЗАК — В краю Белозерском	41
Пестрый мир	44
В. ПОДГРАДСКИЙ — Европейские джунгли	46
И. ГАНЗЕЛКА, М. ЗИКМУНД — Когда зима спросит	48
БЕНГТ ДАНИЕЛЬССОН — Трагическая гибель Эрика Бишопа. Рис. С. Прусова	52
Хроника «Вокруг света»	56
И. ПЕСЧАНСКИЙ — На ледяном барьере	58
Г. БАРАНОВА — В полосе штормов	59
Внимание, читатель!	64
По страницам журналов	
Ю. ПОПКОВ — На дне морском и в песках Нубии	60
Читатель спрашивает...	
И. АКИМУШКИН — Карликовый кашалот	10

ВНИМАНИЕ, ЧИТАТЕЛЬ!

В ноябре выйдет в свет первый номер «Искателя». «Искатель» — это книга для тех, кто любит фантастику и приключения, мечту и романтику, кто высоко ценит полет мысли и смелость человека.

«Искатель» поможет тебе заглянуть в будущее. На его страницах появятся романы, повести и рассказы известных советских и зарубежных писателей-фантастов. Видные советские ученые также скажут свое слово. Они поделятся мыслями о перспективах развития кибернетики и электроники, геологии и географии, биологии и химии.

Много места в «Искателе» будет отведено приключенческим повестям и рассказам, посвященным людям смелых профессий, героическим поступкам советского человека.

«Искатель» перенесет тебя, дорогой читатель, не только в будущее, но и в прошлое — раскроет перед тобой страницы старых журналов: «Всемирного следопыта», «На суше и на море». Ты вспомнишь лучшие произведения фантастического и приключенческого жанра, увидишь, насколько жизнь обогнала многие дерзновенные мечты писателей-фантастов.

«Искатель» — иллюстрированное приложение к журналу «Вокруг света», которое будет выходить 6 раз в год.

Итак, ждите наше приложение.

На первой странице обложки — Перед спуском в прорубь... (См. очерк «Над нами лед», стр. 30.)

Фото А. Рогова

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, Н. Н. БАРАНСКИЙ, Б. Н. ВАСИЛЬЕВА, В. Т. ЗАЙЧИКОВ, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (ответственный секретарь), П. Н. РЕШЕТОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ (заместитель главного редактора)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Ковалев
Адрес редакции: Москва, А-55, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 2-29.

А08095 Подп. к печ. 9/IX 1960 г. Печ. л. 8,5 (8,5). Уч.-изд. л. 10.2.

Тираж 180 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 1562

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Сущевская, 21.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ

Старый крестьянин

Фото Е. АГАПИТОВА

Мальчик на буйволе.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БЕРГГОЛЬЦ О., Сочинения в двух томах. Гослитиздат, 1958. Том I—224 стр., цена 6 р. 20 к.; том II—260 стр., цена 6 р. 25 к.

ГЕРЦЕН А., О развитии революционных идей в России. Гослитиздат, 1958, 160 стр., цена 2 р. 15 к.

ГОРЬКИЙ М., О том, как я учился писать. Гослитиздат, 1959, 40 стр., цена 40 коп.

КАСАТКИН И., Избранные рассказы. Гослитиздат, 1957, 398 стр., цена 7 р. 80 к.

ЛАО ШЭ, Сочинения в двух томах. Гослитиздат, 1957. Том I—400 стр., цена 8 р. 25 к.; том II—362 стр., цена 7 р. 35 к.

ЛЕССИНГ Г., Лаокоон. Гослитиздат, 1957, 518 стр., цена 10 р. 70 к.

СЛОНИМСКИЙ М., Избранные произведения в двух томах. Гослитиздат, 1958. Том I—548 стр., цена 12 р. 10 к.; том II—452 стр., цена 8 р. 80 к.

ТОЛСТОЙ Л., О литературе. Статьи. Письма. Дневники. Гослитиздат, 1955, 764 стр., цена 11 р. 65 к.

ФОНВИЗИН Д., Собрание сочинений в двух томах. Гослитиздат, 1959. Том I—631 стр., цена 9 р. 75 к.; том II—742 стр., цена 10 р. 85 к.

ХИКМЕТ Н., Избранные сочинения в двух томах. Гослитиздат, 1957. Том I—566 стр., цена 15 р. 65 к.; том II—336 стр., цена 10 р. 35 к.

ЭСХИЛ, Орестея. Перевод с древнегреческого. Гослитиздат, 1958, 174 стр., цена 3 руб.

ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ • КНИГИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.

СОЮЗКНИГА